

Летопись Девочини

ЖУРНАЛ
ИСПАРТА
ЦККП(Б)У

№ 2

ПОД ИЗДАНИЕМ ШЕСТОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
У К Р А И Н Ы

Летопись Ревалюццш

ЖУРНАЛ
ИСПАРТА
ЦККП(Б)У

№

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
У К Р А И Н Ы

ИСПАТТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
(БОЛЬШЕВИКОВ) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ КП(б)У
И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА УКРАИНЕ

№ 2 (23)

МАРТ — АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1927

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Гражданская война на Украине

Гопнер С. — Большевистская организация накануне и в первый период февральской революции в Екатеринославе	7
Щербатов В. — Черниговщина накануне революции и в дооктябрьский период 1917 г.	31
Викторов Е. — Первый этап революции на Николаевщине	69
Дикий А. — Из истории партизанской борьбы на Черкащине	95
Кегелес М. — Из воспоминаний рядового политработника	104
Розен С. — „Переяславская республика“ и ее герой Хрусталеv - Носарь	121

ОТДЕЛ II

Между двумя революциями

Харечко Т. — Из истории РСДРП в Донбассе	143
Коцюбинский Ю. — Черниговская организация 6-ков во время войны	180

ОТДЕЛ III

История профессионального движения

Шлосберг Д. — Из истории экономической борьбы рабочих в Донбассе между Февралем и Октябрем	189
От Истпрофа	204

ОТДЕЛ IV

Библиография

П. С. — Е. И. Мартынов. „Царская армия в февральском перевороте“	209
Ю. К. — Проф. Шелухин. „Варшавський договір між поляками й С. Петлюрою 21 квітня 1920 року“. Прага. В - во „Нова Україна“ — 40 стор.	216
С. Розен — Г. Клунний. В боротьбі за селянство. Земельне законодавство контр - революційних урядів за час революції на Україні. „Радянський Селянин“, Харків 1926 р. 180 стор.	220

ОТДЕЛ V

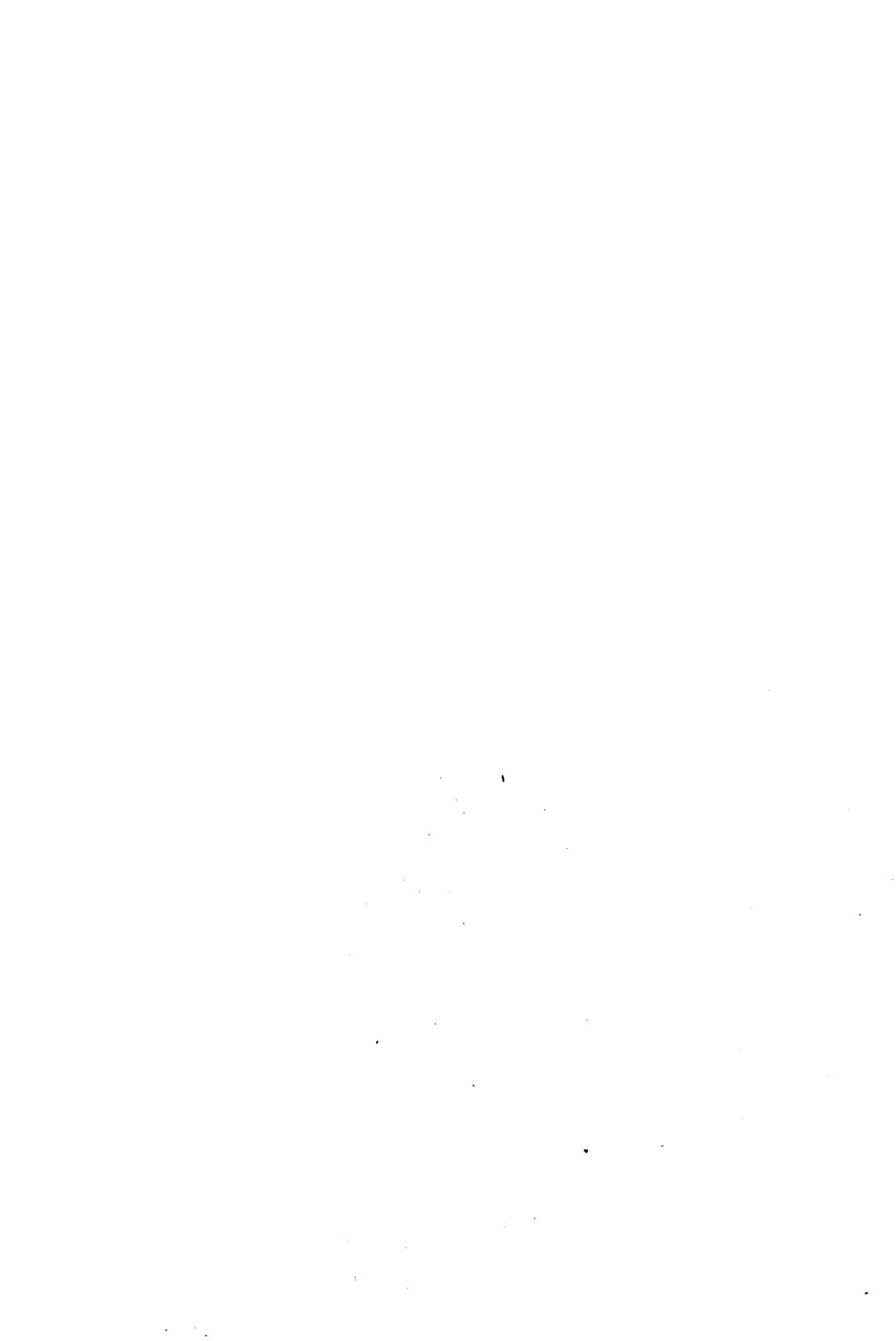
Хроника

Работа комиссии по подготовке празднования десятилетия Октябрьской революции	229
А. Г. — Истпарбота на местах	237

ОТДЕЛ I

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАКА- НУНЕ И В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

ВВЕДЕНИЕ

Есть все основания думать, что к 10-тилетию Октябрьской революции у нас не будет подлинно научной истории Екатеринославской организации, то же можно сказать о всех остальных организациях нашего Союза. Я лично неоднократно отказывалась писать и выступать по этому вопросу по той причине, что считала, что нам, активным участникам событий того времени, не следует выступать с воспоминаниями, имея на руках документов. Многое память нам сохранила, но все мы — люди, и субъективизм в наших воспоминаниях и рассказах неизбежен. Каждому виден лишь определенный угол — всей картины не видно никому. Только коллективная работа может дать полную картину событий в таком крупном центре, как Екатеринослав.

Настоящая статья является попыткой на основании уже появившихся воспоминаний нескольких товарищей подвести некоторые предварительные итоги, оставив до лучших времен документальную разработку той же темы.

Два слова об источниках, которые я использовала. Прежде всего и почти исключительно 2-й номер журнала „Летопись Революции“ за 1923 год, где имеется много статей, посвященных Екатеринославской организации. Затем — воспоминания, разбросанные в других сборниках. Характеристике подполья посвящены статьи: 1) т. В. Аверина „Из истории страхового рабочего движения в Екатеринославе“, 2) т. М. Равич-Черкасского „12 — 14 годы в Екатеринославе“, 3) т. Д. Лебеда „Очерки революционной работы на Екатеринославщине“, 4) т. Э. Квирина „Екатеринослав в 1914 — 15 г.г.“, 5) т. С. Гопнер „1916 год в Екатеринославе“ и 6) т. Валявко „Из революционной деятельности екатеринославских рабочих с 1914 по 1917 г.г.“. Сюда надо прибавить еще сборник „5-я годовщина Октябрьской революции“, изд. Екатеринославского Губкома КП(б)У за 1922 г.

Эти источники нельзя назвать исторически точными, но они имеют ту положительную сторону, что восстанавливают настроения участников, а это также есть часть истории.

Я ставлю задачей своей статьи — рассказать о кануне и о первых неделях Февральской революции приблизительно до 1-го мая 1917 г., беря, как основной материал, вышеназванные статьи и воспоминания.

В основу статьи положен мой доклад на заседании екатеринославской группы содействия Истпарту 20/IX — 1926 года. При окончательной редакции я учла выступления всех товарищей на этом заседании и внесла соответственные поправки.

Два слова к постановке вопроса.

Говоря о последнем периоде подполья, я старалась набросать общий фон, на котором развернулись события Февральской революции в Екатеринославе, освещению же первых полутора месяцев самой революции, фактическая сторона которых уже дана в воспоминаниях ряда товарищей, я стремилась придать другой характер. Этот период, по моему, должен быть освещен под углом зрения оценки нашей политической линии в целях выяснения физиономии большевистской организации Екатеринославщины в первый период революции. При этом факты и события должны играть лишь иллюстративную роль.

I. ПОДПОЛЬЕ 1916 ГОДА

По воспоминаниям, характеризующим разные периоды, можно установить некоторые почти бесспорные общие положения.

Город Екатеринослав вместе с Каменским заводом накануне Февральской революции имел 75.000 рабочих (в круглых числах), из которых подавляющее большинство было занято в крупной промышленности и работало в 1915—16 г.г. на всех парах на оборону. При этом только высококвалифицированные рабочие получали довольно высокую зарплату, чего нельзя сказать обо всей остальной массе рабочих. Безработицы не замечалось. Настроение рабочих, и прежде всего рабочих Брянского завода и железнодорожников, было в высшей степени напряженным и, в общем, революционным.

Само собой разумеется, что самым волнующим вопросом для рабочих масс был вопрос о войне. После первых 6—8 месяцев войны, месяцев замешательства, недоумения и выжидания, настроение подавляющего большинства рабочих (и в первую голову на Брянском заводе), вывилось, как резко отрицательное по отношению к войне. Вот как характеризует это настроение тов. Валявко:

„Время перевалило за первую половину 1915 года. Хриплый патриотический призыв коронованных патриотов оказывал мало влияния на рабочих, так как орудийный грохот, стоны

раненых и убитых и небывалая до того дороговизна предметов первой необходимости заглушали патриотические призывы и рабочий класс в целом тяжело и глухо стонал под всей тяжестью создавшихся условий, чутко прислушиваясь к каждому слову, указывавшему на выход из тяжелого положения". („Летопись Революции" № 2 за 1923 г., стр. 150).

На Брянском заводе колоссальное впечатление произвели события на заводе „Наваль" в Николаеве¹⁾. Рабочие собирали деньги и выражали всеми мерами свое сочувствие, и по свидетельству товарища Валявко больше внимания уделяли стачкам и арестам в Николаеве и инцидентам на соседних заводах, чем спору с меньшевиками.

По словам тов. Амосова (бывш. рабочий Брянского завода, ныне завед. Екатеринославским Истпартом) отдельные цеха Брянского завода останавливались на несколько дней в 1915 и 1916 г.г. По воспоминаниям Д. З. Лебеда на Амуре среди железнодорожников - вагонцев назревал вопрос о забастовке против „Рухловского режима" ²⁾. Забастовка эта разразилась, но через два дня прекратилась, и единственным результатом имела оштрафование рабочих.

Основной „легальной возможностью", которую можно было использовать, были больничные кассы. Из профессиональных союзов уцелел в городе лишь союз торгово - промышленных служащих, насчитывавший 800 членов. В этом союзе с незапамятных времен верховенство захватили соглашатели всех мастей, но главным образом — партия „еврейских социалистов" (ЕС). Все же под руководством городской большевистской организации несколько членов об - ва — большевики во главе с Рыбниковым, Михаилом Геншафтом и Равичем организовали фракцию и повели в 1913 — 14 г.г. большевистскую работу.

Так вот, если не считать этого единственного союза, вернее жалкой пародии на союз, действительной серьезной легальной базой работы были больничные кассы.

Самая сильная и самая большая больничная касса находилась на Брянском заводе.

Тов. Аверин в своей статье „Из истории страхового рабочего движения в Екатеринославе" (см. там же) так характеризует наше отношение к работе в больничных кассах: „Мы, большевики, ставили своей задачей использовать больничные кассы не только в деле организации рабочего класса, но и для превращения больничных касс на деле в боевые штабы классовой борьбы рабочих с капиталистами... в то время, как меньшевики стояли за нейтрализацию больничных касс и невмешательство политики в больничные кассы. Пути, наши

¹⁾ Речь идет о январской экономической стачке рабочих завода „Наваль", которая была подавлена путем жестоких репрессий.

²⁾ Рухлов — царский министр путей сообщения.

с меньшевиками разошлись, и нам пришлось вести отчаянную борьбу не только с капиталистами, но и с меньшевиками“.

В воспоминаниях тов. Квиринга (см. его статью „Екатеринослав“, относящуюся к первой половине 1915 г., Летопись Революции“, № 2 за 1923 г.) мы находим следующие строки: „Главная работа организации сосредоточивалась в больничных кассах, и за обладание ими шла отчаянная борьба между большевиками и ликвидаторами.“

Если рабочая часть правления была наша — это прежде всего обозначало приглашение большевика секретарем (по официальной терминологии царского закона — „делопроизводитель“) кассы, каковой и являлся фактически руководителем как всей страховой работы, так и вообще рабочего движения в соответственном предприятии“.

Борьба за обладание аппаратом больничных касс не прекращалась во весь период с самого их зарождения (1912 — 1913 г. г.) вплоть до революции.

Брянская и Каменская больничные кассы были сначала в руках большевиков, их возглавляли: Аверин, Квиринг, В. Шмидт и др. большевики. Но меньшевикам на выручку пришла царская полиция. После больших провалов в середине 1915 г. (арест т. Аверина, Квиринга, Тюленева, Власенко и других) кассы эти попали в руки меньшевиков.

В Брянской кассе к моменту приезда тов. Копылова и меня (лето 1916 г.) в правлении было несколько большевиков: Бондарев, Т. Коненко, кажется, также Переславский и Кураженко, борющихся с меньшевиками за аппарат больничной кассы. Меньшевики противодействовали приглашению меня и тов. Копылова в качестве служащих Брянской кассы. Но эта борьба кончилась для них поражением (см. мою статью „1916 г. в Екатеринославе“ „Летопись Революции“, № 2 за 1923 г.).

Скажу с своей стороны, что если во времена Аверина и Квиринга (1913 — 15 г. г.) наши парторганизации, наряду с задачей использовать больничную кассу, как легальную базу, для партийной работы, ставили на видном месте работу в области самого страхования, то во времена, когда мы с тов. Копыловым работали в кассе (1916 год) на первое место выдвигалось использование аппарата больничной кассы для подпольной партийной работы.

В обстановке затянувшейся войны, определенно назревавших больших событий и все более усиливающегося напряженного настроения в рабочих массах — установка, при которой сама борьба в недрах правления нас меньше занимала (возможно, что она была лучше и в ином свете видна товарищам правленцам, тогда они меня поправят), а все внимание целиком поглощалось задачами по укреплению подпольного партийного аппарата и обслуживанию все более разрастающейся массовой работы — была вполне естественна.

В конце 1916 года в первый месяц 1917 года мы больше использовали аппарат больничной кассы для обслуживания подпольной партийной работы, чем для борьбы на арене страхования, не потому, что мы расходились во взглядах с нашими предшественниками — т.т. Авериным, Квирингом и др. в вопросе об отношении к больничным кассам — в этом вопросе у нас была единая линия, а просто потому, что общеполитическая атмосфера на третий год войны стала настолько удушливой, что интерес к общереволюционным задачам, вернее к основному вопросу всех вопросов — к вопросу о революции, все больше вытеснял вопросы так называемых „частичных требований“.

Так или иначе, к концу 1916 года и началу 1917 г. Брянская больничная касса стала боевым штабом... нашей партийной организации.

Брянский завод был революционным авангардом рабочих масс. Под его сводами издавна зрели самые левые настроения. Это он вырастил таких выдающихся рабочих-большевиков, как Г. И. Петровский, В. Аверин, В. Валявка. На Брянском заводе в самые мрачные годы реакции работали десятки рабочих-большевиков.

И накануне революции там существовала крепкая большевистская организация, уничтожить которую охранка не могла, несмотря на то, что она часто „сняла“ ее голову. Так, в половине 1915 г. были арестованы: Аверин, Квиринг, Каменский, Хавский и ряд других товарищей. Незадолго до этого вынужден был уехать Валявка. Организация Брянского завода была обезглавлена и работа замирала. Но уже осенью того же года работа начинает снова оживать, а в начале 1916 года снова восстанавливается связь с городом и Заднепровьем.

„Весною и летом 1916 года руководящую партийную работу, распространяющуюся и на город и на заводы вел, товарищ Каганович (нынешний генеральный секретарь ЦК КП(б)У) под кличкой „Борис“.

После провала, вызванного провокацией рабочего Зайцева, ряд товарищей, среди которых был Каганович и я, должен был скрыться из Екатеринослава. Я вернулась через три недели и к осени поступила на службу в Брянскую больничную кассу (см. мою статью „1916 год в Екатеринославе“, „Летопись Революции“, № 2).

Я не помню хорошо, какова была структура организации летом 1916 года, но, судя по большому количеству собраний, на которых мне пришлось прочесть ряд докладов, и по многочисленности их, можно было заключить о большом размахе работы, если измерять возможностями подполья.

В это время большевистская организация имела уже вполне определенную линию по вопросу об отношении к войне и, в частности, проводила большевистскую линию в отношении к военнопромышленным комитетам.

На Брянском заводе, как мы уже указывали, накануне Февральской революции, существовал, несмотря на все провалы, очень сильный коллектив, знаменитый „Брянский коллектив“, который являлся центром для всех заводов по эту и по ту сторону Днепра. Роль его не ограничивалась только работой на Брянском заводе, а была гораздо большей. Во-первых, к нему тяготели все заводы по соседству, во-вторых, на него опирались городские рабочие, в-третьих, он завязывал связи с другими районами, при чем не только с районами, входящими в черту Екатеринослава, но и с выходящими за черту города, в первую очередь — с Каменским, Кривым Рогом и Луганским.

Брянский коллектив имел хорошо налаженную систему конспирации. Велика была осторожность, с которой принимали туда новых членов и с какой организовывали собрания. Осторожность доходила до того, что никто из участников за 2 часа до собрания не знал адреса, где оно будет происходить.

Вот последний состав Брянского коллектива в подполье накануне последнего провала (1—2 февраля 1917 г. по старому стилю), т.-е. за месяц до Февральской революции:

Бондарев Тихон — председатель Брянского коллектива, рабочий литейного цеха; Амосов — заместитель председателя, рабочий рельсопрокатного цеха; Переславский Мирон (кличка „Мирон Брянский“) — рабочий мартеновского цеха; Карташев, Лукашенко, Козьмин — представители доменного цеха; Коненко — представитель силового цеха; Рыков, Рухман — представители железопрокатного цеха; Андреев, Гонтарь — представители рельсопрокатного цеха; Дербасов, Лугашенко — представители мостового цеха; Замарайко, Копель — представители литейного цеха; Сериков, Шелухин — представители механического цеха; Кураженко, Алдошен — представители строительного цеха; Воинов — представитель копрового цеха; Цыпленков — представитель железнодорожного цеха.

Мартеновский цех был представлен Мироном Переславским (см. выше), а кем был представлен электрический цех — установить пока мне не удалось. Затем членами коллектива были еще: тов. Левенштейн (А. Луговой), кажется, служащий, Яшин, Быченко (не помню, от каких цехов), Копылов Николай Васильевич — питерский рабочий металлист завода „Новый Леснер“, Гопнер С. И. (кличка „Наташа“ — интеллигентка — кооптированы осенью 1916 года. (Состав этот восстановлен в нашем разговоре с товарищем Амосовым. Возможно, что есть неточности).

Таким образом, за исключением одного интеллигента (Гопнер), состав коллектива был исключительно рабочим.

С других заводов в подпольи помню товарищей: Войцеховича, рабочего завода Рудного, Захарьева — рабочего с трубного завода, Новикова Андрея — с завода Шодуар на Амуре Новикова Василия.

Работа велась и в других районах Екатеринослава. В Амурской организации собирались поставить газету, но удалось выпустить лишь листовку. Через несколько времени провалился шрифт и тогда же провалились несколько групп — анархистская, украинская, социал-демократическая. (См. ст. т. Лебедя о Заднепровской организации в „Лет. Рев.“). Марксистские кружки, работавшие под руководством тов. Скворчевского, существовали в Заднепровьи в самые глухие годы реакции. В конце января 1917 г. среди жел.-дор. началась забастовка против „Рухловского режима“, которая кончилась разгромом организации. В ночь с 1 на 2 февраля арестами была снята заднепровская партийная головка.

Самыми активными заднепровцами были: т. т. Лебедь Д. З., Власенко, Скворчевский, Баглен (погиб), Клочко Владимир (погиб), Воронцов Петр (погиб), Булат и Суханов.

Душою городской организации был тов. Наум. Это был молодой прекрасный товарищ. В городе было несколько рабочих кружков и кружок молодежи из интеллигенции. В этой группе соперничали с нами анархисты. Самый видный из них, агроном Гертопан, после Февральской революции стал энесом и ничем не отличался от кадетов.

В своих воспоминаниях т. Лебедь рассказывает о бегстве интеллигенции из партийных организаций. И действительно, интеллигент в организации был в то время такой редкостью, что меня, например, тов. Копылов встретил недоверчиво и даже долго не хотел идти на свидание со мной, узнав, что приехала „интеллигентка“. Уже значительно позже он, смеясь, говорил мне, что у него зародилось недоверие, и он просил не устраивать со мной свидания, пока не будет проверено в Петрограде, действительно ли была послана такая партийная работница. И только после подтверждения из Питера он согласился со мной встретиться.

По моей памяти Брянский коллектив был фактически общегородским Комитетом. Руководила работой тройка: Копылов, Гопнер и Кураженко. Работа этого Комитета имеет богатую историю.

Еще до революции к концу 1916 года мы организовали конференцию в деревне Диевке. Я помню, что председателем на конференции был тов. Захарьев. На этой конференции порядок дня был следующий: 1. О положении в Интернационале в связи с войной (докладчик тов. Гопнер). 2. Задачи партии и екатеринославской организации (докл. тов. Копылов). 3. Текущие дела.

Конференция собралась ночью в крестьянской избе. Несмотря на некоторые признаки, что эта конференция была выдана полиции, мы все же сумели ее благополучно закончить и вернулись на рассвете в город. Через несколько времени после этого из Питера приехали тов. Лутовинов и тов. Шура

Григорьева (металлистка¹⁾). Лутовинов приехал с определенным поручением — создать что-то вроде областного центра. К этому времени наша работа приняла очень широкие размеры. (Конечно, если измерять аршином подполья). Почти не было вечера, чтобы каждый из нас не проводил какого-нибудь собрания. Особенно много собраний мне пришлось проводить на Кайдаках. На собрания кроме рабочих стали приходить и солдаты и даже низшие чины из офицерства. Мы распространяли нелегальную большевистскую литературу не только среди рабочих, но и среди солдат.

Содержание нашей работы определялось идеями нашего заграничного ЦО „Социал-Демократ“. В центре всех вопросов стояла борьба с войной.

Оживление росло не по дням, а по часам. Одновременно росла и бдительность охраны. (Подробнее см. мою же статью в № 2 „Летописи Революции“ за 1923 г.). Так как мы с Копыловым работали в больничной кассе, наши адреса были известны полиции. Наша организация была скоро обезглавлена, многие из нас были арестованы в ночь с 1 на 2 февраля 1917 года — кто по своим квартирам, кто в кассах. Случайно уцелел лишь т. Копылов, который успел сбежать с квартиры после прихода полиции и уехал в Харьков. Кураженко еще за несколько недель до того был командирован в Кривой Рог. Лутовинов тоже уехал до провала.

На основании вполне проверенных данных я решаюсь утверждать, что целый месяц, начиная со 2-го февраля до освобождения нас из тюрьмы 4.III—1917 г. руководящей головкой партийной организации в Екатеринославе не было. Это важно отметить, чтобы понять обстановку после переворота и первые дни жизни нашей организации. Перед самой революцией организация была обезглавлена, вследствие чего в самый момент переворота почти никакого централизованного руководства не имела.

Возможно, что я ошибаюсь относительно отдельных районов, но если говорить об организации в целом, я утверждаю, что и по записям товарищей Лебеда, Суханова, моим, Копылова и всех остальных можно установить, что организация не имела руководящей верхушки до 5—6 марта, т. е. в первый самый решающий момент Февральской революции.

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

По воспоминаниям т. т. Копылова, Равича, моим (мои воспоминания начинаются только с 4-го марта), т. Новикова можно

¹⁾ Ныне вне компартии. — С. Г.

установить, как протекали первые часы революции. На апрельской конференции нашей партии в Питере в своем отчете я характеризовала первые моменты революции в Екатеринославе таким образом: „революция в Екатеринослав пришла по телеграфу“. И действительно, в самом Екатеринославе никакой революции в смысле боевых столкновений не было, она пришла туда извне и пришла именно „по телеграфу“.

В первые дни, когда уже шли выборы в Совет, полиция еще гуляла по городу, губернатор еще не был арестован. Рабочие с заводов и мастерских бегали на вокзал за свежими газетами, стараясь по ним уловить, что именно происходит в Питере.

В первые же дни образовался так называемый „Комитет представителей демократических организаций“, составленный из всех буржуазных и контр-революционных элементов.

В те же дни была образована меньшевиками „Временная комиссия“, выделенная совещанием представителей больничных касс, кооперативов, ремесленников, союза торг.-пром. служащих и заводов. В нее вошли меньшевистские работники больничных касс. „Временная комиссия“ послала своих представителей в „Комитет демократических общественных организаций“ и после выборов Совета эти представители продолжали принимать участие в „Комитете общественных организаций“ уже в качестве представителей Совета Рабочих Депутатов. Конечно, ни один из большевиков не имел ничего общего с этим „Комитетом“.

Когда получено было первое известие об образовании в Питере Совета Рабочих Депутатов, на заводах стихийно начались митинги. Тогда и „Временная комиссия“ выпустила воззвание к рабочим с призывом выбрать депутатов в Совет.

2 — 4 марта на заводах, кое-где стихийно, кое-где по почину „Временной комиссии“, происходили митинги и выборы.

Известия о событиях в столице и во всей стране воспринимались массами с необычайным, непередаваемым волнением.

Классовым инстинктом рабочие угадывали, что происходит величайший переворот, о котором долгие годы из поколения в поколение мечтали миллионы трудящихся.

Но, вместе с тем, в первые дни, не слыша ни от кого призыва ни к каким определенным действиям, а наоборот, читая в различных воззваниях (от губернаторских до меньшевистских) единодушную просьбу сохранять спокойствие, рабочие массы чувствовали себя обреченными на какое-то выжидательное положение.

На предвыборных митингах говорилось о событиях в самых общих чертах. Ясной картины завтрашнего дня не было.

С первой минуты лишь в одном, казалось, не было сомнения, а именно в том, что надо выбирать Совет, а там Совет укажет, что делать дальше.

Что касается меньшевиков, нужно сказать, что они с первой минуты етали руководиться одной основной идеей: ни в коем случае не раскалываться с либеральной буржуазией из „Комитета общественных организаций“, всеми средствами умерять классовую непримиримость рабочих. А затем они выдвинули все лозунги, выставленные главарями Питерского Совета Рабочих Депутатов.

С самого начала в лагере меньшевиков обнаружилось два оттенка: ярко оборонческое большинство, в том числе и меньшевистская верхушка, и меньшевики - интернационалисты, находившиеся в ничтожном меньшинстве.

В самом глупом и смешном положении оказался первый председатель Совета — Петр Орлов (рабочий деревообделочного цеха Трубногo завода б. Шодуар). Он был выдвинут меньшевиками на пост председателя, как один из самых популярных рабочих, пользовавшийся доверием и уважением в массах. Будучи меньшевиком - интернационалистом, он часто переживал „муки ада“ от крайне беззастенчиво - правых лозунгов и выступлений меньшевистских лидеров, но, будучи ими выдвинут на пост председателя Совета, он вынужден был проводить их линию, почти всегда не соглашаясь с ней и оставаясь в меньшинстве по самым важным вопросам.

Это приводило подчас к трагикомическим инцидентам, из которых особенно часто повторялся инцидент подачи в отставку с предсeдательского поста, кончавшийся всегда однако тем, что Орлов оставался председателем, а меньшевистские комитетчики продолжали делать по своему и заставляли Орлова творить их волю. В то же время Орлов вел неутомимую борьбу против нас, большевиков, используя для этого все свое влияние. В результате всех его противоречивых выступлений создавалось впечатление невероятной путаницы и неудивительно, что его популярность очень быстро падала.

В первые же дни разыгралась в этом духе история с подачей в отставку Орлова как раз в связи с выпуском нашего большевистского листка. Чтоб не забегать вперед, расскажу об этом ниже.

Теперь же вернусь к вопросу о настроениях первых дней революции.

Как было сказано выше, большевики к моменту переворота были распылены. Каково было настроение в нашем лагере? Для многих, сидевших за решеткой, конечно, и само их освобождение и те новости, которые они узнали в момент выхода из тюрьмы, были полной неожиданностью, так как они не знали событий последних недель перед переворотом. Первые известия о совершившемся перевороте вызвали чувство огромного под'ема.

Но это настроение не было всеобщим. Картина первых дней, когда мы, большевики, оказавшись несколько запоздавшими пришельцами, не сразу ориентировались в обстановке и упу-

стили инициативу, попавшую, в руки меньшевиков, вызвала своеобразное замешательство, даже подавленность у некоторых товарищей.

Возможно, что мое утверждение о наличии своеобразной растерянности будет оспариваться.

В виду этого считаю нужным сказать, что я, пересматривая воспоминания товарищей и наткнувшись на упоминание о такой растерянности, была склонна считать это чем-то в высшей степени субъективным, выражением личных переживаний отдельных товарищей.

Относительно себя скажу, что память сохранила мне как раз ощущение огромного под'ема и бодрости.

Однако, познакомившись с материалами, я не только убедилась в действительном наличии таких настроений подавленности и смущения в первые дни, вернее — часы революции, но мне кажется, нашла им и объяснение.

Приведу характеризующие эти настроения строки из воспоминаний активных товарищей. В своей статье „На пороге гражданской войны в Екатеринославе“ (Сборник „5 - я годовщина Октябрьской революции“ изд. Екатеринославского Губкома КП(б)У, 1922 г.) тов. Копылов (Николай Васильевич — кличка „Мартын“ — один из руководителей нашей организации в то время) рассказывает:

„В моей памяти встают особенно ярко три момента первых впечатлений февраля. Я сидел в одном трактире на Торговой площади (в Харькове — С. Гопнер) и пил чай. Вокруг было шумно и грязно. Гудела тысячами разбитых, хриплых голосов машина, словом, была обычная обстановка трактира, и вдруг какая-то чуйка, нечто в роде десятника или лабазника (достойный вестник буржуазной революции), поднимается с белым, только что отпечатанным листком в руках и начинает читать последние сообщения из Петрограда. Сгрудившаяся случайная публика, образовавшая своеобразный митинг, одобрительно крикала; кто-то даже крикнул „ура“.

Я вышел на улицу. Там, кажется, все уже знали.

Бешено носились мальчишки с телеграммами, непрерывной лентой тянулись студенты на сходку в университетский двор, останавливались заводы. Через несколько минут я уже был у своих, а вечером того же дня усаживался в поезд на Екатеринослав.

Приехал утром. Обстановка какая-то серая, не революционная. На стенах расклеены губернаторские объявления, излагавшие события с своеобразной чиновнической точки зрения. Насколько помню, кажется, в них даже запрещались манифестации и резолюции, предлагалось ожидать „дозволения начальства“. Но она (очевидно, „она — революция“ — С. Г.) пришла немножко раньше, прежде, чем начальство поняло всю бесповоротность революционных событий.

Собрался Совет. 4 марта, ровно год спустя после моего последнего выступления на заводе „Леснер“ в Петрограде, я выступал на Трубном заводе. Как сейчас помню свою аудиторию. Какая-то особенная серость, ни искры воодушевления, слушали тупо, молча. Невольно у самого настроение как-то падало. Впрочем, это и вполне понятно. Трубный завод долгое время шел за меньшевиками, состав рабочих был преимущественно сырой, крестьянский, чуждый политическим интересам, но понемногу массы раскачивались, начинали осознавать свои интересы в революции.

Екатеринославский Совет, как и все почти Советы первого периода революции, в большинстве был меньшевистско-эсеровский, но поразительно скоро соглашатели начали терять почву под ногами, и один за другими заводы стали переходить на сторону нашей партии“.

В своей статье „Февраль — декабрь 1917 г. в Екатеринославе“ („Летопись Революции“ № 1 за 1922 г.) другой участник событий, тов. М. Равич-Черкасский, делится впечатлениями о первых часах и днях революции в следующих словах:

„Февральско-мартовская революция в Екатеринославе выразилась только в том, что город, находящийся в стороне от большой дороги, начал нервничать в ожидании известий. Ближайшим к Екатеринославу крупным центром был Харьков и потому ждали на вокзале, на почте, у газетных киосков харьковского „Южного Края“, но ничего путного нельзя было добиться из сообщений газеты, так как телеграммы из Петрограда были короткие, отрывочные, местами пестрели белые лысины, занимавшие большую часть места для телеграмм.

В городе словно по щучьему веленью начались митинги. Кое-где появились воззвания. И, наконец, одно воззвание, подписанное екатеринославским губернатором. Последнее, ни слова не говоря о революции в Петрограде, о перевороте в столице, просто сообщило населению, что благодаря усилиям членов Государственной Думы с Родзянко во главе в Петрограде удалось приостановить начавшиеся рабочие беспорядки“.

Странные были митинги, странные воззвания. Все, положительно все, начиная от губернатора и кончая РСДРП (меньш.) и с.-р., все призывали к спокойствию. Трудно было понять, что это за революция такая, которая для своей полной победы требует „абсолютного спокойствия“.

Есть ли основание считать, что ясно выраженное в этих двух отрывках настроение некоторого уныния, растерянности и явной неудовлетворенности было всеобщим? Не думаю. Мы имеем тут же воспоминания т. Новикова Андрея (см. его ст. „Воспоминания о Февральской революции“, сборник „5-я годовщина Октябрьской революции“, изд. Екатеринославского

Губкома КП(б)У за 1922 г.), в которых выражено как раз бодрое настроение под'ема.

Но все же я пришла к убеждению, что настроения, выявившиеся в воспоминаниях т. т. Копылова и Равича, не были единичными, что они были характерны для значительной части товарищей. Я нашла подтверждение этой мысли в официальном, хотя далеко неточном документе — в кратком протокольном изложении доклада представителя екатеринославской организации¹⁾ на апрельской конференции нашей партии в Петрограде в 1917 г.

Я считаю нужным привести целиком весь отрывок протокольно изложенной речи екатеринославского делегата, несмотря на то, что этот протокол записан явно неточно и довольно несуразно :

... Делегат от Донецкого бассейна. Е к а т е р и н о с л а в. Рабочих свыше 50 тысяч; до революции в организации было 400 чел.; такое малое число объясняется тем, что работники систематически вылавливались (полицией — С. Г.), аресты прерывали работу. После революции в организации произошел упадок. Интеллигенции там не было (т.-е. до революции — С. Г.), сейчас нахлынула, но не большевистская. Теперь насчитывается 1½ тысячи организованных рабочих (т.-е., очевидно, организованных в партию членов — С. Г.). Есть военная организация, состоящая из 20 человек. Организованы профессиональные союзы металлистов, портных, прачешников, красильщиков и булочников. Издается газета „Звезда“. Профессиональные союзы организованы большевиками и находятся под большевистским влиянием. Введен 8-мичасовой рабочий день. На некоторых заводах установлен контроль над производством.

В С. Р. и С. Д. (то - есть в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов) преобладают количественно ликвидаторы, и хотя организации ликвидаторов там сначала не было („сначала“, то - есть до революции — С. Г.), но к моменту революции ликвидаторы заняли места (очевидно, все руководящие места — С. Г. В этом С. Р. и С. Д. нашего влияния быть не может (очевидно, речь идет не о „возможности“, а о слабости влияния — С. Г.) даже в ближайшем будущем. Продовольственный вопрос стоит очень остро“²⁾.

Мы видим, что в этом документе, несмотря на большую его уязвимость как со стороны исторической достоверности, так и со стороны простого политического смысла (не говоря уже о стиле), можно найти неоспоримое подтверждение определенного настроения замешательства в первые дни.

¹⁾ Доклад делала С. И. Гопнер.

²⁾ Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП (б - ков) в апреле 1917 г., ГИЗ. 1925.

Но приведенные справки вместе с тем дают материал и для объяснения этого явления.

В самом деле. Вчера еще в подпольи мы, большевики, были „властителями дум“ среди пролетарского авангарда и в первую голову — среди брянских рабочих.

Но вот разражаются величайшие события, и в первую минуту наших руководителей вообще нет на местах (кто в тюрьме, кто в ссылке), а когда мы появляемся — инициатива уже в руках меньшевиков и отчасти эсеров. Мы ясно почувствовали, что мы, хотя временно, но оттеснены от руководства. Вчера (в подпольи) мы вели за собой авангард в несколько сот человек, а сегодня десятки тысяч рабочих и вся солдатская масса идет за заядлыми оборонцами-меньшевиками и за героями фразы — эсерами.

Могло ли быть иначе? Разве для Екатеринослава не действовали закономерно те причины, которые вызвали такую же картину во всей стране, картину, когда рабочие массы после мрачайших дней реакции и военной диктатуры не сразу оценили положение, пожалуй, первые дни переживали и сомнения в окончательной победе над царизмом, когда перед ними еще неотвязно стоял призрак разбитой революции 1905 года, когда главной заботой рабочих было не разорвать фронта с солдатской массой в то время, когда эта солдатская масса еще полностью находилась во власти патриотического угара¹⁾, словом, когда мелкобуржуазная стихия захлестывала собой, как щепку, сознательный пролетарский авангард?

Нет сомнения, что эта картина временного стихийного подчинения широкой рабочей массы мелкобуржуазной идеологии, обнаружившаяся при первых голосованиях Совета по вопросу о политических лозунгах, не могла не вызвать заминки и даже некоторой подавленности у отдельных товарищей.

Переход от подполья к открытой работе в массах был сам по себе колоссальным переломом. Неудивительно, что наша подпольная организация, будучи обезглавлена, выйдя из подполья, перед лицом огромных событий была довольно таки беспомощна в первые дни.

Но положение изменилось, когда появились товарищи-большевики, которые смогли события возглавить.

ПЕРВЫЕ ШАГИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

4 марта нас выпустили из тюрьмы. 4 же марта по всем заводам происходили митинги и выборы в Совет и многие из нас на этих митингах уже выступали.

¹⁾ Имеющиеся сейчас в изобилии материалы о настроении солдат, особенно на фронтах, никак не допускают такого категорического утверждения. С патриотическим угаром в окопах покончили раньше, чем в тылу. — Ред.

В тот же день вечером собрался в первый раз Совет Рабочих Депутатов в Доме Научного Об-ва на 1-й Чечелевке.

Так что мы попали, что называется, „с корабля на бал“. В это же время приехал из Харькова т. Копылов.

Начались первые дни нашей открытой партийной жизни. Первое, что нужно отметить, это чрезвычайную организационную слабость наших рядов, раздробленность, неоформленность.

Но наша слабость была именно слабостью организационной, отнюдь не идейной.

На улицах, площадях и театрах — всюду, где собиралась митингующая толпа, десятки наших активистов-рабочих выступали и выявляли свое большевистское лицо.

Комитет наш собирался очень неаккуратно и очень редко в полном составе. И я не запомню, чтобы в эти первые дни мы на комитете обсуждали по долгу какие-нибудь вопросы. Самые важные, большие вопросы мы обсуждали на ходу, охваченные огромной стихией революции, которая требовала, чтобы наши силы целиком и полностью принадлежали заводам, площадям, казармам.

По словам т. Равича, в городе не знали, есть ли какой-нибудь большевистский комитет. О нем и о нашем существовании узнали только из листка, выпущенного числа 7—8 марта.

Я помню в кино „Рекорд“ собрание, созванное по инициативе городского района. Это собрание потом многими толковалось, как попытка создания параллельного комитета, но инициаторы собрания утверждали, что они ничего о нас не знали. Они созвали это собрание в том скоропалительном и пожарном порядке, в каком тогда все делалось. Я допускаю, что товарищи из города действительно не знали, где нас, работающих, главным образом, на заводах, искать.

Когда мы с т. Бондаревым были в Совете, кто-то прибежал к нам и заявил, что в кино собирается большевистское собрание. Бондарев сейчас же отправился туда и сообщил, что большевистский комитет давно существует.

После этого собрания заводская партийная организация теснее связалась с городской.

Несмотря на инициативу, проявленную нами при выборах в Совет, большевики прошли в Совет в ничтожном количестве, по сравнению с меньшевиками. По-моему, их было 14 человек. Тов. Новиков говорит, что большевиков было 42. Очевидно, точная цифра не установлена, да и вряд ли ее можно установить. Ведь кроме основного большевистского ядра членов Совета (хорошо бы установить точный список), были такие депутаты, которые каждый день перебегали от большевиков к меньшевикам и обратно. Никакой регистрации большевиков не было. Выбирали тоже неорганизованно, каждый день

производились довыборы и возможно, что в первый день было 14, а за 2—3 недели цифра дошла до 42 человек. Во всяком случае, фракция наша была невелика.

Вообще на той первой стадии революции выбирали не по спискам Комитета: в большинстве случаев рабочие выбирали тех, кого знали, обычно из работников больничных касс. Лишь определенные, вполне оформившиеся большевики-рабочие голосовали только за членов своей партии.

Переходя к вопросу о содержании работы нашей большевистской организации в то время, я предварительно хочу сказать несколько слов о возможном критерии. Мне думается, что нам нужно установить несколько общих моментов, считаясь с тогдашней общероссийской обстановкой.

Мы знаем, что во многих городах, в частности в городах Украины (Одесса, Кременчуг, Полтава, Елисаветград, Николаев, Юзовка), был целый ряд организаций, где мирно уживались большевики и меньшевики во весь первый период революции¹⁾ и где лишь через 5—6 месяцев после революции они раскололись.

По-моему, нужно установить в отношении екатеринославской организации с полной определенностью, что ни в подпольи от 1912 до 1917 г.²⁾, ни по выходе из подполья не было ни одного момента, когда мы были вместе в одной организации с меньшевиками. Это первый факт политического, а не организационного порядка.

Второй факт—это то, что при проведении различного рода кампаний, при выработке лозунгов мы с меньшевиками спорили непримиримо и яростно с первых же минут революции (как и до нее) и никогда не заключали насчет лозунгов предварительных соглашений. Идейного сговора между нами никогда не было.

Третий факт тот, что в первые же дни, без единой директивы из центра и при отсутствии еще достаточной связи между различными частями нашей организации, мы выпустили свой большевистский листок. Это было первое большевистское печатное выступление.

С этим то листком и вышла упомянутая выше любопытная история, имеющая интерес для характеристики той обстановки, в которой мы, маленькая кучка большевиков, прокладывали себе путь к массам.

¹⁾ Говорить о мирном сожительстве вряд ли возможно. Объединенные организации РСДРП действительно во многих городах существовали, но борьба внутри их между б-ми и м-ми велась всюду ожесточенная. — Ред.

²⁾ Фактически в самой революции 1905 года в Екатеринославе большевистские и меньшевистские организации существовали отдельно, за исключением короткого периода в 1912 году, когда по воспоминаниям т. Магидова („Летопись Революции“, № 2 за 1922 г.) организации были объединены. Этот вопрос следовало бы точнее изучить. — С. Г.

На одном из заседаний „Комитета общ. организаций“ один из его членов вытащил нашу большевистскую прокламацию (которая, благодаря какому-то техническому упущению, была выпущена без полной подписи нашей организации) и с возмущением „запросил“ об авторах листка, называя его провокаторским и другими крепкими словами¹⁾.

Из группы меньшевиков, представлявших уже в этот момент Совет Рабочих Депутатов, кто-то (кажется, Гвоздаков или Беспалов) взял слово и тоже, понося всеми крепкими словами наш листок, стал оправдываться, что Совет в нем не повинен, что он, повидимому, выпущен провокаторами.

Вот тут-то вскочил председатель Совета П. Орлов и взволнованным и громовым голосом при полном остоленении меньшевиков заявил приблизительно следующее: „Можно спорить, своевременно или несвоевременно выпущен этот листок. Я лично думаю, что несвоевременно. Но содержание листка целиком наше, социал-демократическое; я протестую против характеристики его авторов, как провокаторов. Его несомненно выпустили социал-демократы“.

Очевидцы инцидента рассказывали, что это заявление Орлова настолько взбесило его товарищей по меньшевистскому комитету (о буржуазных деятелях и говорить нечего), что господа ликвидаторы не постеснялись при всей контр-революционной шайке, не взирая на почетное звание председателя Совета, которым облечен по их же инициативе Орлов, наброситься на последнего и заявить через его голову всей буржуазной клике от имени Совета, что они с Орловым не согласны и что такие листки они считают вредными.

На следующее утро в Совете в моем присутствии Орлов, скрежеща зубами, рассказывал о гнусном поведении своих товарищей и, как мне казалось, очень решительно подавал в отставку. Однако меньшевики игнорировали его возмущение и, оставив его на председательском посту, продолжали гнуть свою линию. Орлов же не изменял себе и, безбожно путаясь сам и путая других, все же вел самую яростную борьбу против большевиков²⁾.

Возвращаясь к вопросу о содержании листка и всей нашей агитации.

Никаких лозунгов „диктатуры пролетариата“ или „вся власть Советам“ у нас в первые дни еще не было (они появились после апрельской конференции партии и частично

¹⁾ Весь инцидент излагаю по рассказам очевидцев, сама там не была, но хорошо запомнила. Ручаюсь, конечно, лишь за общий смысл. — С. Г.

²⁾ Я не знаю, где теперь Орлов, но в годы гражданской войны он был на советской службе, на хозяйственной работе и при встрече с нами в Донбассе в 1922 году говорил, что хотя из партии меньшевиков и ушел, но с большевиками и теперь не согласен и полагает, что никогда в коммунистическую партию не вступит. — С. Г.

во время апрельской демонстрации против ноты Милюкова): оставались пока что старые большевистские лозунги, наши тогдашние три кита: немедленная передача земли крестьянам, 8-мичасовой рабочий день, демократическая республика. Центральным же, самым боевым был лозунг — превращение империалистической войны в гражданскую. Наша большевистская постановка этого вопроса превосходно подводила массы к самым больным вопросам революции: о власти, о земле и т. д. Впервые мы открыто официально выступили перед широкими массами населения на „празднике Свободы“ 12-го марта (иначе — праздник „братания армии с народом“, как его тогда официально, кажется, называли большевики).

Подготовка к этому празднику велась Советом. Была образована из представителей всех партий митинговая комиссия, которая должна была выработать лозунги. Большевики в лице моем и тов. Копылова вошли в эту комиссию. Мы вдвоем и выступали от большевиков, когда начался спор о лозунгах. Меншевики выдвинули основным политическим лозунгом демократическую республику. Мы сейчас же стали настаивать на лозунгах о земле, о 8-мичасовом рабочем дне и о войне. Тут начался отчаянный бой. Против нас выступала поголовно вся комиссия, которая была почти повторением Исполкома (заседала чуть ли не 30 человек). Меншевики упорно стояли на своем, говоря, что наци лозунги для них неприемлемы.

В частности, о 8-мичасовом рабочем дне они говорили, что этот лозунг восстановит солдат против рабочих. Возражали они и против „земли“, опять таки опасаясь солдат, и т. д. Но самым боевым вопросом был конечно вопрос об отношении к войне.

Голоса в комиссии разделились пополам и вопрос был перенесен на пленум Совета, что несколько изменило положение. На пленуме первым стоял доклад меньшевиков. Затем выступила я от большевистской фракции, защищая наши лозунги. Виднейшие ораторы м-ков говорили без конца, так что наша 15-минутная речь была совершенно потоплена их 2—3-х часовыми выступлениями. Поэтому перед самым голосованием наш представитель выступил еще раз, при чем он учел, что нас поддерживали только большевики, а меньшевистских ораторов, кроме самих меньшевиков и беспартийные. По аплодисментам было ясно, что мы провалимся. Но тут произошло неожиданное выступление: уже после нашего представителя встал т. Гринбаум¹⁾, который был представителем от армии (Солдатский Совет существовал отдельно, объединение его с рабочими произошло лишь в мае). Меншевики приветствовали его, крича: „Пусть выступит представитель армии и подтвердит

¹⁾ Т. Кржеминский, ныне член ВКП(б), тогда анархист.

настроение солдат, тогда вы, большевики, увидите, кто прав". Но тов. Гринбаум не оправдал их надежд. Он заявил: „Я совершенно солидарен со всеми ораторами, выступавшими против большевиков. Я против 8-мичасового рабочего дня, так как солдаты отнесутся с враждебностью к рабочим и будут говорить, что рабочие не хотят работать тогда, когда солдаты погибают в окопах, и лозунг этот оттолкнет их от рабочих. Но что касается земли, то здесь, мне кажется, что большевики правы, потому что если солдаты за что-либо и воюют, то только за землю". Это заявление произвело огромное впечатление. Тогда наш представитель снова взял слово к порядку и предложил в связи с заявлением тов. Гринбаума голосовать каждый лозунг отдельно, что и было принято. Вопрос был разделен, и подавляющее большинство голосовало против 8-мичасового рабочего дня, но за землю. Относительно войны меньшевики провели, конечно, оборонческие лозунги. В таком виде и прошло постановление о лозунгах, но, конечно, наша организация не соблюдала „Советской дисциплины" и 12-го марта вышла на улицу со своими лозунгами.

На другой день получила телеграмма из Петрограда, где было сказано, что там вводится 8-мичасовой рабочий день. И с этого момента и у нас началось массовое движение на заводах за 8-мичасовой рабочий день, который вскоре и был установлен захватным порядком.

ИДЕЙНАЯ ФИЗИОНОМИЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

Недели через две после переворота приехал тов. Бек. К этому времени я узнала и т. Ройзенмана. Работников прибавилось. В нашем Комитете сейчас же было решено приступить к изданию газеты. Первый номер „Звезды" вышел 4/IV, в годовщину Ленского расстрела. До этого выходила газета „Известия Совета", в которой монопольными хозяевами были меньшевики. Поэтому у них не было острой нужды в создании своего партийного органа.

Но появление нашей газеты всполошило их, и они стали трубить, что надо иметь общий орган, что большевики, создавая свою газету, раскалывают рабочий класс. Но когда все это не помогло и мы „Звезду" все же выпустили, они стали организовывать свою газету, которая скоро и вышла.

Тов. Бек считался у нас литературно-образованным человеком, потому что он сотрудничал в легальной „Правде", и он действительно помог наладить газету. Тем не менее, первые наши номера могут служить прекрасным образцом неопытности и неумелости в смысле газетной формы и техники. Программа первого номера „Звезды" следующая: „Барон и Сапожник", статья Бека, нечто вроде фельетона, затем статья о войне,

где проводились большевистские взгляды на войну (статья написана мной), статья Копылова „О задачах партии“. Порядка статей точно не помню. К сожалению, первых номеров мне не удалось разыскать, но помню, что газета имела вполне выдержанный большевистский характер, что подчеркивает в своих воспоминаниях и т. Копылов.

О нашей идейной физиономии говорят и все наши выступления, которые участники событий должны быть хорошо известны. (Даже сотая часть их не записана, а то, что записано, записано чрезвычайно неточно, подчас и безграмотно).

В каком духе выступали товарищи?

Я считаю, что важнейшие вопросы у нас освещались, в общем, в ленинском духе. Мы с самого начала критиковали Временное Правительство, с первого дня революции мы беспощадно разоблачали его классовое лицо. Конечно, никто из нас в Екатеринославе до приезда т. Ленина в Питер не предвосхитил лозунга „вся власть Советам“, как этого не было ни в каком городе тогда. Но систематическая критика Временного Правительства подводила массы к вопросу о власти. Другой постановки не было и в других центрах. Формулировка Ленина появилась лишь тогда, когда он приехал в апреле со своими бессмертными тезисами. Несмотря на полное отсутствие руководства из центра и на скудную информацию, которые имела наша организация, мы освещали вопрос о войне так, как он освещался нашим заграничным „Социал - Демократом“.

Перед обсуждением того или иного вопроса в Совете (важнейшая трибуна в тот период) нам очень редко удавалось посоветоваться предварительно, потому что никогда нельзя было заранее предвидеть, о чем именно будут говорить в Совете. Порядка дня, заранее выработанного, почти никогда не было.

С первых же дней мы приступили к оформлению большевистской фракции в Совете. Для этого мы созвали собрание всех сочувствующих и поддерживающих нас членов Совета и прочитали на нем доклад о взглядах большевизма на войну и на другие основные вопросы революции. Этот доклад был развернутой большевистской платформой. С этого дня наша фракция была оформлена. Лозунги, которые были выдвинуты к 12 - му марта, как и этот доклад, были для нас политическим знаменем, по ним можно судить о нашей выдержанности в то время и, помимо, они показывают, что мы первые испытания выдержали.

По вопросу о погромах, самосудах, борьбе с контр - революцией мы имели свое мнение. И на пленумах Совета, и в Исполкоме, и в президиуме Исполкома — где бы вопрос не ставился и не обсуждался, мы требовали слова и говорили, что единственным средством против возможных погромов и других контр - революционных выступлений является вооружение рабочих. И это была большевистская постановка вопроса.

К вопросу об идейном содержании нашей агитации добавлю, что по поводу лозунгов к 1-му мая у нас тоже были разногласия с меньшевиками. Они выставляли своим лозунгом собрание денег на рабочий дворец, а мы считали, что если уж собирать деньги, то на печать и оружие.

Наша большевистская физиономия сказалась также и особенно в том, что у нас в центре стояла работа в массах. Мы все понимали, что важнейшей политической ареной нашей работы был Совет. В то же время элементарной истиной для нас, как подлинных большевиков было то, что все силы и все напряжение должны быть направлены на работу в массах. Работа велась очень широко и в печати и путем устных выступлений.

Надо отметить еще наше отношение к пресловутому меньшевистскому лозунгу „единства революционной демократии“. Он был центральным лозунгом, вокруг которого группировались меньшевики, эсеры и другие партии, образовавшие на основе этого лозунга, как известно, блок. Мы систематически противопоставляли себя этому блоку, в который входили все и вся, кроме открытых контр-революционеров.

С меньшевиками мы никогда, ни до этого, ни после этого, в организационную связь не входили. Когда вместе со всеми делегатами Совета т.т. Лебедь и Головко поехали на совещание Советов, начали ходить слухи (я об этом узнала, когда вернулся Головко), что эти два большевика со Всероссийского совещания возвращаются с предложением организационно объединиться с меньшевиками, что будто бы товарищ Лебедь говорил об этом во фракции Совета. Я его в первые дни после приезда не видела, а виделась с Головко, который был также одним из секретарей Совета. Когда Головко приехал, он говорил, что в Питере на съезде большевики с меньшевиками постановили слиться организационно. Я сейчас же спросила, был ли он в „Правде“ или в ЦК. Оказывается, туда он не ходил, но об этом ему сказали на совещании. В действительности оказалось, что их заманили межрайоновцы к себе и там их „обработали“. Межрайоновцы хотели вместе с частью большевиков сыграть роль объединителей. Они говорили, что уже существует в Питере какая-то объединенная организация.

Наш Екатеринославский Комитет был глубочайшим образом возмущен. Мы вынуждены были пригрозить этим двум товарищам исключением из партии. Тов. Лебедь очень скоро, чуть ли не через неделю, бросил эту затею. Головко, со свойственным ему легкомыслием, бабочкой летал по всем углам в Совете, распространяя миф об объединении и, в конце концов, мне пришлось заявить меньшевикам, которые приставали ко мне с этим вопросом, что рассказы Головко и его самого они могут рассматривать, как хотят, но организация его ни на что не уполномочила и своим представителем его не считает.

Вот тот инцидент, который изложен тов. Жуковским¹⁾ совсем неверно. Тов. Жуковский пишет, что на заседании нашего Комитета обсуждался вопрос об объединении с меньшевиками. Я же утверждаю, что этот вопрос не мог стоять на заседании Комитета.

Если в связи с инцидентом на Комитете какой-нибудь вопрос и обсуждался, то только вопрос о поведении товарищей Головки и Лебеда, но ни в коем случае не вопрос об объединении с меньшевиками. Это шло бы настолько в разрез со всеми традициями екатеринославской организации, что с полной уверенностью говорю: этот вопрос у нас в порядке дня стоять не мог. Мог стоять лишь вопрос о поведении данных товарищей²⁾. Итак, основная политическая линия, екатеринославской организации была достаточно выдержана.

Но наша политическая и организационная слабость сказалась в том, что мы не везде использовали свое влияние, не везде выступали со своей точкой зрения.

Самым важным недочетом в этой области надо считать наше игнорирование работы среди крестьянства. На деревню мы в этот период обращали весьма слабое внимание, если не считать, что наша большевистская постановка вопроса о земле сама по себе привлекала к нам внимание деревни, а наша работа в армии была почти на все 100% работой среди крестьянства. Но собственно в деревню мы проникали лишь случайно. И с точки зрения большевистской оценки мы можем поставить себе это в минус, хотя нам понятны причины этого пробела: недостаток сил, поглощаемых целиком огромным пролетарским центром³⁾.

Крупнейшим политическим упущением было наше игнорирование, вернее полное забвение национального вопроса. Мы, екатеринославцы, в особенности в первые недели революции ни разу не вспомнили, что мы работаем на Украине. Екатеринослав был для нас крупнейшим городом юга России — и только. Уже позже, в июне — июле месяце, когда стали давать о себе знать украинские эсдеки и эсеры, мы столкнулись с необходимостью считаться с этим вопросом. Но и тогда, и даже позже, поближе к Октябрю, мы плохо

¹⁾ „Летопись Революции“, № 1 за 1926 год.

²⁾ Это мое мнение я высказала на собрании екатеринославской группы содействия Истпарту (20 ноября 1926 г. в Москве). На этом же заседании т. Д. З. Лебедь в своем выступлении целиком присоединился к моему мнению и, в частности, заявил, что на том собрании, где он выступал в защиту организационного объединения с меньшевиками одним из первых обрушилась на него с возражениями С. Гопнер. Это сообщение встретило единодушное подтверждение всех присутствовавших членов группы. Мне кажется, что это коллективное свидетельство является достаточно убедительным опровержением утверждений Т. Жуковского о том, что Гопнер была „безоговорочно“ за объединение с меньшевиками.

³⁾ Этот недочет указан в ст. тов. Квинринга и других.

ориентировались в этом вопросе и наделали массу ошибок. В первые же недели и месяцы мы просто забыли о существовании национальной проблемы, благо никто нам об этом не напоминал.

Это обстоятельство было связано с тем, что первые недели все внимание и масс и их руководителей направлялось к задаче разъяснения широчайшим массам самых общих задач революции, и ударение в этот период делалось главным образом на выявлении ее классового содержания в самой общей постановке. Игнорирование национального вопроса имело последствием очень большие осложнения, которые частично избежать, вероятно, можно было бы, если бы своевременно мы имели правильную, чуткую ориентировку в одной из основных проблем украинской действительности.

Вообще мы не поспевали повсюду и прозевали некоторые моменты, которые мы могли бы великолепно использовать для популяризации наших идей.

После первых недель, когда мы лучше стали ориентироваться в обстановке, произошла перемена и во внутрипартийной жизни: мы перешли от раздробленности и кустарничества к более оформленной организации и от кружковых методов к методам широкой массовой работы среди членов партии.

В начале апреля произошло общее собрание членов партии в цирке, на котором был выбран, наконец, настоящий Комитет. Раньше мы все, члены Комитета, часто сами не знали, кем и когда избраны и кто нам эту работу поручил. Через несколько дней после выборов Комитета, в другом помещении произошло очередное собрание или конференция (точно не помню), когда была выбрана делегация на апрельскую конференцию. Делегатов было двое: Копылов и Гопнер.

По всем важнейшим вопросам на апрельской конференции 1917 г. мы с т. Копыловым голосовали с ленинским большинством. Это была историческая конференция нашей партии, на которой были приняты тезисы тов. Ленина подавляющим большинством против ничтожного меньшинства. Помню, наши доклады об этой конференции, которые мы по возвращении делали екатеринославской организации, встретили единодушное сочувствие. Всюду дружно принималась резолюция в духе большинства апрельской конференции, т. е. в духе тезисов т. Ленина. Насколько мне память не изменяет, ни один из наших докладов не встретил возражений и никаких предложений, отличных от тех, которые были приняты конференцией, никаких новых резолюций не было внесено.

Я позволю себе сделать следующие выводы о политической физиономии нашей екатеринославской организации в решающие исторические дни Февральской революции: 1) лицо организации было выявлено совершенно как определенно большевистское; 2) ни одного крупного

политического разногласия в среде группы, возглавлявшей тогда организацию, не было. Это вытекает из всего вышеизложенного и может быть доказано рядом других фактов.

Это утверждение я делаю на основании следующих, моему, неоспоримых данных:

1. Раздельность существования нашей организации, не нарушенная ни на одну минуту каким бы то ни было, хотя бы мимолетным организационным слиянием с меньшевиками.

2. Выпуск в первые дни революции большевистского листка с большевистскими лозунгами.

3. Выступление в первые дни нашей фракции в Совете со своими лозунгами.

4. Создание своей газеты.

5. Большевистское содержание всей агитации.

6. Большевистские методы работы, выразившиеся в перенесении центра внимания на широкие массы, в частности, работа в армии.

7. Постановка задачи вооружения рабочих и практическое приготовление организации Красной гвардии.

8. Безоговорочное и единодушное присоединение всей организации во главе с Комитетом к ленинским резолюциям апрельской конференции нашей партии.

Я беру на себя смелость утверждать, что совокупность этих фактов, которых никто оспорить не сможет, может служить правильным критерием для объективной оценки физиономии екатеринославской организации за указанный период.

Я считаю, что критерий этот правилен, если учесть общую обстановку первых недель революции, когда внимание широких масс было сосредоточено на работе по окончательной ликвидации остатков царизма в большей мере, чем на дальнейших перспективах революции, когда соглашательские партии и Временное Правительство еще не успели себя дискредитировать, когда массы еще целиком были во власти демократических иллюзий и оборонческих предрассудков. Основной задачей большевизма в этот момент было, по словам т. Ленина, терпеливое разъяснение, длительное просвещение широких масс по вопросу о природе войны, о классовой природе Временного Правительства, о социальных корнях соглашательства. Эта работа неуклонно подводила массы к большевистским выводам о задачах рабочего класса в этой революции. Эту разъяснительную работу мы проделывали весьма недурно.

Если прибавить к этому атмосферу травли, которая нас окружала, нашу малочисленность, отсутствие каких бы то ни было директив из центра (если не считать полуоппортунистических директив газеты „Правда“ каменевского периода), то надо придти к заключению, что характеристика, данная мной, является правильной.

ЧЕРНИГОВЩИНА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД 1917 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕРНИГОВЩИНЫ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Черниговщина — типичная крестьянская губерния с наличием значительного числа ремесленников и сельского населения, занимающегося кустарным и отхожими промыслами. Из общего количества населения по губернии 2.767.474 человека, 424 084 принадлежит к населению городов и городских поселений, остальная масса — селянство, составляющее в общей сложности 85% всего населения. (По переписи 1917 г. ¹).

Города бывшей Черниговской губернии — небольшие, населенные главным образом торговцами, ремесленниками и чиновниками. Сам бывший губернский центр Чернигов — типичный мещанский чиновничий город с населением в 40.000 человек.

Сельское население Черниговской губернии в экономическом отношении, за исключением 2—3 южных уездов, было крайне необеспечено и на протяжении десятков лет терпело страшную материальную нужду. Обрабатываемая ими земля в большей своей части мало плодородна. В количественном отношении ее было совершенно недостаточно для удовлетворения насущных нужд селянства. Всего в руках селян находилось 2.732.724 десятины земли. В среднем на каждый двор приходилось 6,3 десятины. Среди селянства имелся большой процент безземельных, малоземельных и безлошадных. Так, 10.000 дворов имели от 1-ой десятины и меньше; 23.308 дворов — до 2-х десятин. Безлошадных по всей губернии насчитывалось 28,2% крестьянских дворов.

В то же время незначительному числу помещиков принадлежало по губернии свыше 1 мил. десятин земли, 185 помещиков имели от 500 до 1000 дес. земли каждый. Одному только Терещенко принадлежало в губернии 250.000 десятин.

¹) Статья составлена по архив. б.в. Черниговского губернского жандармского управления.

Имеется в виду Черниговщина дореволюционного периода, в состав которой входило 15 уездов. Часть этих уездов ныне отошла к РСФСР и Белоруссии.

При таком положении селянство, естественно, должно было искать заработков на стороне. Помимо ухода на заработки за пределы губернии громадная часть селян работала в экономиях и на сахарных заводах, расположенных на территориях Черниговщины. Заработки же на последних были чрезвычайно ничтожны. Так, напр., селянин со своею лошады зарабатывал в среднем в течение дня 1 р. 15 к., работник без лошади — от 35 до 53 копеек и работница селянка — от 25 до 35 коп.

На почве такого тяжелого экономического состояния среди селянства еще начиная с 900 годов развиваются различного рода волнения, вылившиеся в 1905 — 6 г. г. в громадные восстания, поджеги и разрушения помещичьих имений. Карательными экспедициями царское правительство сумело придушить эти восстания, жестоко расправившись с бунтовщиками. Но война 1914 года внесла еще большее разорение и нищету в жизнь села, положение его с каждым годом все больше и больше ухудшалось. Количество скота за время первых трех лет войны значительно уменьшилось. Быстро увеличивались недосевы полей. Так, уже в 1916 г. недосевы озимых по отдельным уездам составляли: по Новгород - Северскому уезду — 36%, по Городнянскому — от 25 до 40%, по Остерскому — от 25 до 50%, Сосницкому — 30%, Черниговскому — 30% и т. д.

Начиная с 1916 и 1917 г. г. селянство начинает снова волноваться, недовольство и брожение среди селян выливается порой в открытое столкновение с представителями власти. Февральская революция внесла в настроение селянства как бы некоторое успокоение. Масса селянства, за исключением верхушечной части его, в первое время после революции оставалась почти индифферентной по отношению ко всему тому, что вокруг нее совершалось. Но будучи пассивным по отношению к вопросам общеполитическим, селянин - массовик внимательно наблюдал за ходом событий, ожидая для себя реальных результатов. Он думал о земле, он надеялся, что новое правительство передаст в его руки помещичьи имения. Но 4 — 5 месяцев всенародной говорильни убедили село в том, что ожидать этой земли, ожидать улучшения своего экономического положения от Временного Правительства нечего, что нужно самим что - то делать.

НАСТРОЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Рост дороговизны, разорение и обнищание крестьянства, несоответствие заработной платы рабочих быстрому росту цен на продукты первой необходимости, печальные сообщения о положении на фронте, новые мобилизации — все это заметно начинало сказываться на настроении населения. Создавалась напряженная обстановка. Из Стародубского уезда помощник губернского жандармского управления в январе 1917 года сообщал: „На

почве недоедания, а иногда и голода среди населения, преимущественно городского, заметно недовольство и ропот, но и то и другое высказывают не по адресу земства, принимающего все меры к своевременной доставке в потребном количестве зерна или муки, а по отношению уполномоченного и вообще несогласованности действий, ведающих этим делом. Наличное количество муки распределяется земством вполне справедливо, по карточной системе, и всякие нарекания на земство в этой области необходимо отнести к разряду недобросовестных". (Архив Черниг. губ. жандармск. управ.).

Уже это первое сообщение говорит нам о том, что анархия и беспорядок, карточная система, и на этой почве недовольство среди населения начинают давать себя чувствовать. Из Нежинского уезда мы имеем подобное же сообщение: „В Никольской и Предмостной слободах Остерского уезда с 30 января хлеб пекарнями не выпекается и не имеется в продаже. Причины тому служит то обстоятельство, что из киевских мельниц не отпускают в слободки муки“.

И дальше: „В настоящее время в Конотопском уезде все более и более растет ропот населения на недостаток пшеничной муки, которая если где и появляется, то по неимоверно высокой цене, за пуд — 10 руб. 40 коп., и вследствие этого недоступна для выпечки булок“. (Там же).

Собрав необходимые данные, начальник Черниговского губернского жандармского управления сообщал уже губернатору:

„В настроении населения и войска за истекшую неделю перемен не произошло. Дороговизна резко растет, в особенности на мясо, птицу, крупу и муку; вес булок понижается; фунт белого хлеба достигает 25 коп“. (Там же).

В этих телеграфных сообщениях чувствуется определенная настороженность и лихорадочность. Недовольство и ропот росли не только среди городского населения, но и среди населения сельского. Селянство, особенно северных уездов, не могло уже прокормиться своим хлебом и должно было покупать его на стороне. Между тем, приобретать хлеб в городах было очень трудно. Среди селян начали поговаривать о разгромах складочных мест. Начальник контр-разведывательного отделения 30 декабря 1916 года сообщал в Чернигов из Смоленска: „По полученным сведениям в Новозыбкове крестьяне в базарные дни ведут между собою разговоры по отношению к земству и его чиновников, угрожая сделать погром за то, что последние, закрыв евреям хлебопекарни, забрали торговлю в свои руки, благодаря чему крестьянам негде купить ни хлеба, ни муки“. (Там же).

С ростом дороговизны и повышением настроения как городского, так и сельского населения можно было наблюдать и другие характерные явления: рост противоречия между городом и деревней и, в связи с этим, враждебное отношение

селянства к городскому населению и обратно. В своей сводке уже от 7 февраля начальник губернского жандармского управления сообщал губернатору, что „по собранным данным настроение населения несколько повышенное, что вызвано возрастающей дороговизной на предметы первой необходимости, а равно периодическим отсутствием на рынке того или иного продукта; одновременно замечается недовольство городского населения к иногороднему и обратно, и это недовольство основано на дороговизне мануфактуры в городе и на малом подвозе сельских, главным образом, мелочных продуктов из деревни“. (Там же).

Наряду с тем недовольством и озлоблением, которое наблюдалось накануне Февральской революции среди мещанско-городского населения Черниговщины начинает заметно повышаться и движение среди рабочих, имеющих в губернии предприятий. Черниговщина редко видела забастовки рабочих, особенно в первые годы войны. К концу 1916 года и в начале 1917 года забастовочное движение начинает заметно развиваться. Мы имеем на этот счет такие сообщения начальника губернского жандармского управления: „На фабрике купца Файенберга (Н. - Северск) 16 января женщины и подростки, ссылаясь на дороговизну, потребовали увеличения заработной платы и до исполнения сего отказались стать на работу. Переговоры происходили в течение дня и закончились согласием фабриканта увеличить плату на 5 рублей в месяц. На другой день работы возобновились в обычное время... По негласным сведениям, в дальнейшем настроении и поведении рабочих (Клинцы) можно ожидать осложнений, так как в недалеком будущем фабрики вынуждены будут прекратить льготный отпуск дров своим рабочим вследствие несвоевременной и неполной доставки угля. По тем же сведениям рабочие фабрики Барышникова предполагают предъявить требования о новой прибавке; основанием к этому требованию на сей раз является не дороговизна, а, как говорят, новая повышенная расценка товара, поставляемого в армию. Рабочие, считая новый договор фабриканта с интендантством одним из приемов спекуляции, высказываются в том смысле, что известная часть прибылей должна поступить к ним“. (Сообщение от 5 февраля. Архив губернского жандармского управления).

В декабре 1916 года в г. Чернигове бастовали типографские рабочие. Администрации земской типографии было предъявлено ряд требований. В числе этих требований были требования о 8-мичасовом рабочем дне и о повышении заработной платы чуть ли не на 120%. Забастовка длилась больше недели. Прекратилась она лишь после того, как были удовлетворены все требования рабочих.

Одновременно с забастовками рабочих, устраиваемых на почве экономических требований, усиливалась агитация среди рабочих, направленная против существовавшего царско-капита-

листического правительства¹⁾. В тех же сообщениях начальнику Черниговского губернского жандармского управления мы читаем: „В наблюдаемом районе никаких революционных организаций не существует (сообщение помощника начальнику губернского жандармского управления по Нежинскому, Конотопскому и др. уездам). Лица, сочувствующие тому или иному революционному течению, в большинстве случаев социал-демократическому, его не проводят в жизнь и открыто не высказываются. В ночь на 22 января 1917 года в посаде Шостке, Глуховского уезда, было обнаружено несколько прокламаций, воспроизведенных гектографическим способом, с призывом к борьбе с существующим общественным строем и государственным порядком... По полученным сведениям, на Шостенский пороховой завод было прислано недавно много рабочих с Путиловского и др. заводов в качестве специалистов для работы: на них имеются подозрения в распространении воззваний, так как у местных жителей почва для этого не подготовлена, в виду отсутствия работы и лиц, принадлежащих к какой-либо революционной организации“. (Там же).

* * *

Таково в основном было настроение населения города и селянства Черниговщины накануне Февральской революции, обостряемое, главным образом, дороговизной и недостатком продовольствия. Это настроение еще усугублялось продолжающейся войной и теми жертвами, которые несла русская армия на фронте. Население не видело конца этой войны и начинало задумываться над ее целями. Вокруг вопроса о войне все чаще и чаще начинают вестись всякого рода разговоры. В воинских частях постепенно начинает ослабляться дисциплина; растет озлобление солдат. Командный состав уже не в состоянии с ними справиться. Количественный рост армии изменял ее качество. Помощник начальника губернского жандармского управления сообщал в Чернигов: „Безобразия, творимые нижними чинами 58-й команды выздоравливающих, продолжаются. В последних числах декабря несколько нижних чинов команды без всяких поводов избили одного из служащих на фабрике — Осипова, переломив ему руку и ребро. Получивши заявление о сем, полицейский чиновник отправился на место расположения команды с целью обнаружения виновных. Едва чиновник появился во дворе фабрики Осипова, где команда расположена, как заметившие его чины пришли в сильное волнение и стали кричать: „полиция пришла... не пускать“.

¹⁾ Сведения о забастовочном движении в годы войны не полны. Стачки имели место и в Конотопских мастерских и на Шостенском пороховом заводе. — Ред.

Полицейский чин, учитывая настроение нижних чинов, обратился за содействием к начальнику команды, который однако в содействии отказал, заявив: „Мы не пойдем туда и вам не советуем этого делать: разве вы не видите, какое настроение у команды?“ После этого чиновник принужден был удалиться ни с чем...

Вскоре после этого, повидимому, также партия нижних чинов, встретив на улице посада Злынки двух стражников, обратилась к ним с вопросом: „а вы почему не в окопах?“, захватила одного из них и поволокла с собой. В пути стражнику удалось вырваться и скрыться... Параллельно с этим нельзя не отметить общего настроения нижних чинов. В вагонах железных дорог, на станциях, в лазаретах и в других местах, где группируются нижние чины, темой разговоров между ними служит несправедливость высшего правительства и начальства к ним, „защитникам родины, проливающим кровь“. Уменьшение рационов на фронте, преследование самовольно отлучившихся в тылу, высокие цены на продукты питания, жестокость заключений, даваемых комиссиями при освидетельствовании в лазаретах, освобождение чинов полиции от призыва в ряды действующих войск, несвоевременная выдача пайков семьям призванных суть те положения, которые раздраженно, вернее — зло, обсуждаются нижними чинами. В виде заключения иной раз можно слышать угрозы, хотя и не носящие определенного характера: „ну, подождите же, будет вам, мы вам покажем“. (Арх. Черниг. губернского жандармского управления).

Среди селянской бедноты, рабочих и отчасти интеллигенции также быстро росло недовольство войной. Только зажиточно кулацкая часть, используя момент затруднения с продовольствием и высокими ценами и наживаясь на войне, в связи с этим лицемерно поддерживала лозунг: „война до победного конца“. В сообщении по Стародубовскому уезду мы на этот счет читаем: „В данное время отношение рабочих и крестьян к войне уже не вытекает, как прежде, из высоких чувств патриотизма; ближайшие задачи и цели войны в сознании двух названных классов населения почти совершенно ступевались перед лицом острой нужды в продуктах питания, предметах одежды и топлива. Увеличение заработной платы, периодически делаемые рабочими предпринимателями, далеко не поспевают за ростом дороговизны, вследствие чего степень нужды не понижается, и рабочий, не доедая и страдая от холода, естественно чужд соображений, заставляющих продолжать войну... В крестьянской среде, кроме той беднейшей части ее, которая упомянута выше рядом с рабочими, восклицания о мире раздаются временами: в периоды призыва новобранцев, а главным образом ратников ополчения и белобилетников, остальное время сытое и богатое крестьянство всегда готово (на словах) поддерживать лозунг: „война до полной победы“. Готовность эта

искренна, но возбудителем ее является сознание личных выгод, извлекаемых из положения, создавшегося войной. Однако реквизиция скота, овса, гречихи, подвод для подвозки топлива в города крестьян раздражает, а иногда вызывают попытки не исполнять реквизиционное требование, как это имело место в Стародубовском уезде, где потребовалось даже вмешательство полиции... В настроении интеллигентных кругов замечен резкий поворот в сторону ничем не обусловленного мира. Раньше представитель интеллигентского класса явно стеснялся произносить самое слово „мир“; теперь пожелания скорейшего окончания войны рядом с пессимистическим заключением о положении дел на фронте и о совершенной бесцельности дальнейшего кровопролития высказываются открыто, при редких слабых возражениях“. (Арх. Чер. губ. жандармск. управ.)

С начала 1917 года тревожные сведения, получаемые в губернском центре о настроении населения в северных уездах Черниговщины, все учащались и учащались. Подобные же сообщения начали поступать и из южных уездов, где до того времени все было спокойно. В самом Черниговском уезде волна недовольства и ропота быстро повышается, местами происходят столкновения селянства с полицией. Черниговский исправник от 17 февраля 1917 года сообщал губернатору, что среди сельского населения, значительная доля мужской части которого призвана в действующую армию, заметно недовольство и слышен ропот на принудительные наряды, как на военно-окопные работы, так и особенно для потребностей города Чернигова (возка дров). При выполнении нарядов были случаи столкновения между отдельными лицами и чинами полиции... Открытых выступлений интеллигентских слоев общества не было и не предвидится, но в этих слоях заметно недовольство существующим порядком вещей и хотя агитация открыто не ведется, но большинство интеллигенции критикует действия правительства“. (Архив Черниг. губ. жандармск. управ.)

16 февраля на рынке Чернигова уже совершенно не было печеного хлеба. Среди населения началось сильное волнение. По селам уже с февраля месяца велась агитация за то, чтобы крестьянство забирало из банков и ссудо-сберегательных касс свои вклады, так как в марте месяце — отмечалось в листовках — эти вклады уже получить нельзя будет и они погибнут. Черниговское казначейство сообщало по этому поводу следующее: 15 февраля крестьянин села Березанки, Седневской волости, Корней Демиденко потребовал свой вклад из сберегательной кассы, мотивируя это тем, что по селам расклеены объявления о том, что с 15-го марта выдача вкладов будет прекращена.

Все эти мелкие факты создавали весьма напряженную атмосферу в губернии и говорили о приближении решительных событий.

МЕРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Что же предпринимали в это время местные власти? Среди них замечается крайняя растерянность. Жандармское управление и губернатор решают опереться на монархические организации. Правда, за это средство они схватились только тогда, когда им напомнили об этом из департамента полиции. Как оказалось, монархические организации—„Союз русского народа“—имелись лишь в Нежине и Конотопе, а в остальных городах губернии совершенно отсутствовали. „Союз русского народа“ в Нежине насчитывал к моменту революции в своих рядах до 4 тыс. человек и имел 11 отделений. В Конотопе „Союз русского народа“ был малочисленный— всего из 56 человек—и почти бездействовал. Союзы, особенно Нежинский, пытались привлечь на свою сторону население путем различного рода подачек— чаще всего путем раздачи населению подарков в пасхальные дни. Но в общем, как вынес свое заключение начальник губ. жандармского управления, эти две организации большой роли в предстоящих событиях сыграть не могли.

Давая объяснение такому состоянию правых организаций и стремясь найти выход из создавшегося положения, начальник губернского жандармского управления писал в департамент полиции: „Правый элемент не в почете общественных деятелей, принадлежащих к оппозиционному лагерю и имеющих влияние на общий ход жизни губернии. При частных разговорах мне пришлось слышать такие фразы: „запишись в союз, так левые с'едят, а начальство не поддержит“. Разбирая сущность этой фразы, удалось установить, что в большинстве земских и городских учреждений „верховодят“ если не революционно, то во всяком случае оппозиционно настроенные элементы, которым „претит“ все патриотическое, и раз от кого-либо последнее исходит, на него начинаются нападки, с которыми представителям администрации не под силу бороться: всегда заправились найдут веский предлог к понижению по службе и даже увольнению „правого“ человека и, таким образом, преданный правительству человек оказывается выброшенным за борт. Чиновничья же среда, обязанная начальству, не принадлежит к какой-либо партии, стоит вне организаций, не записывается и не запишется в члены, раз не получит на то позволения свыше. Обращаясь к возможности организации должного оплота, могущего при нужде оказать сопротивление революционной деятельности, надо указать, что ячейки правых организаций надо создать из местных отделов Всероссийского общества попечения о беженцах русской национальности, куда привлечь людей твердых убеждений, и это легко сделать, так как идея устройства беженцев во вкусе всех слоев населения и деятельность этой организации, в силу сложившихся обстоятельств, является изолированной, так как поляки и евреи имели свои комитеты.

Вышеуказанной организации предстоит широкая деятельность, и объединить ее в одно целое с монархическими организациями при желании вполне возможно и этому вполне соответствует состав совета под председательством епархиального архиерея...

Такие перспективы в деле организации общественной борьбы с надвигающимися революционными событиями намечали царские чиновники. Перспективы, как мы видим, крайне незавидные. Надлежащей опоры царская власть в Черниговской губернии для борьбы с революцией не имела, как, впрочем, и повсюду.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПАРТИИ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ В ПЕРИОД ВОЙНЫ

Каково же было состояние революционных организаций в то время на Черниговщине? Что из себя представляла, в частности, большевистская организация накануне Февральской революции? Мы не можем пока дать удовлетворительного ответа на этот вопрос, в виду отсутствия достаточных материалов, характеризующих партийно-революционную работу по всей губернии¹⁾. Но некоторое общее представление об этих организациях в самом Чернигове и в некоторых других местах губернии мы все же имеем. Из воспоминаний тов. Нейшулера²⁾ видно, что еще до Февральской революции в самом г. Чернигове существовала большевистская организация, вполне оформившаяся, правда, только в конце 1916 г.³⁾

Отдельные кружки, стоящие на платформе большевиков, начали появляться в Чернигове после мрачной реакции — столыповщины еще начиная с 12 года. Состояли они главным образом из учащейся молодежи (лишь отчасти рабочих) и носили чисто пропагандистский характер. В начале войны отдельные члены этих кружков пробовали разбрасывать прокламации против войны на Казарменном участке. В связи с этим были арестованы: М. Бунин, М. Темкин, З. Нехамкис и Туровский. Зимой 1914 — 1915 года за распространение листовок, в которых был призыв к протесту против сечения солдат за самовольную отлучку, были арестованы: Виталий Примаков, Н. Цимберг, Анюта Гольденберг и др. В 1916 году в Чернигове был организован комитет пропаганды среди войск, в котором работали и социалисты-революционеры.

По имеющимся сведениям в большевистскую подпольную организацию перед революцией входило 40 — 50 человек. Все

¹⁾ Подробнее о работе б-ков в Чернигове в период 1914 — 1916 г. г. см. в этом же номере „Л. Р.“ статью т. Коцюбинского.

²⁾ Хранится в архивах Черн. Истпарта.

³⁾ По сообщению старого работника Черниговщины, т. Коцюбинского, б-ская группа сформировалась еще с 1912 г.; это видно также из воспоминания Тылиса, Урина и др. (см. „Лет. Рев.“, № 3 — 4 за 1926 г.).

это были молодые товарищи из учащихся и рабочих швейников, заготовщиков и бетонщиков. Такой молодой в возрастном, да и в партийном отношении состав большевистской организации отразился, как мы увидим дальше, на ее работе после февральской революции, когда 6-ки вышли из подполья.

Другой сильной подпольной организацией накануне Февраля была организация ЕСДРП (ПЦ), насчитывавшая в своих рядах 65 человек. Из этой организации впоследствии вышел кадр коммунистов¹⁾. После же Февральской революции она сплошь и рядом выступала совместно с большевистской организацией по целому ряду вопросов. В Чернигове, кроме того, существовала небольшая группа социал-демократов меньшевиков, но она почти бездействовала и даже оформленной организации не имела. Среди них, правда, находились довольно сильные работники, имевшие большой партийный стаж и соответствующий опыт в работе. Все это вместе выдвинуло их после февральского переворота на первое место, и они заняли доминирующее положение во многих как городских, так и губернских, общественных и рабочих органах.

В Чернигове, кроме того, существовала небольшая группа социалистов-революционеров. Что касается организации на периферии, то в большинстве уездов бывшей Черниговской губернии большевистские организации к 1917 г. отсутствовали. Помимо самого города Чернигова, была довольно сильная большевистская группа лишь в Конотопе.

· ПЕРВЫЕ ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ В ЧЕРНИГОВЕ

Вести о Февральской революции дошли до населения Черниговщины с опозданием, примерно, на 3—4 дня. Черниговский губернатор, барон Гревениц, будучи в курсе происходящих событий в Ленинграде, принял все зависящие от него меры к тому, чтобы скрыть от населения получаемые им сообщения. Военному цензору было дано строжайшее распоряжение задерживать все получаемые телеграммы, ни в коем случае не оглашая их. Приблизительно 3-го марта „Черниговское Слово“ — официальный губернский орган, имея в своем распоряжении некоторые материалы, касающиеся революции, опубликовало их в газете. Узнав об этом, губернатор немедленно дал распоряжение о конфискации газеты. Но было уже поздно и значительная часть номеров уже разошлась. Среди населения Чернигова быстро распространились вести о революции. Никто

¹⁾ По сообщению Коцюбинского значение ЕСДРП преувеличено автором, статьи. Согласно характеристике Коцюбинского, П.-Цион представлял собой в Чернигове скорее дружескую компанию, чем оформленную организацию. Невверно также, что из него вышел кадр коммунистов. Перешло в компартию из ПЦ несколько отдельных лиц. — Ред.

еще ничего определенного не знал о том, что произошло в Петрограде, но почти все население говорило, что совершились важнейшие события. По рукам уже начали распространяться переписанные листовки и сообщения. Массы все же пока не решались еще выразить свой восторг открыто и заговорить о революции вслух. Некоторые из мещанских кругов населения отнеслись ко всем этим слухам и разговорам о революции даже с подозрительностью. „Как это можно, чтобы царя свергнули?“.

В это время в Чернигове происходил губернский земский съезд. Служащие губернской земской управы, создав общее собрание, решили обратиться с просьбой к председателю губернской земской управы, чтобы, тот принял меры к осведомлению населения о событиях, имевших место в Петрограде. На съезд была послана делегация, по настоянию которой Бакуринский, председатель губернской земской управы, решил выехать к губернатору для переговоров по этому делу. Губернатор согласился опубликовать имеющиеся у него телеграммы.

5-го марта „Черниговская Земская Газета“ опубликовала манифест Николая II об отречении в пользу Михаила, решение Михаила и целый ряд других сообщений. Сама газета по случаю революции патетически писала: „Граждане, великий час настал. Все, кому дорого будущее России, свобода и благоденствие русского народа, должны теперь слиться в один великий союз, в одно всенародное братство вокруг Государственной Думы, которая ныне призвана взять в свои руки дело обороны и освобождения страны от старого правительства. И мы надеемся, что жители Черниговской губернии останутся на высоте сознания громадной ответственности переживаемого времени, сохранят спокойствие и ничем не нарушат мирного течения жизни... Мы верим в гражданскую зрелость русского народа, который своим отношением к происходящим событиям подтвердит, что Россия выросла и окрепла для новой жизни“.

1 марта начались заседания внеочередного губернского земского собрания 52-ой очередной сессии, которая была открыта еще губернатором. 4-го марта собрание вынесло такое постановление: „Признать, что забота о сохранении спокойствия и порядка лежит на обязанности председателей земских собраний, председателей земских управ и городских голов и просить губернского предводителя дворянства возбудить перед председателем совета министров об утверждении этого“. И тут, как мы видим, без предводителя дворянства дело не обошлось.

От председателя совета министров князя Львова последовало распоряжение об устранении от должности губернатора барона Гревеница и вице-губернатора Матвеева. 6-го марта в исполнение обязанностей Черниговского губернского комиссара вступил по тому же распоряжению председатель Черниговской

земской управы — А. А. Бакуринский¹⁾). В это же время в г. Чернигове организуется Комитет представителей общественных организаций, в состав которого входит 27 представителей от ряда „безобидных“ общественных организаций. Был составлен президиум комитета в составе шести человек. И. А. Шрага, С. А. Серебрякова, Ф. Борисенко, Е. Е. Коставецкого, А. М. Карпинского, Б. А. Модзалевского. Председателем комитета был выделен известный перводумец — И. А. Шраг. На комитет были возложены обязанности всячески содействовать Временному Правительству в деле охраны спокойствия и порядка среди населения и устранения продовольственных затруднений.

Комитет представителей общественных организаций принимался также за организацию в г. Чернигове народной милиции. Каким же образом она была организована? Те же городовые были оставлены в милиции, и весь процесс организации заключался в том, что городовые стали носить на руках повязки и присвоили себе новое наименование — „народных милиционеров“.

Так происходила смена властей. Власть из одних рук перешла в другие, но те же по своей классовой принадлежности, тех же владельцев имений и собственников домов. Менялась лишь внешняя оболочка. Массы оставались в стороне, массы не были призваны к работе, они еще молчали.

10 марта в Чернигове произошла первая уличная демонстрация. „С утра стало известно, — пишет земская газета, что после торжественного молебна в кафедральном соборе на соборной площади состоится парад войск. От мала до велика потянулись граждане Чернигова к собору, чтобы принять участие в этом торжестве — торжестве из торжеств. Все учреждения, учебные заведения прервали свои занятия. Закрылись магазины, остановились извозчики — все спешили на праздник. К 12 часам дня все улицы и тротуары, прилегающие к собору, были запружены народом числом свыше 20.000 человек. Публика устраивалась всюду, где только можно было: на крышах магазинов и лавочек, колокольне, балконах, церковной ограде, на верхушке деревьев, расположенных возле собора. Сплошное волнующееся море голов, залитых красным цветом — внешней эмблемы революции. Войска всех находящихся в Чернигове частей во главе со своими командирами — начальником гарнизона, комендантом города и др. — стройными рядами выстроились возле собора, от Шоссейной ул. и далее за собор, возле мужской гимназии. Парад принимал губернский комиссар А. А. Бакуринский“.

¹⁾ Бакуринский — помещик принадлежал к партии народных социалистов, был в 1918 г. заместителем Губетаросты, а в 1919 г. расстрелян большевиками. — В. Ц.

Корреспондент ничего нам не сообщает о рабочих массах Чернигова, о их настроении. Он их не заметил. А между тем рабочие первыми вышли со своими красными знаменами на демонстрацию. Они именно, а ни кто другой, демонстрировали по городу. Они не пошли на молебствие в собор, первая их мысль была о политических заключенных в тюрьме.

Но эти массы находились и долго еще продолжали находиться во власти мелкобуржуазных политических организаций. На их знаменах не было пока еще ни одного большевистского лозунга. Они слушали приветствия и поздравления с праздником от председателя общественных организаций Шрага, от городского головы Верзилова, но они не слышали голоса подлинных защитников масс — представителей большевистской организации. Большевики на митингах не выступали. О чем говорили на митингах во время первой демонстрации? О поддержке Временного Правительства, о спокойствии и порядке, о поддержании армии и продолжении войны, но не было речей о насущных потребностях и нуждах рабоче-селянских масс, о земле и мире, о подлинной рабоче-крестьянской власти.

После долгой манифестации, тянувшейся почти до вечера, были организованы в различных местах митинги рабочих и ремесленников, которые потом повторялись чуть ли не каждый день. Вот на этих-то митингах и начали уже выступать меньшевики и большевики. Сообщения о революции в уездах были также получены с некоторым опозданием, хотя некоторые уезды успели получить их даже раньше, чем сам город Чернигов. В Шостке, напр., о революции стало известно 3 марта. И точно так же, как в Чернигове, там власть перешла в руки чуждым рабочему классу и селянству элементам.

После этого первого периода революции, периода ликований, манифестаций и приветственных телеграмм, наступил второй период, период организации масс, борьбы за влияние в массах, создания различного рода комитетов, организации профсоюзов и Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ

С самого начала марта во всех уездных центрах и городах Черниговщины начинают организовываться Исполнительные Комитеты из представителей общественных организаций, в руках которых и сосредоточивается власть на местах. В Стародубе Исполнительный Комитет проводил уже 6-го марта свое первое заседание. К середине марта Исполнительные Комитеты были организованы уже во всех уездах. В Чернигове, как я уже сообщал, Комитет представителей общественных организаций был организован сразу же после полученных сообщений о революции. Через несколько дней он выделяет

из своей среды (членов комитета насчитывалось в это время до 100 человек) Исполнительный Комитет и переименовывается в „Совет Представителей Общественных Организаций“.

23 марта губернский комиссар Бакуринский, выполняя телеграфное распоряжение Львова, созывает в Чернигове губернское собрание из представителей уездных Исполнительных Комитетов. На собрание съезжается 155 делегатов. На второй день избирается Губернский Исполнительный Комитет в составе 50 членов. В него входят: по два представителя от каждого уезда, один от Чернигова, пять — от крестьян, пять — от рабочих, пять — от воинских частей, два — от евреев и два — от кооперативов. Исполнительный Комитет выбирает постоянное бюро в составе 15 человек. Председателем Комитета избирается И. А. Шраг (украинский социалист-федералист), товарищами председателя — В. Селиванов (меньшевик) и А. Стрелков. Кроме того, губернское собрание, на место временно назначенного Бакуринского избирает губернским комиссаром М. Искритского, бывшего депутата 3-й Государственной Думы (помещик), и губернским уполномоченным по продовольствию — агронома Семенова.

Чем же занимаются Исполнительные Комитеты? Согласно официальному постановлению Губернского Исполнительного Комитета, они объявляют себя временными высшими коллегиальными правительственными органами на соответствующей территории; они берут на себя функции объединять и направлять деятельность всех местных и общественных организаций, проводить в жизнь меры общего характера в целях охранения народной свободы и содействия Временному Правительству в его начинаниях по переустройству политической и экономической жизни населения.

Несмотря на кажущуюся ясность тех прав, обязанностей и функций, которыми наделяют себя Исполнительные Комитеты, все же видно из официальных документов, что на протяжении почти всего времени существования Комитетов между ними и комиссарами Временного Правительства — с одной стороны и городскими и земскими самоуправлениями — с другой ведется непрерывная борьба за подчинение и руководство. Городские Думы и земские управы не желают подчиняться Исполнительным Комитетам; комиссары Временного Правительства претендуют на высшую власть. Недоразумения между Исполнительными Комитетами и городскими и земскими самоуправлениями выливаются сплошь и рядом в открытые конфликты.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Легализовавшись после февральско-мартовских событий, Черниговская большевистская организация начала проводить

работу в новых условиях. При том ее составе, о котором нам уже частично приходилось говорить выше, она, естественно, не могла в первые 2—3 месяца играть особенно большую роль в тех событиях и движениях масс, которые развернулись после Февраля. В состав ее входил молодежь, не имеющий надлежащего опыта в работе. Как революционеры, они были мало известны широким слоям населения. Для работы в новых условиях они оказались в первое время мало приспособленными. В то же время в Чернигове имелась группа довольно сильных и опытных меньшевиков, которые, вследствие мелкобуржуазного состава городского населения и отсутствия в городе индустриального пролетариата, заняли доминирующее положение в общественных организациях и в руководстве рабочим движением. Такими видными меньшевиками были: Дроздов, Селиванов, Брегин, Антоненко, Ганжа, Хоменко и ряд других. Многие из них бывали в ссылке, сидели в тюрьмах и находились в политической эмиграции за границей. Все это сразу же после революции создало им известную популярность. Меньшевики стали фигурировать на всякого рода собраниях, митингах, во время выборов в общественные организации; они же вошли в подавляющем большинстве в городской Совет Рабочих Депутатов и в правления профсоюзов.

Принимая во внимание эту обстановку, большевистская организация решила войти в блок с меньшевиками. Произошло объединение при сохранении двух организационно - оформленных фракций. Был избран комитет объединенной социал - демократической организации. В таком виде объединенная организация существовала до мая месяца, после чего она распалась на две самостоятельные организации меньшевиков и большевиков.

В сущности говоря, объединение этих двух организаций носило чисто формальный характер. С первых же дней между ними шла ожесточенная борьба как внутри самого комитета, так и вне его — в массах. Совместных выступлений большевиков и меньшевиков по тем или другим вопросам почти не наблюдалось. Каждая из фракций старалась проводить самостоятельно свою линию.

Первым вопросом, из - за которого разгорелась борьба меньшевиков с большевиками, был вопрос об отношении к Временному Правительству, к войне, к „займу свободы“. Большевики выдвинули в связи с этими вопросами следующие лозунги: „Недоверие временному буржуазному правительству“, „Ни гроша на поддержку империалистической войны, которая является грабительской войной“, „Скорейшее заключение мира“. Особенно ожесточенной борьба имела место на одном из собраний организации, когда на повестке дня был поставлен вопрос об отношении к Временному Правительству и когда по этому вопросу с докладом выступил приехавший из Ленинграда большевик, Стецкий, развивший в своем докладе

апрельские тезисы Ленина. Доклад вызвал бурю негодования со стороны меньшевиков. В своих выступлениях они обвиняли большевиков в раскольнической политике. Резолюция все же была принята в большевистском духе. В первое время объединенный комитет совместно очень часто устраивал митинги рабочих и городских ремесленников. Но на этих митингах большевики и меньшевики всегда выступали с самостоятельными точками зрения на текущие вопросы, и резолюции обыкновенно предлагались и большевиками и меньшевиками. В том случае, когда резолюция предлагалась меньшевиками, большевики голосовали против нее и наоборот.

Однажды в здании дворянского собрания был устроен митинг по вопросу о войне. Зал был переполнен. И в то время, как в самом здании выступали главным образом меньшевики, на площади около здания под открытым небом был организован другой митинг, состоявший преимущественно из солдат. На этом митинге с горячей речью против войны выступила Соня Соколовская.

Скоро в Чернигов приехал с фронта б-вик Юрий Коцюбинский, который вел агитацию главным образом на казарменном участке среди солдат. Его выступления производили сильное впечатление на солдатскую массу. Выступления среди солдат как меньшевиков, так и большевиков вообще были очень часты. При организации митингов на казарменном участке можно было наблюдать характерное явление: за меньшевиками обычно присылали полковых лошадей, а большевики появлялись на митинге сами, для всех неожиданно. Если в первое время митинги устраивались объединенным комитетом и на них обычно поочередно выступали большевики и меньшевики, то спустя некоторое время подобное „сотрудничество“ оказалось просто невозможным, и каждая из этих организаций старалась устраивать митинги самостоятельно, при чем там, где выступали большевики, отказывались уже выступать меньшевики и обратно.

Скоро в Чернигове появился еще один активный большевик — Володя Селюк. Один из работников этой эпохи пишет о Селюке следующее: „Один раз он выступил с обширным докладом о войне, произведшим большую сенсацию на массу, ибо это был широко и содержательно построенный доклад, звучавший фанатической уверенностью и содержащий в себе впечатления и факты из богатых личных наблюдений, полученных им в водовороте политических событий. Для провинции доклад звучал грозным предостережением“. Наряду с Соколовской, Коцюбинским, Селюком, Примаковым от имени большевиков часто выступали: Идлис, Урин, Рива Гордон, Имшенецкий, Алексей Соколовский и другие.

В начале мая прекратил свое существование объединенный комитет. Вместо него возникли большевистская и меньшевистская организации с самостоятельными комитетами. Первый

период жизни и деятельности большевиков и меньшевиков проходил главным образом, в организации митингов и собраний. Вместе с тем, примерно, с середины марта большевики и меньшевики начали работать по организации профсоюзов, Совета Рабочих Депутатов и по выборам в городские самоуправления.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПРОФСОЮЗОВ

Начиная с конца марта в Чернигове происходил бурный процесс организации профсоюзов. В кампании по организации профсоюзов и в выборе правлений их принимали самое деятельное участие 3 партийных организации: большевики, меньшевики и Поалей-Цион. В первое время в области организации профсоюзов наблюдается страшная цеховщина. Каждая отдельная группа рабочих и служащих старалась создать свой собственный союз. Но через некоторое время цеховые группы слились и на сцене остались такие главнейшие профсоюзы: швейников или „Игла“, как они тогда назывались, металлистов, печатников, строителей, кожевников, союз учителей, женский союз и другие. В правления союзов почти везде в подавляющем большинстве проходили меньшевики. Только в союз швейников прошла одна большевичка — Бабушкина.

Правление печатников находилось целиком в руках меньшевиков. Главным организатором среди печатников была меньшевичка В. Полуботок. Союз печатников объединял до ста человек. Швейники уже к маю месяцу сумели объединить в своих рядах до 230 человек. Организовавши свой союз, швейники, провели забастовку, в которой почти все рабочие приняли участие. Предпринимателям предъявили ряд требований: о 8-мичасовом рабочем дне, о повышении заработной платы и др. Забастовка протекала довольно организовано: швейники при деятельном участии большевиков создали стачечный комитет, который с первых же дней забастовки обходил все мастерские, снимая с работы рабочих. Забастовка длилась целую неделю и закончилась удовлетворением всех требований рабочих. Не прошло одного-двух месяцев, как швейники вторично объявили забастовку, во время которой большевики и проводили деятельную работу по изысканию средств для бастующих. Эта забастовка подняла в глазах рабочих швейников авторитет большевистской организации и при вторых выборах в городской Совет Рабочих Депутатов швейники провели нескольких большевиков. Большевики уделяли большое внимание также организации в союзы таких рабочих, как кожевники, прачешницы и так далее. Организатором кожевников был большевик Буник, прачешниц — большевичка Е. Е. Харченко. Поалей-ционисты организовывали союз парикмахеров и торговых служащих.

Одновременно началось движение среди учительства. Уже 12-го марта было созвано собрание городских учителей, на котором обсуждался устав учительского союза. К концу марта были организованы союзы учителей в Конотопе и Нежине, объединявшие несколько сот учителей низших школ, десятки преподавателей и даже нескольких профессоров. 5-го мая в Чернигове был созван губернский съезд учительства, на котором представители украинских либерально-буржуазных партий зачитали ряд докладов. Тут же была поднята кампания среди учительства в пользу автономии Украины и украинизации школ Черниговщины.

На периферии шла организация союзов сахарников. На крюковском сахарном заводе союз уже к апрелю месяцу насчитывал в своих рядах до 2.000 человек.

17-го марта в Чернигове было созвано первое собрание женщин с целью организации женского союза. 22-го этого же месяца происходило учредительное собрание женского союза, на котором было выбрано правление во главе с Э. В. Данилевич-Перус. Союз ставил своей задачей: воспитание женщины, как полноправной гражданки, разъяснение населению совершившегося переворота, поддержка Временного Правительства, подготовка к выборам в Учредительное Собрание и местное самоуправление и целый ряд других нравственно-воспитательных, культурно-просветительных и экономических задач. Союз организовывал мастерские, столовки, устраивал спектакли, обслуживал раненых. Из всего содержания работы его видно, что это было либерально-буржуазное течение среди женщин.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

С первых же дней после февральско-мартовских событий среди рабочих Черниговщины началось движение за создание Советов Рабочих Депутатов. Первой на этот путь вступила Шостка. 5 марта, после организации первой манифестации, рабочие порохового и капсульного заводов выделили из своей среды около 60 делегатов, которые, собравшись в помещении электро-театра, выбрали президиум Совета в составе 13 человек (один человек на 1000 рабочих), при чем в состав президиума собрание ввело двух женщин. Совет решает вступить в тесную связь с Петроградским Советом Рабочих Депутатов.

16-го марта в Чернигове в зале дворянского собрания было созвано многолюдное собрание рабочих города Чернигова. Целью своей оно поставило организацию Совета Рабочих Депутатов. На собрании председательствовал меньшевик И. Антоненко. После выступлений собрание наметило те предприятия, от которых в Совет должны быть избраны предста-

вители. Норма представительства была намечена — 1 депутат от 50 рабочих.

В Совет, таким образом, было выбрано до 70 депутатов. Одновременно с организацией Горсовета, в Чернигове организуется также Совет Военных Депутатов, руководство работой которого целиком сосредоточивается в руках офицеров. Приблизительно в начале апреля оба Совета сливаются и принимают название „Совета Рабочих и Военных Депутатов“. Когда на одном из заседаний Совета большевики вместе с Поалей-Ционом внесли предложение о том, чтобы Совет переименовать в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов (вместо Военных), то это вызвало большую бурю негодования со стороны большинства Совета. Левую оппозицию обвиняли в разложении армии, в противопоставлении офицеров солдатской массе и т. д. Предложение большевиков было отклонено.

Не находя должной поддержки со стороны большинства Горсовета, делегаты-большевики продолжали все же там упорную работу, используя трибуну Горсовета для пропаганды своих идей. Начиная, примерно, с конца июня-июля месяца, влияние левой группы в Совете начинает быстро расти и к сентябрю-октябрю месяцу большевики играли в нем уже доминирующую роль.

Городские Советы были организованы и в целом ряде других мест Черниговщины. Так, например, довольно сильные Горсоветы были: в Конотопе, Сновске, Глухове, Нежине, Клинцах и Кролевце. Конотопский Горсовет состоял из 200 членов. Почти все члены Совета были партийные и имели представительство в своем лице от 6.000 рабочих. Кстати, необходимо заметить, что в 1917 году в Конотопе были особенно многочисленны партийные организации. Почти до 1000 рабочих входили в разные политические организации и в первую очередь (особенно первые месяцы после революции) в организацию меньшевиков и украинских социал-демократов. В Нежине Совет был значительно слабее. Активность депутатов была не велика. Но рядом с этим довольно энергично работал Совет Военных Депутатов, рассылая своих членов по селам и экономиям. Довольно энергично работал Совет Рабочих Депутатов в Сновске, быстро завоевывая себе авторитет среди населения. Он организует лекции и митинги, устраивает собрания, создает агит-отдел, посылая своих агитаторов по селам, издает свой печатный орган и участвует в организации профсоюзов. Главное влияние и в Сновском Совете принадлежало опять-таки меньшевикам. Совет в Кролевце почти целиком состоял из беспартийных и проводил свою работу преимущественно на селе. Большим авторитетом среди населения пользовался Совет Рабочих Депутатов в фабричном посаде Клинцах. Он систематически организовывал лекции и курсы, проводил работу по селам, вел борьбу за осуществление 8-ми часового рабочего

дня на предприятиях и за повышение заработной платы рабочим, оказывал материальную помощь беженцам и солдатам, проводил большую продовольственную работу.

24-го мая в Чернигове был созван губернский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. На съезд прибыли делегаты от следующих Советов: Клинцовского, хутора Михайловского, Шостенского, Глуховского, Кролевецкого, Стародубского, Конотопского, Сновского, Нежинского, Корюковского и Черниговского. Всего на съезде было 50 делегатов, из них: большевиков—2, меньшевиков—23, бундовцев—1, социалистов-революционеров—7, народных социалистов—1, трудовиков—4, беспартийных—7 и невыясненных—2. Председателем съезда выбрали меньшевика Селиванова. Почти все 8 докладов, включенные в повестку дня, делались меньшевиками: Ганжей—о революционной демократии и о правительственной власти; Дроздовым—по рабочему вопросу и т. д.

По вопросу о революционной демократии съезд вынес резолюцию, в которой одобрил создание Временного Коалиционного Министерства с представителями буржуазии. В резолюции по аграрному вопросу указывалось, что так как аграрный вопрос может быть разрешен только Учредительным Собранием, попытки разрешения этого вопроса немедленно, путем захвата земель, неправильны и ведут к анархии. По продовольственному вопросу подчеркивалась необходимость усиления работы по снабжению населения и армии продовольствием. По вопросу о финансах, съезд призывал революционную демократию взять на себя задачу самой широкой поддержки „займа свободы“ путем агитации и пропаганды. В этом, примерно, духе был принят и целый ряд других резолюций. Гегемония меньшевиков на съезде была полная. На всероссийский съезд Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов были посланы следующие лица: Селиванов, Рерих, Вознесенский, Гарчинский.

Второй общегубернский съезд Советов был созван 15—17 июля. На съезд явилось 37 делегатов, почти от тех же Советов, что были и на первом съезде. Повестку дня утвердили следующую: доклады с мест, о текущем моменте, о слиянии Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с Советами Крестьянских Депутатов, о выборах в Учредительное Собрание, украинский вопрос, о средствах, переизбрание губернского комиссариата. По докладу о текущем моменте выступил целый ряд ораторов, все меньшевики. Докладчик Ганжа сосредоточил свое внимание на развале армии, на поднимающейся контр-революции и на наличности среди разных наименьшинств течений, направленных к отделению от России. Все эти отрицательные—с точки зрения докладчика—явления Ганжа объяснял несознательностью масс, которые понимают свободу „по-африкански“, преступной деятельностью большевиков и т. д. По докладу Ганжи высказывались вольноопределяющийся Рашин—социал-

революционер, Дроздов, Полуботок, Селиванов (меньшевик); все они солидаризировались с докладчиком. После обсуждения этого вопроса меньшевик Дроздов предложил резолюцию, содержание которой в основном сводилось к следующему:

1) Осуждается анархическая деятельность большевиков, переплетающаяся с провокацией, черносотенством и германским шпионством, приведшая к выступлениям в Ленинграде 3—4 июля. 2) Признается необходимым сотрудничество классов. 3) Съезд обращается с призывом ко всем Советам губернии направлять добровольцев из среды рабочих и организованных солдат на фронт для поддержания боеспособности и оздоровления армии. Съезд высказался против слияния Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с Советами Крестьянских Депутатов.

На съезде был поставлен вопрос о губернском комиссаре, в связи с выраженным недоверием бывшему губкомиссару Искритскому недавно происходившим губернским крестьянским съездом. Съезд высказался за то, чтобы выборы губернского комиссара были произведены из среды революционной демократии.

На съезде был выбран Губернский Исполнительный Комитет Советов в составе 11 человек и из них — временное губернское бюро в следующем составе: Селиванов, Хоменко, Брегин, Кононнец, Ганжа, В. Полуботок. Все меньшевики.

С Е Л О

Вслед за появлением целого ряда общественных организаций в городах мало-по-малу начинало пробуждаться и село. Сначала селяне молчаливо выслушивали приезжающих из городов агитаторов, принимая совершенно пассивно те или другие резолюции, кем бы они не предлагались: священниками, земскими служащими, врачами, учителями и пр. Так, например, жители села Житлово, Новгородсеверского уезда, уже 10 марта приняли такую резолюцию: „Почувствовав неописуемую радость и облегчение в избавлении от того возмутительного порядка царизма и унижительного для личности человеческой гнета, которым был проникнут весь старый строй, мы, воздав хвалу всевышнему и отслужив всенародно торжественный молебен на площади села, единогласно постановили: признать всю законность и полноту власти новообразовавшегося из состава Государственной Думы Народного Правительства, подчиниться ему и всемерно стараться проводить в жизнь все начала и мероприятия, которые будут исходить от него“. Ясно, что такая резолюция „ни уму, ни сердцу“ селянина не говорила. Его настроения она не выражала. На этом же сходе селяне избрали из своей среды временный сельский комитет и организовали народную милицию из 25 человек. Из другой деревни корреспондент 17 марта писал в земскую газету: „Вчера

в нашей деревне состоялся первый всесословный свободный сход без земского начальника, без урядника и без стражника. Как-то не верится, что можно говорить, не оглядываясь. И мы говорили кто как умел и кто как понимал. Общее мое впечатление таково, что деревне трудно вполне разобраться в смысле текущих событий. Все идет хорошо. Но вдруг слышишь от какого-нибудь старика: „Нехай собі новий строй, тільки щоб погане з цього не вийшло“. И дальше, видимо сельский учитель пишет: „Товарищи - народники, — заявляю я от имени сельской интеллигенции, — спешите к нам на помощь и, пока не поздно, засеem народную ниву семенами свободы, братства и равенства“. Такие сладенькие песенки не по душе были селянину. Он думал о другом, лучшая жизнь в его представлении определенно связывалась с землей. А между тем ему пока о земле никто ничего не говорит.

Селянин молчаливо наблюдал за происходившим. Он еще пока боялся заговорить настоящим „мужицким“ языком. Из села Макошино, Сосницкого уезда, мы в конце марта имеем следующее сообщение: „Деревня ведь весьма недоверчива. Наш же уездный центр совсем позабыл о необходимости организации и подготовки деревни к новой жизни. Между тем у нас есть еще не мало врагов народной свободы. Все, кому народная свобода угрожает ударить по карману, стараются посеять в населении рознь и смуту“. Из Глуховского уезда в конце марта сообщалось, что нигде в селениях Глуховского уезда пока не было никаких эксцессов и нарушения нормального течения жизни.

Вообще же характерными явлениями для села в связи с только что совершившейся революцией были: созыв сходов, после которых или перед которыми отслуживали молебны, выступления на сходках сельских учителей и священников, сбор пожертвований, призыв к спокойствию, к изживанию всякой розни и к сплочению. В селе Сязрыно, Сосницкого уезда, выступавший на сходке старый солдат Петро Косенчук призывал население к тишине, осуждая воров и хулиганов.

Другой гражданин Осипенко с большим чувством и со слезами на глазах предостерегал народ не поддаваться внушению хулиганов, не повторять выходок 1905 года против помещиков и евреев, говоря, что они такие же граждане свободной России, как и все другие сословия. В этом же селе было собрано 150 рублей, отосланные в распоряжение председателя Государственной Думы.

Почти во всех селах стали организовываться сельские Исполнительные Комитеты. Из Глухова сообщалось, что уже к началу мая по уезду насчитывалось 61 сельских Исполнительных Комитетов. Комитеты берут на себя административные функции бывших местных учреждений; они же принимают на себя и продовольственные дела. При некоторых сельских

комитетах с первых же дней их создания образовались примирительные камеры для разрешения недоразумений и споров крестьян с землевладельцами.

К июню месяцу на селе начинаются первые признаки движения среди бедноты, а среди зажиточного населения сел и крупных земельных собственников уже чувствуется тревога. Из села Свидовец, Козелецкого уезда, например, было получено письмо следующего содержания: „Местная жительница Агафия Яценко, 54 лет, повесилась в своей усадьбе... В селе жизнь идет нельзя сказать, чтобы гладко. Говорят о земле, при этом сопоставляют трудящихся с лодырями. Ведь трудно согласиться с тем, что от трудящегося селянина, добывшего кровавым потом и мозолями себе некоторое благополучие и земельную собственность, отберут бесплатно его землю и отдадут ее какомунибудь лодырю, который до закрытия монополии не выходил из нее и пропил свой надел“. Кулачество чувствовало надвигающуюся на них беду и пыталось создать выгодное для себя и для защиты своего имущества настроение. Из деревни Тростань, Новозыбковского уезда, в середине июня было получено на этот счет уже более определенное сообщение. В нем мы читаем: „В районе Лютковской волости, к каковой принадлежит и наша деревня, имеется по земельному вопросу два течения: состоятельные крестьяне и казаки считают необходимым иметь землю собственностью, примерно, от 8 до 15 десятин. Скупка в одни руки должна быть ограничена известной нормой; отчуждение частновладельческих земель признают по справедливой оценке. Малоимущие крестьяне считают, что земля должна быть доступна, как вода и воздух, никаких платежей за нее быть не должно и собственность отрицают категорически. Определенных постановлений по земельному вопросу как волостными, так и сельскими комитетами пока не вынесено“.

Борьба на селе, таким образом, начинала понемногу сказываться. Пока мы имеем, правда, формирование мнения селянства по земельному вопросу. Отношение все же между бедняцкой и зажиточной частью населения села начинало заметно обостряться, особенно благодаря надвигающемуся голоду, очень плохому урожаю и значительному недосеву полей. Из целого ряда сел, особенно северных уездов, получались грозные сообщения о голодовке. Дороговизна на продукты питания быстро росла¹⁾. Перспективы урожая были очень плохие. Повсюду

¹⁾ Привожу средние цены на продукты питания к началу июня по Котопскому уезду, который являлся в то время значительно богаче целого ряда других уездов Черниговской губернии: пуд ржи стоил 2 р. 45 коп., мука ржаная — 3 р. 20 коп., гречневая — 6 р. 40 коп., пшено — 7 р. 20 коп., ячменная крупа — 10 р., мясо говяжье — 28 р., свиное — 30 руб., масло коровье — 100 р., картофель — 1 р. 20 коп., сажень березовых дров — 220 р. и так далее. — В. Ц.

стояли засуха и жара. В земской газете мы находим следующие сведения об урожае: „С посевами по губернии сильно запыздали. Рожь и овес считались ниже среднего. По 4-хбалльной системе урожай их равнялся двум баллам и ниже. Таково в основном было положение села Черниговщины до июля -августа месяца, когда началась уборка хлеба.

С первых же месяцев революции наблюдается организованное движение среди зажиточного селянства. По его инициативе созывались с'езды уездные и губернские, организовывались крестьянские союзы и т. д.

7—9 апреля в Чернигове состоялся губернский крестьянский с'езд. На с'езд прибыло 500 делегатов от всех уездов губернии, за исключением Конотопского. С'езд обсудил целый ряд текущих вопросов. По вопросу о государственном строе в России с'езд высказался за демократическую федеративную республику. По земельному вопросу были высказаны пожелания об отмене частной собственности на землю, о конфискации удельных, монастырских и частновладельческих земель и о передаче земли трудящимся на ней. На с'езде принято было также постановление об организации в губернии крестьянства путем создания Черниговского отдела Всероссийского Крестьянского Союза, при чем с'езд поручил Совету Союза принять на себя обязанности Губернского Совета Крестьянских Депутатов. На с'езде присутствовал делегат Центрального Комитета Крестьянского Союза, Н. И. Кулябко-Корецкий (конотопский помещик). Он же являлся инициатором с'езда. Доклад по земельному вопросу на с'езде делал статистик Н. И. Костров, активный работник Всероссийского Крестьянского Союза в 1905 году. Докладчик ставит перед с'ездом целый ряд вопросов: следует ли передать землю в частную собственность или в общественное пользование, следует ли землю выкупать или взять без выкупа и др. Но своего определенного взгляда по этим вопросам он не высказывал. Он свел весь свой доклад, в практической своей части, к требованию о передаче всех этих вопросов для разрешения в Учредительное Собрание.

На с'езде присутствовало много кадетствующих, которые всячески старались смягчить решение с'езда по земельному вопросу. Член партии народной свободы Имшенецкий все время успокаивал делегатов-селян, призывая их к тому, чтобы они не спешили с решениями по земельному вопросу. В конце заседания был избран Совет Губернского отдела Крестьянского Союза в составе 27 человек.

10 июня был созван 2-й губернский с'езд. На с'езде обсуждались такие вопросы: 1) земельный вопрос и деятельность земельных комитетов, 2) выборы в Учредительное Собрание и новое земство, 3) о текущем моменте (о войне, положении государства), 4) отчет Совета, 5) о задачах Советов Крестьянских Депутатов, 6) выборы на всероссийский с'езд, 7) пере-

избрание Советов. Особое внимание с'езд уделил земельному вопросу. Приводим его постановление полностью.

„1. Частная собственность на землю должна быть уничтожена на пространстве всего государства.

2. Недра земли должны составлять государственную собственность, которая при федеративно-автономном управлении России используется в согласии с местными автономными органами управления.

3. Вся земля на Украине без выкупа должна поступить в украинский земельный фонд, которым распоряжается все население, живущее на территории Украины, через украинский сейм — земельные комитеты, избранные на демократических началах, и сельские общества.

4. Из этого фонда могут получать земли только те, которые будут обрабатывать ее своими руками.

5. Каждое хозяйство должно пользоваться землею в количестве не меньше того, сколько нужно для продовольствия и не больше того, сколько можно обработать собственными силами своей семьи без наемного труда.

6. При наделении землей в первую очередь удовлетворяется нуждающееся местное земледельческое население, затем земледельцы из местностей, схожих по обычаям и хозяйственным условиям, наконец, земледельцы из других областей.

7. Верховное право регулирования переселениями на свободные земли должно принадлежать государственной власти, действующей в согласии с автономными органами управления.

8. Принимая во внимание, что ведение хозяйства сберегает рабочую силу, требует меньше инвентаря, дает возможность завести усовершенствованные машины и вообще поднимает земельную культуру, желательно, чтобы большие образцовые хозяйства были переведены в руки товариществ, как очаги будущего социалистического устройства.

9. Леса и воды составляют собственность всего народа и находятся в распоряжении украинского сейма.

10. Расходы по проведению земельной реформы относятся на счет государства.

11. Для об'единения подготовительных работ земельной реформы на Украине должен быть организован центральный украинский земельный комитет в Киеве, средства на который должно дать Временное Правительство из сумм, отпущенных на содержание земельных комитетов.

Чтобы спасти Украину от анархии и распада, с'езд признает необходимым до разрешения земельного вопроса следующее :

1. Не производить самоуправных захватов земли и самовольных порубок лесов.

2. Следить, чтобы не было продажи, заклада, долгосрочной и чиншевой аренды и парцеляции (раздробления) земли.

3. Признать все сделки купли и продажи земли сельскохозяйственного пользования, совершенные после 1-го марта сего года, не действительными.

4. Уездные земельные комитеты должны следить, чтобы рубка леса не выходила из допустимых норм и чтобы не истреблялись защитные леса.

5. Не должно препятствовать рубке леса в пределах, допускаемых уездными и губернскими земельными комитетами, ибо запрещение рубки лишит железные дороги и города топлива и вызовет промышленный кризис и волнение в городах.

6. При разработке леса должно отдавать преимущества кооперативам и общественным организациям перед частными предпринимателями и спекулянтами.

7. Все крупновладельческие земли, а также сенокосы и рыбные ловли до полного решения земельного вопроса Учредительным Собранием поступают во временное распоряжение земельных комитетов, избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Земельные комитеты устанавливают справедливую арендную плату и правильное распределение земли между желающими ее обработать¹⁾.

Мы, к сожалению, не располагаем материалами, характеризующими состав 2-го крестьянского съезда в целом. Но некоторые данные позволяют нам предположить, что влияние на нем принадлежало главным образом украинским партиям и что он прошел довольно бурно. На нем, между прочим, и было вынесено недоверие губернскому комиссару Искритскому, в виду чего последний вынужден был выйти в отставку.

Согласно воспоминаниям участников, на съезде выступали и большевики, предлагавшие резолюцию недоверия Ц. Раде.

Для обсуждения целого ряда вопросов, связанных с выборами в Учредительное Собрание, Губернский Совет Крестьянских Депутатов вынес в июле месяце постановление о созыве между 1 и 10 августа уездных крестьянских съездов, а созыв губернского 3-го крестьянского съезда был намечен на 16—20 августа.

С сентября месяца Губернский Совет начал выпускать „Народное Слово“. Но газета просуществовала недолго.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Уже из трех резолюций, которые были приняты вторым губернским крестьянским съездом по ряду вопросов, в том числе и по земельному, можно сделать заключение, что влияние украинских социалистических партий, боровшихся с первых

¹⁾ Необходимо отметить, что эта же резолюция была еще раньше принята Губ. Национальным Съездом, см. след. главу. — В. Ц.

дней революции за независимость Украины, заметно начинало сказываться и на Черниговщине, особенно среди интеллигенции и крестьянских слоев населения. И действительно, национально-революционное движение в губернии весьма быстро росло и разворачивалось.

18 марта „Рада Товариства Чернігівських Українських Поступовців“ созвала в здании Городской Думы первое собрание украинцев для обсуждения текущих вопросов. Собрание открыл председатель Рады — тот же переводимец Илья Шраг.

К моменту открытия собрания зал был переполнен и не мог вместить в своих стенах всех желающих. И. Коновалов сделал доклад о работе „Просвіт“ и призывал присутствующих к возобновлению их деятельности; целый ряд других ораторов выступил с предложениями сосредоточить свое внимание на вопросах украинской культуры. Тут же впервые выступил Василий Елланский (Блакитный), (в то время студент) и в своем выступлении призывал интеллигенцию, выходцев из бедноты, отдать все свои силы на службу трудящимся массам. Один из военных призывал украинцев организовывать добровольческие части во главе с украинскими командирами „Під своїм українським прапором, — сказал он, — ми покажемо себе, як колись показали себе славні запорожці. Серед нас вітає дух борців наших, а на чолі їх т. Шевченка“. Собрание спело „Ще не вмерла Україна“ и „Слава Україні“. Собирались пожертвования в украинский фонд. В заключение собрание послало приветственную телеграмму кн. Львову, Керенскому и Грушевскому и приняло резолюцию, содержание которой в основном сводилось к тому, чтобы добиваться автономии Украины, организации отдельных украинских полков, украинизации школ, организации разного рода украинских курсов и культурно-просветительных объединений.

Через некоторое время оформилось и общество „Просвіта“, при которой открылся ряд секций. В их работе принимает участие и В. Елланский.

2-го апреля сотник национального войска Украины офицер Василий Павленко обратился с воззванием к украинскому населению о том, чтобы оно записывалось в украинскую сотню, организуемую в Чернигове. Он призывал население создавать на местах инициативные военные кружки, организовывать отряды „вільних козаків“. Через некоторое время он наименовал себя „тимчасовим батагом“ Черниговского национального украинского войска. На местах, во многих селах и волостях действительно начали организовываться из молодежи отряды „вільного українського козацтва“.

К началу апреля в Чернигове уже имелась громада союза украинских „федералистов-автономистов“, в которой первое время объединяются все партийно-революционные украинские течения губернии. Громада послала приветствие Национальному

Конгрессу в Киеве, а на 30 апреля созвала второе собрание украинцев, на котором был поставлен доклад о существующих на Украине политических партиях, об автономии Украины и о состоявшемся в Киеве Национальном Конгрессе. На этом собрании Елланский делал доклад о политических партиях на Украине.

На 8 июня Черниговская громада федералистов-автономистов созвала губернский съезд из представителей разных украинских организаций. Мы не имеем материалов относительно состава съезда, но по тем резолюциям, которые были приняты, можно судить, что преобладали на съезде украинские социалисты-революционеры. Резолюции были приняты по земельному вопросу на Украине, про автономию Украины, про организацию украинцев на Черниговщине и др. Резолюция по земельному вопросу была принята та же, что и на втором губернском крестьянском съезде.

По вопросу об организации украинцев было постановлено создать губернские, уездные, городские, волостные и сельские украинские советы. На съезде принимал участие и Одинец, который в своем выступлении рассказал, как украинской делегации, в состав которой он также входил, приходилось мытарствоваться по министерствам Временного Правительства и какое они там встретили враждебное отношение к автономии Украины.

С развитием движения среди украинцев и организации украинского полка в Чернигове среди населения начали распространяться слухи о том, что, якобы, украинцы со своим полком готовят в городе беспорядки. На этой почве между украинским полком и другими стоявшими в Чернигове воинскими частями возник целый ряд недоразумений. Один раз Воронежская военная дружина, находящаяся в Чернигове, сделала даже организованное нападение на солдат украинского полка, избив их прикладами. По поводу этих слухов и создававшихся конфликтов полковая рада во главе с В. Павленко, ставшим в то время уже командиром Черниговского полка, писала: „Ми знаємо, що про нас ідуть по Чернігову різні чутки: начеб-то ми збираємося робити непорядки; не йміть віри оцим брехням і провокаційним чуткам про нас. Чернігівський козацький полк обіцяє, що в Чернігові буде повний спокій. Ми сами будемо піддержувати порядок; наші патрулі будуть за цим стежити й затримувати всіх, хто робитиме бешкет. Зараз - же по зформуванню полк їде на позиції“.

Все эти разговоры и слухи про Черниговский полк и то недовольствие, которое замечалось со стороны воинских частей украинским полком, имели под собой известное основание. Когда полку нужно было 29 мая выехать на фронт, то многие добровольцы (записалось чуть ли не до тысячи человек) не явились в полк.

По поводу происшедшего с украинским полком и был сделан запрос делегатами украинского съезда. И когда представители полка в преувеличенном виде доложили съезду о той-якобы, травле, которая имела место в Чернигове, то съезд был страшно возмущен, выделил из своей среды комиссию для расследования имевших место конфликтов и вынес резолюцию о том, чтобы охрану города передать в руки оставшимся в Чернигове частям украинских войск.

На съезде были выбраны делегаты в Центральную Раду: Шраг, Одинец, Онацкий. После губернского украинского съезда почти во всех уездах состоялись такие же национальные съезды, на которых в основном стояли те же вопросы и выносились те же резолюции, что и на губернском съезде.

Когда Центральная Рада огласила 24 июня 1-й Универсал, то черниговские украинцы встретили этот акт с большим ликованием. Везде созывались собрания и выносились приветствия Ц. Р. Универсал получил большой отклик и среди сельского населения Черниговщины. И Черниговская Городская Дума не обошла его молчанием. На экстренном заседании Думы была вынесена такая резолюция:

„Черниговская Городская Дума стоит на принципе территориальной автономии Украины с гарантией прав национальных меньшинств, подлежащих октроированию Всероссийским Учредительным Собранием; признавая за Украиной теперь же право на полное самостоятельное культурное строительство, приветствует Украинскую Центральную Раду, как организационный центр по подготовке автономии на Украине, при чем Черниговская Городская Дума должна оказать Раде в этой организационной работе требуемое ее Универсалом содействие и во имя интересов укрепления завоеваний революции и свободы Украины приглашает Раду оказать всяческое содействие Временному Правительству, как единой революционной в России власти, обязанной идти навстречу национальным требованиям украинского народа“.

Движение среди украинцев оказало свое влияние и на Губернский Исполнительный Комитет. В конце сентября последний постановил вместо „Известий Черниговского Губернского Исполнительного Комитета“ выпускать два раза в неделю правительственный орган на украинском языке „Чернігівські Вісти“.

Но наряду с развитием движения среди украинцев начинает намечаться противоукраинская агитация. Противники украинского национального движения распространяют слухи о том, что якобы украинцы „воду мутят“, чтобы повернуть назад к царизму. На предвыборном украинском вечере, который состоялся 4-го августа вместе с поляками и на котором составлялся список кандидатов в Городскую Думу с резкою речью против украинского движения, украинской культуры

и Центральной Рады, выступил военный доктор, кадет. Украинцы дали ему надлежащий отпор¹⁾.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ МАСС

Начиная, примерно, с августа - сентября месяца в настроении трудящихся масс города и деревни начинается заметный перелом. Рабочие разочаровываются в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, который ничего существенного в разрешении насущных задач трудящихся масс не дал. Они начинают действовать через головы „своих“ руководящих органов, находившихся до того времени в руках меньшевиков. В связи с ростом дороговизны устраивается целый ряд забастовок. Среди рабочих наблюдается индифферентизм к общественной работе. Массы начинают заметно отходить от мелкобуржуазных партий. Авторитет меньшевиков быстро падает. Вместе с тем растет большевистская партия и ее влияние среди рабочих. Происходит вытеснение меньшевиков из различных общественных организаций.

Происходит перелом также и в настроении селянства. Если раньше бедняк - селянин и середняк молчали и молча прислушивались ко всему происходящему, если в том движении селянства, которое выражалось в созыве ряда крестьянских съездов, организации крестьянских союзов деятельное участие принимает лишь незначительная, главным образом, верхушечная часть селянства, то с этого момента нам приходится видеть, как выходит на сцену бедняк и начинает действовать по своему. Для подтверждения всего этого привожу ряд конкретных материалов.

Видная черниговская меньшевичка В. Полуботок в газете „Голос Труда“, издаваемой Черниг. Губ. Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, 3 сентября писала: „Очень печальное явление наблюдается в последнее время в жизни рабочих города Чернигова: безразличие и инертность доходят до того, что на заседаниях Совета отсутствует чуть ли не половина депутатов; остальные являются с большим опозданием.

Чем объяснить это? Может быть, Совет не откликается на крупные явления общественной и политической жизни? Может быть, он занимается исключительно „вермишелью“ и т. д.? Такого упрека бросить Совету нельзя: ни одно из крупных событий как на фронте, так и в тылу не было обойдено молчанием...

Наконец, если мы посмотрим на другие органы рабочего класса, на его профессиональные союзы, что мы там увидим?

¹⁾ Автор, к сожалению, совершенно не освещает отношения к украинскому движению рабочих Черниговщины и большевистской организации.

Редакция рассчитывает, что этот вопрос будет освещен в статье о черниговской организации.

Та же печальная картина: члены союзов охладели к своим организациям“.

Но автор статьи не может дать ясного объяснения этому печальному явлению. А между тем ответ был ясен. На него сама Полуботок намекала. Это — занятие и Советов и профессиональных союзов под руководством меньшевиков „вермишелью“, как совершенно правильно выразилась Полуботок. Это же подтверждает в своем воспоминании товарищ Стерлин. Последний пишет: „Нужно отметить, что лишь в первые два-три месяца Горсовет был очень популярен среди трудового населения Чернигова, но затем, когда выяснилось, что под руководством меньшевиков он превратился в пустую говорильню, Совет потерял свой авторитет“.

Большевистская организация усиленно развивала свою работу в Совете. Большевичка Соня Соколовская входила в Исп. К-тет Совета с момента его организации. В начале июля, когда в Чернигове ощущались большие продовольственные затруднения, большевики совместно с Поалей-Ционом внесли предложение в Совете о задержании в Чернигове семи вагонов хлеба для удовлетворения нужд города. (Хлеб этот находился в распоряжении губернского продовольственного комитета). Предложение левой группы было принято, несмотря на противодействия меньшевиков и эсеров. В сентябре месяце в Исполком Горсовета производятся довыборы в связи с выбытием некоторых членов Исполкома. Во время этих выборов в Исполком Совета проводится уже три члена из 6-ской группы Горсовета. От 6-ков в Исполком входят, кроме Соколовской, Стерлин и Довжик. Из Горсовета мало-по-малу под влиянием агитации большевиков окончательно устраниются офицеры — депутаты от Черниговского гарнизона. Вместо них включают исключительно солдат, которые становятся на сторону большевиков. Только после этого Горсовет получил название „Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“.

При выборе делегатов от Черниговщины на областной съезд Советов в Киеве ни один меньшевик не попал в число депутатов. Делегатами поехали: В. Примаков (большевик), Л. Стерлин (Поалей-Цион), В. Елланский - Блакитный (укр. соц.-революционер) и Людвиг (солдат, соц.-революц.).

После Октябрьской революции в ноябре месяце опять производились перевыборы Исполкома Горсовета. В Исполком прошли 3 большевика, 5 поалей-ционистов, 1 — меньшевик и 1 соц.-революционер. В президиум были избраны: 1 большевик, 1 поалей-ционист и 1 меньшевик.

Вместе с ростом авторитета большевиков в Горсовете последние начинают пользоваться известной популярностью и среди трудового населения г. Чернигова вообще.

В августе месяце при правлениях профсоюзов создаются большевистские фракции. В связи с целым рядом выборов

энергично развивается агитация большевиков. 23 сентября общее собрание организации большевиков высказывается за передачу власти вновь переизбранному Совету. Созываются губернские конференции, на которых принимается ряд решений по вопросам, главным образом, избирательных кампаний. Большевики организуют в Чернигове „Союз пролетарской молодежи“. На октябрьской губ. парт. конференции впервые выбирается Губком, в состав которого от городской организации входят С. Соколовская, Рива Гордон, И. Урин, Васютинская¹⁾.

Свою деятельность большевистские организации начинают развивать и в некоторых других городах Черниговщины. Мне уже приходилось указывать на конотопскую организацию, которая была довольно сильной уже с самого начала революции и проводила большую работу среди пролетарских масс. Особенно большую роль она играла в работе Городского Совета Рабочих Депутатов.

13-го сентября на заседании Конотопского Городского Совета обсуждался вопрос о кризисе власти и о текущем моменте. Разгорелись горячие прения, в которых приняли участие меньшевики, украинские соц.-демократы и большевики. После прений были предложены резолюции — большевиками и меньшевиками. Большинством голосов Совет отклонил резолюцию меньшевиков и принял, правда, с некоторыми поправками, резолюцию большевиков. Содержание этой первой 6-ой резолюции, принятой Советом на Черниговщине, следующее:

„1. Временное Правительство, оказавшись неспособным предупредить заговор помещиков и капиталистов, проявило полную растерянность перед мятежом Корнилова. И только непосредственное вмешательство в борьбу социалистов-пролетариев и революционных солдат дало решительные силы для спасения революции и для охраны народных завоеваний.

2. Создание новой власти должно положить конец всем позорным шатаниям, всем постыдным колебаниям. Из рядов правительства необходимо не только изгнать представителей тех слоев буржуазного общества, которые замешаны в заговоре против революции, но необходимо в корне устранить политику соглашательства, которая и создала возможность превращения верховного командования и аппарат государственной власти в орудие предательства и разрушения народного дела.

3. Единственным ответом на эту политику может быть лишь решительная борьба за завоевания власти, созданной на принципе федеративности из представителей пролетариата, революционного крестьянства и солдат, в основу которой должно

¹⁾ О работе черниговской 6-ской организации в 1917 году редакция рассчитывает дать более подробный материал в одном из ближайших номеров „Летописи Революции“.

быть положено следующее: 1) установление федеративной демократической республики; 2) немедленная отмена частной собственности на землю помещиков без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов, впредь до решения Учредительного Собрания, с обеспечением беднейших крестьян инвентарем; 3) введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением; 4) национализация важнейших отраслей промышленности и обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи; 5) объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира, с участием на мирной конференции представителей всех народностей.

В качестве немедленных мер должны быть декретированы: 1) немедленное вооружение рабочих; 2) прекращение всех репрессий против рабочего класса и его организаций и отмена смертной казни на фронте; 3) осуществление прав наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь, удовлетворение требований Финляндии и Украины, передача всей власти на Украине в руки Центральной Украинской Рады и ее Генерального Секретариата, созданного на основании статута Центральной Рады от 16 июля с/г.¹⁾

Осуществление этой платформы возможно лишь при разрыве с политикой соглашения и при решительной борьбе широких народных масс за власть“.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ

В июле месяце в Чернигове начались выборы в Городскую Думу по новому избирательному закону. Кампания выборов протекала как раз после июльских событий в Петрограде. В связи с этим меньшевики и эсеры развили сильную агитацию против большевиков. И несмотря на то, что агитация имела значительный успех среди мещанского населения, запуганного большевизмом, все же, выступив во время выборов в Думу с самостоятельным списком (№ 2), большевики собрали 363 голоса и провели в думу 2 гласных. Блок меньшевиков, бунда, соц.-революционеров и народных социалистов провели в думу 16 гласных.

¹⁾ Эта резолюция говорит о неясности политической позиции конотопских большевиков и их непонимании сущности Центральной Рады. Тут нет отчетливого требования власти Советов, единственным органом революционной власти на Украине выдвигается Центральная Рада.

Возможно, впрочем, что этот пункт был внесен в резолюцию представителями укр. партий в Совете против б.-ков. К сожалению, автор ничего не объясняет. — Р е д.

В сентябре м-це проводятся выборы в Городскую Думу в Конотопе. Большевики принимают в выборах активное участие, при чем собирают 476 голосов и проводят в Думу 5 гласных большевиков. Меньшевики в выборах блокируются с бундом и социалистами - революционерами и весь этот блок в целом проводит в Думу лишь 8 гласных. На первом месте, правда, идет украинская социал - демократия, получившая 17 мест в Думе.

В сентябре, октябре и ноябре месяце общественные и политические организации Чернигова заняты проведением предвыборной и выборной кампании в Учредительное Собрание. Партийные организации мобилизуют все свои силы. Созывается собрание, устраиваются совещания, ставятся вопросы выборов на различного рода съезды и конференции. Уже в начале октября опубликовываются списки кандидатов в Учредительное Собрание всеми партийными организациями и общественными группировками. Большевики выступают с самостоятельным списком № 9 и выставляют следующих кандидатов: Бош Е., Мотор Ф. Е. (из Семеновки, Новозыбковского уезда), Муранов М. К., Рындич А. Ф. (из м. Семеновки, Новозыбковского уезда), Ногин В. П., Гриневич А. В., Свердлов Я. М., Примаков В. М. (Чернигов), Овсянников А. Ф. (Конотоп), Косов И. М. (Новозыбков), Яриз Т. И. (Шостка, военный), Ивасевич Д. К. (Черниговский 13 запасный пех. полк), Дубовик С. Д. (Конотоп), Иоффе А. А., Лещинский Ю. М., Глебов Н. П., Гирконд И. И. (Конотоп), Киселев А. С.

К моменту выборов в Учредительное Собрание большевистская организация уже имеет среди населения большой авторитет. В некоторых селах, особенно северных уездов, за большевистские списки голосует чуть ли не поголовно все сельское население. Селянство южных, наиболее богатых уездов голосует, по преимуществу, за украинских соц. - революционеров. По Новгородскому уезду большевики собирают 45⁰ всех голосов, на втором месте идут украинские соц. - революционеры, а меньшевики на самом последнем месте. По Нежинскому уезду украинские с. - р. собрали 63.857 голосов, большевики — 52.744 голоса.

В декабре месяце были произведены предварительные подсчеты голосов, поданных в губернии за отдельные списки. Результаты оказались следующие: укр. с. - р. собрали 484.456 голосов (стоят на первом месте), большевики — 271.174 голоса (стоят на втором месте), рос. с. - р. 105.565, партия народной свободы — 28.864, еврейский национальный избирательный комитет — 28.308, внепартийные общественные деятели — 12.650, земельные собственники — 11.856, соц. - демокр. меньшевики — 10.810, народные социалисты и социалисты - федералисты — 10.089, старообрядцы — 4.858, поалей - цион. — 2.808, трудовое крестьянство — 1.020, служащие правительственных и об-

щественных учреждений — 1.005, крестьяне Мглинского уезда — 538, торгово-промышленники — 535. Всего участвовало в голосовании по губернии — 974 746 человек.

Приведенные цифры ясно говорят о том, каким влиянием пользовалась среди трудящихся Черниговской губернии большевистская организация и в каком положении оказались меньшевики. За каких-нибудь 5—6 месяцев меньшевики и с.-р., бывшие гегемонами общественного движения потеряли всякую почву под ногами.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС И БЕСПОРЯДКИ¹⁾

Население городов и сел Черниговщины с лета 1917 года начало испытывать большой недостаток в предметах первой необходимости и прежде всего — в продовольствии. С середины года Черниговщина испытывает настоящий голод. В конце июля и в начале августа на рынке в течение нескольких дней совершенно отсутствовал хлеб. Хлеб можно было достать лишь по карточкам и то с трудом. Население волновалось. У продовольственных лавок образовались громадные хвосты. Стояли иногда по 3—4 дня и все же многие уходили домой ни с чем. Больше всего страдали, само собой разумеется, пролетарские слои населения.

Продовольственный Комитет бездействовал. В нем царила полная хаотичность и бессистемность. Недовольство деятельностью комитета все увеличивалась. 1-го августа к Комитету явилась громадная толпа женщин и рабочих. На запросы, почему отсутствует хлеб, Комитет не мог дать удовлетворительного ответа. Толпа бросилась громить Комитет. Ворвавшись в здание, они разбросали столы и бумаги. Некоторые из членов Продовольственного Комитета попали в руки толпы и были страшно избиты. В городе царила анархия. Солдаты Черниговского украинского полка начали производить реквизицию хлеба в частных магазинах. По городу распространялись слухи о готовящемся погроме. Тогда Губернский Исполнительный Комитет затребовал из Киева отряд юнкеров. Но вследствие происшедшего успокоения юнкера по пути в Чернигов были задержаны и возвращены назад.

Но продовольственное затруднение испытывали не только города губернии. Голод надвигался и на сельское население. Уже в июле-августе мес. стали поступать сообщения с мест о голодовке селян. Из Новгород-Северска сообщали, что продовольственный комитет не в состоянии справиться собственными силами с голодом. В глазах населения он потерял всякое доверие. Из Стародуба в половине сентября сообщалось о неимоверном поднятии цен на предметы потребления: фунт черного хлеба стоил — 40 коп., пуд ржаной муки — 21 р., фунт

¹⁾ Эта гл. составлена на основании архива губ. комиссара Черниговщины.

сала — 3 р. 50 коп. и так далее. Из села Синьково, Мглинского уезда, писали: „Урожай хлебов плохой. Поля под озимым елеем засеяны. Безземельный люд голодает. Дешевле 20 рублей за пуд хлеба не достанешь. Фунт сала стоит 4 р., фунт печеного хлеба — 40 коп., фунт мяса — 1 р. 50 коп.“

Из слободы Радуль, Городнянского уезда, сообщалось о том же.

В г. Нежине также в конце сентября в течение нескольких дней не было хлеба. На этой почве произошло несколько эксцессов. Член Продовольственной Управы Коломиец дважды избивался. Местные крестьяне в город хлеба не привозили, а помещичьего не позволяли вывозить. По селам были посланы военные автомобили с вооруженными солдатами.

Вот еще одно сообщение из села Дроздовицы, Городнянского уезда: „Жизнь нашего села дошла уже до крайнего предела. Призрак голода со всеми ужасными последствиями грозит обрушиться на всех. Продовольственная Управа не в силах вести свое дело. Люди во всем разочаровались. Надежд на улучшение и выход из настоящего бедственного положения нет никаких. Многие из селян вовсе не имеют хлеба, а также и средств к существованию. Цены растут, но беда еще не в том, что все дорого, но горе, что нет совсем продуктов“.

На фоне такого беспорядка, истощения и форменной голодовки на территории губернии быстро развивались беспорядки. Прежде всего восстало село. Со всех уездов в сентябре и октябре месяцах поступали массовые сообщения о рубке леса, о грабежах и нападениях на помещичьи имения. Из села Кульнево, Мглинского уезда, в октябре месяце сообщалось: „Недалеко от нашего села расположен лес, принадлежащий мелкой помещице. Этот лес уже наполовину вырублен крестьянами. Для прекращения дальнейшей самовольной рубки был вызван отряд солдат в десять человек. Отряд прибыл на место, но крестьяне разогнали его“.

Губернскому комиссару в 20-х числах октября со всех концов губернии сообщали: „В районе Репок, Черниговского уезда, происходит массовое истребление казенных монастырских и частновладельческих лесов; происходит эпидемия самосудов. Районный начальник милиции с солдатами разоружены. Просят срочно выслать конницу. В Новозыбковском, Мглинском, Новгородсеверском, Городнянском, Остерском и Кролевецком уездах жители вмешиваются в заготовку дров частными лицами и Продовольственными Управами (т.-е. просто селяне смотрели на имеющиеся леса, как на свою собственность, и не позволяли их рубить другим. — В. Ц.)

„В Нежине царит беспокойство и ожидание эксцессов на почве недостатка хлеба. В уезде уже разбили винный склад. Самочинная порубка лесов продолжается. Разгромлена усадьба Тропина в селе Балаевке. С первых чисел октября в Почеп-

ском районе Мглинского уезда началась сплошная рубка частновладельческих лесов. В Краснорогской волости в имении графа Толстого срублено крестьянами более 200 дес. строевого леса и произведено нападение на экономию. В Бакланской волости в экономике Барановских срублено около 200 дес. леса. В Кульневской волости во время заседания Земельного и Исполнительного волостных Комитетов, собравшихся для выработки мер защиты лесов от дальнейшего расхищения, толпа местных жителей угрозами и оскорблениями разогнала членов комитета, ученив над некоторыми из них насилие. Прибывшие для возобновления порядка драгуны оказались бессильны прекратить рубку лесов.

Крестьяне села Бобровицы, Козелецкого уезда, разобрали на станции самовольно вагон пшеницы, предназначенный для отправки Крюковскому сахарному заводу. В ночь на 17 октября разгромили Воробьевский винокуренный завод Новозыбковского уезда, громят его третий день. Вызваны казаки. Происходит попытка разгрома Богачевского имения, Черниговского уезда. В Климове солдаты разгромили 2 винокуренных завода, вывезли бочками спирт, пьянствуют, дебоширят, грабят. Караулы и несущие охрану не всегда трезвы. Поступило сообщение о готовящемся погроме. Командный состав бессилён; положение грозное. В 20-х числах октября произведено нападение на имение мирового судьи А. И. Навроцкого - Опошанского в деревне Ивановке, Сосницкого уезда. Убит управляющий“.

15-го сентября крестьяне нападают на Хижневский винокуренный завод Глуховского уезда. Происходит также нападение на имение помещика Илларионова, вблизи села Турьи, Городнянского уезда. В селе Поповке, Конотопского уезда, селяне на общем сходе выносят резолюцию: „Вся власть, земля, природные богатства, промышленные предприятия и орудия производства должны принадлежать трудовому народу“. Резолюция срочно посылается в Петроград.

Можно было бы привести еще десятки таких примеров, характеризующих состояние губернии накануне Октябрьской революции. Но я думаю, что и приведенного достаточно для того, чтобы ясно представлять себе картину жизни села в это время.

Из всех фактов, которые нам приходилось приводить выше, можно сделать заключение, что среди селянства не замечалось резких классовых противоречий. Пока что, все селянство было заинтересовано в том, чтобы уничтожить крупные землевладения. Но было бы ошибочно думать, что классовая борьба на селе еще не назрела и что никаких признаков ее еще не было. Нет, напротив. И в этом отношении уже, примерно, с августа месяца можно наблюдать, как растут противоречия между зажиточным населением села и беднотой. Кулачество уже чувствовало надвигающиеся грозные события. Группы

зажиточных селян начинают блокироваться с помещиками. Последние еще в конце июня созывают губернский учредительный съезд союза земельных собственников и стараются как можно больше наwerben в него зажиточных крестьян. Между союзом земельных собственников и крестьянским союзом начинается борьба. В селе Светильном, Оглавской волости, произошел 6-го августа такой случай: „Собравшись на сход, — сообщает корреспондент „Земск. Газеты“, — селяне начали вести между собою разговоры относительно того, что помещики Мишневский и Мацько организуют защиту своих имений. С этой целью они производят запись в союз земельных собственников. Среди селянства на этой почве возникло сильное недовольство. „Ми тут кажемо, що земля більш не буде панською, а вони кажуть, що панська власність свята святих і не маєш права приторкнутися до неї“. Сход постановил немедленно поймать всех записавшихся в союз деревенских богатеев и арестовать их.

В результате арестовывается 15 кулаков. Начался допрос. Арестованные покалялись в своем „грехе“. Они клялись, будто не знали, куда их записывают, и дали обещание, что немедленно выйдут из союза земельных собственников. Только после этого арестованные были освобождены. Их заставили записаться в крестьянский союз.

То же самое повторилось и в селе Плоском той же волости, где назревали кровавые события между селянами на этой почве.

Среди рабочих также росло движение. Происходили забастовки. Бастовали черниговские печатники. В сентябре месяце объявили забастовку рабочие конотопских мастерских. Забастовка была вызвана несвоевременной выплатой жалования и быстро растущей дороговизной. Происходили беспорядки и в воинских частях. В запасном полку в Чернигове солдаты отказываются подчиняться командиру полка. 22 октября толпа солдат устраивает погром лавок и грабит товар.

Таким образом, в губернии к осени царило, в сущности говоря, полное безвластие. Твердой руки, организующей жизнь и направляющей ее по определенному руслу, не было. Но номинально власть еще существовала. Черниговские деятели продолжали чем-то заниматься: совещались, устраивали заседания, производили выборы. Жизнь же губернии текла сама по себе. Местные власти видели анархию, видели беспорядок, выносили по этому поводу резолюции, меняли руководящий состав в учреждениях, думая, что этим они могут дело исправить. Говорилось много относительно твердости власти. Но из всего этого ничего не получалось. В таком состоянии губерния подошла к Октябрю. Об октябрьском периоде, закончившемся на Черниговщине переходом власти к Советам лишь в январе 1918 года, — в другой статье.

ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ НА НИКОЛАЕВЩИНЕ

(Февральско - мартовские события 1917 г.¹)

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Февральская революция на Николаевщине имеет свою большую „предисторию“. Ее корни уходят в богатое революционное прошлое города.

Дореволюционный Николаев — крупный промышленный и торговый центр со 120-тысячным населением. Николаевский порт в предвоенные годы конкурировал — и весьма успешно — с Одесским по экспортно-импортным операциям, особенно по вывозу хлеба. По экспорту железной руды Николаев занимал одно из видных мест в дореволюционной России.

Наряду с портом, Николаев в экономическом отношении замечателен своими судостроительными верфями, машиностроительными и сталелитейными заводами. Достаточно назвать имена таких гигантов, как „Наваль“ (ныне завод имени „А. Марти“) и „Руссуд“ с тысячами рабочих на них. Помимо этого, свыше 4-х десятков средних и мелких по размеру заводов: Балтийский, трубочно-электромеханический, сельскохозяйственных машин, гвоздильный, чугунолитейный, меднолитейный и пр.

С объявлением войны огромная часть николаевских заводов была переведена на военные рельсы — работала „на оборону“. Производство не поспевало за военными заказами для нужд армии. Предприятия работали в три смены без передышки. Число рабочих увеличилось вдвое-втрое и непосредственно перед 1917 годом достигло 40 — 50 тысяч человек.

Солидная пролетарская армия.

Но если в первые годы войны николаевская промышленность, пользуясь старыми остатками, еще дышала полной грудью, то уже к 1917 году ее постигла судьба всей российской промышленности. Недостаточное поступление из снабжающих центров

¹) Для составления настоящей статьи автором использованы как архивные фонды Николаевского Округа (дела 6. градоначальника, Управы, Думы, Совета), так и воспоминания участников революции, хранящиеся в Истпарте.

угля и материалов ставило очень часто заводы перед угрозой закрытия. Дирекция „Наваля“ то и дело жаловалась на администрацию угольных рудников, относящуюся „совершенно индифферентно ко всяким, в настоящее время так часто и легко возникающим затруднениям“. Она предупреждала, что „мы каждый день висим на волоске“.

Война свела на нет экспорт. В Николаеве на улицу были выброшены тысячи людей. Упадок сельского хозяйства при развившейся к тому же сильной спекуляции сказался на росте цен на продукты и предметы первой необходимости. Экономическое положение рабочих изо дня в день все ухудшалось. В 1914 году средний заработок рабочего „Наваля“ за один человека - час равнялся 21,82 коп. К 1917 г. он равнялся 42,31 коп. А в это же время бюджетный набор, скупой, нищенский бюджетный набор николаевского рабочего увеличился в 4—5 раз.

Николаевский пролетариат не имел, как видим, особых оснований быть довольным как войной, так и правительством, эту войну затеявшим и затягивающим. Тлели, готовые возгореться ярким пламенем, ропот, брожение.

Не сладко жилось и николаевскому обывателю. Война, как мы уже указывали, больно ударила по промышленности и торговле города. Основа николаевского хозяйства — экспорт — перестала существовать. В слоях мелкой буржуазии росло недовольство.

Патриотические настроения, охватившие в начале войны часть рабочего класса России, не могли не коснуться и Николаева. Николаевский пролетариат также отдал свою дань времени. Но националистический угар здесь был достаточно кратковремен.

Политический зажим, лишение рабочих возможности какого бы то ни было проявления своих чувств и мнений, не укладывавшихся в рамки официальной идеологии, отчасти и влияния извне — все это способствовало сравнительно быстрому выветриванию вообще - то говоря непрочных в рабочей среде шовинистических идей. Приезд Николая II и посещение им завода „Наваль“ не дали того эффекта, на который рассчитывали власти. „Вяло прокричали „ура“, уже чувствовался надрыв от усиленных работ и плохой жизни“ — свидетельствует т. Пархоменко. („Страницы Борьбы“, стр. 148). Военно - промышленный Комитет, куда стараниями плехановцев - оборонцев были втиснуты и некоторые малосознательные рабочие, потерял в глазах николаевского пролетариата былое значение всеспасительной панацеи. Желание „сотрудничать“ с властью быстро исчезло.

1916 год начался грандиознейшей, затянувшейся на месяцы забастовкой — „одной из сильных забастовок, во время которой определилось политическое сознание рабочих и их

готовность к революционной борьбе“. („Страницы Борьбы“, стр. 154).

7-го января огромное большинство рабочих „Наваля“ бросило работу. Заводской администрации был пред'явлен ряд требований экономического характера. Переговоры рабочих с дирекцией затягивались. В конфликт пробовал вмешаться градоначальник, отдававший себе отчет в том, что забастовка в своем развитии может принять нежелательные для режима формы. Настойчивость рабочих пытались сломить путем репрессий. С цепи были спущены полицейские собаки. Временами удавалось забастовку срывать. Но нормальная работа на заводе не восстанавливалась. После нескольких дней полурботы 11-го января завод снова остановился. Градоначальник в специальном обращении „К мастерам и рабочим завода „Наваль““ слезливо умолял немедленно стать на работы, обещая в этом случае взять на себя „труд разобраться в ваших экономических вопросах“. Но это, равно как и указания на „происки немцев и их агентов“, не привело к желательным результатам. Забастовка разрасталась, захватив в свой круг одно предприятие за другим. 10-го февраля неизвестно кем был убит выстрелом из револьвера бригадир завода „Наваль“, не примкнувший к забастовавшим. Тогда власти перешли в решительное наступление.

Большая часть рабочих состояла из военнообязанных. Это обстоятельство и было использовано градоначальником. С целью воздействия на забастовщиков, отдается распоряжение об отправке военнообязанных рабочих, принимавших участие в забастовке, в части войск. Забастовка, возникшая на почве экономических требований — прибавка 3 коп. в час и 100 процентов выработки, непосредственно упиралась в политику. Путем репрессий, хитростей и угроз градоначальнику, вдохновляемому морским министром Григоровичем, удалось „восстановить порядок“. Но такой исход забастовки нисколько не уменьшил ее влияния на дальнейший ход событий в Николаеве, на оформление революционного сознания николаевского пролетариата.

Формировались настроения, при которых революция, свержение самодержавия считалось единственной логически вероятной перспективой. К этой перспективе николаевский пролетариат готовился самими событиями. Февральско-мартовская революция в Петербурге, докатившись до Николаева, нашла здесь уже достаточно глубоко взрыхленную почву...

Знали ли об этих настроениях николаевские власти?

Знали — и всемерно готовились!

20-го февраля 1917 г. в сугубо секретном порядке николаевский градоначальник, вице-адмирал Покровский, препроводил полиции, жандармерии и коменданту города для снабжения командиров частей местного гарнизона „инструкцию

на случай возникновения беспорядков в городе Николаеве". Инструкция эта, составленная с большой тщательностью и предусмотрительностью, намечала всесторонне обдуманный план военных действий на случай бунта. Вот краткий отрывок из текста „инструкции“:

Секретно.

Инструкция на случай возникновения беспорядков в гор. Николаеве.

1. Город разбить на четыре участка по числу и плану полицейских. Начальниками участков назначаются: Одесского — командир 45-го Пехотного запасного полка, Московского — командир 465-й пехотной Херсонской дружины, 1-го Адмиралтейского — штабс-офицер по назначению командира 45-го пехотного запасного полка и 2-го Адмиралтейского — командир 456-й пешей Херсонской дружины.

2. При получении полицией сведений о возможности возникновения в гор. Николаеве беспорядков, Полицмейстер немедленно доносит градоначальнику и с его разрешения:

а) Призывает для содействия 38-ю Донскую казачью сотню.

б) Уведомляет тотчас же об этом Коменданта города Николаева.

в) Распоряжается разведкой Варваровского и Ингульского мостов.

Из этой сотни Полицмейстер выделяет 4 казаков Градоначальнику, 5 казаков Командиру 45-го пехотного запасного полка, 2 казаков Командиру Николаевского флотского полуэкипажа и 4 казаков в Комендантское Управление.

3. Одновременно с высылкой сотни казаков, Комендант отдает распоряжение о прекращении увольнения нижних чинов из казарм и о прибытии в полицейские участки от соответствующих частей (см. парагр. 1 Инструкции) ежедневно наряжаемых дежурных рот (в составе не менее 48 рядов).

4. В случае дальнейшего усиления беспорядков, Градоначальник отдает распоряжение о вызове всех войск гарнизона¹⁾.

Но никакая предусмотрительность властей не могла уже предупредить надвигающуюся грозу. Циркуляры 3-го отделения при всей их силе не в состоянии были повернуть вспять ход истории. Неизбежное случилось!

¹⁾ Архив Николаевского градоначальника. Дело № 46.

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ И ПЕРВЫЕ ОТКЛИКИ РЕВОЛЮЦИИ

1-го марта¹⁾ в городе распространились первые туманные, сбивчивые и противоречивые слухи о каких-то переменах в Петербурге. Внешне все говорило о неизбежности и прочности режима. В этот день была даже отслужена в часовне на Привозном рынке панихида по случаю „годовщины мученической кончины в Бозе почившего государя императора Александра II Освободителя“. Но многие безошибочно почувствовали, что где-то что-то треснуло, надломилось, что благополучие самодержавия нарушено...

На другой день от социал-демократической фракции Государственной Думы последовала информация о событиях в Петербурге.

Первые сведения о преобразовании правительства были получены и редакциями местных газет.

Николаевские революционные группы²⁾, среди которых наиболее влиятельными были социал-демократы, до этого нелегально проводившие свою работу, воспрянули духом. Вечером 2-го марта в правлении кооператива „Трудовая Копейка“ (Рыбиня, дом № 28) состоялось объединенное заседание всех рабочих организаций города, посвященное политическому моменту. На этом заседании присутствовали: Овчинников, В. Попов, Золотавин, Каушан, Угрюмов, Гноевченко, Д. Лейканд и др. Собравшиеся обменялись мнениями, после чего был выработан план дальнейших действий. Решено было создать Совет Рабочих Депутатов.

Оживилась жизнь и в официальных кругах. Цензовая Дума колебалась между рушащимся старым и смутным, неясным новым.

Полицейские власти и военщина цепко хватались за вчерашний день, преграждая дорогу сегодняшнему. Еще теплилась надежда восстановить столь приятный сердцу самодержавных опричников „порядок“...

Но бесплодно! Революция шла по восходящей линии.

3-го марта появились экстренные выпуски телеграмм, возмещавшие о подробностях переворота в Петербурге. Город преобразился. „Напряженно-выжидательное настроение предыдущих дней, питаемое разного рода слухами, сменилось, наконец, добрым и радостным“ — писала „Трудовая Газета“ 4-го марта.

„Выпущенные телеграммы, оповещающие о сорганизовании Временного Комитета, быстро разбирались публикой.

Настроение повышенное, многие поздравляли друг друга“.

¹⁾ Здесь, как и дальше, даты обозначены по старому стилю.

²⁾ Подробнее о них, как и о кооперативе „Трудовой Копейке“, в заключительной части статьи.

Особенно оживленно в публичных местах — ресторанах, кафе. Здесь возникли уже настоящие дискуссионные клубы. „Вокруг некоторых столиков толпится публика, делясь впечатлениями. Горячо обсуждают обращение М. В. Родзянко к народу. Порой возникает горячий спор. Настроение праздничное, радостное“. Повышенное настроение, охватившее все круги населения, сказалось даже на... банковых операциях по распространению военного займа. Публика вновь после наступившего было перерыва стала охотно вносить деньги...

Как мы уже упоминали выше, власти прилагали усилия к тому, чтобы задержать ход событий, не дать им развиться в „настоящую“ революцию. В этом отношении любопытна телеграмма Колчака, тогда командующего Черноморским флотом, опубликованная в местной прессе 3-го марта. Колчак делает отчаянную и смешную по своему бессилию попытку отменить революцию.

„В последние дни, — гласит телеграмма, — в Петрограде произошло вооруженное столкновение с полицией и волнения, в которых приняли участие войска Петроградского гарнизона.

Государственной Думой образован временный Комитет под председательством председателя Государственной Думы Родзянко для восстановления порядка. Комитет поставил целью: установление правильной деятельности в тылу, поддержание дисциплины в воинских частях и доведение войны до победного конца. Войска гарнизона Петрограда восстановили порядок.

В ближайшие дни преувеличенные сведения об этих событиях дойдут до неприятеля, который постарается ими воспользоваться для нанесения нам неожиданного удара. Таковая обстановка убедительно требует от нас усиленной бдительности и готовности в полном спокойствии сохранить наше господствующее положение в Черном море и приложить все труды и силы для достойного великой России окончания войны. Пусть каждый помнит, что мы являемся не только защитниками своего побережья, но способствуем боевым подвигам нашей доблестной армии, а наша боевая работа и готовность непосредственно влияют на успех войны.

Приказываю всем чинам Черноморского флота и вверенным мне сухопутным войск продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед Государем Императором и родиной.

Приказ прочесть при собраниях команд на кораблях, в ротах, сотнях и батареях, а также объявить всем работающим в портах и на заводах.

Виде адмирал Колчак“

Но Колчаку не удалось „отменить“ революцию :

По инициативе местной революционной группы 3 - го марта на заводе „Наваль“ устраивается большой митинг — первый свободный митинг, посвященный политическому моменту. После страстных речей была принята приветственная телеграмма Временному Комитету Государственной Думы с соболезнованием о павших борцах за революцию и ходатайством об амнистии для заключенных мастеровых. „Ни на сходке, — доносит полицмейстер в секретном рапорте градоначальнику, — ни в течение всего дня никаких выступлений не замечалось и мастеровые вели себя совершенно спокойно“¹⁾.

Текст посланной „навалеvцами“ телеграммы, к сожалению не сохранился. Но аналогичная телеграмма рабочих „Руссуда“ — их митинг состоялся 4 - го марта — дает материал для характеристики настроений николаевского пролетариата в те дни и требований, пред'явленных им новой власти. Приводим текст телеграммы полностью (телеграфный стиль для удобочитаемости не сохранен):

„Петроград :

Исполнительному Комитету Государственной Думы
и Совету Рабочих Депутатов.

Мы, рабочие завода „Руссуд“ в гор. Николаеве, на собрании 4-го марта в количестве 6.000 человек постановили :

1. Выразить глубокое соболезнование по павшим борцам за свободу.

2. Приветствовать избранный Государственной Думой Исполнительный Комитет центральной власти, Совета Рабочих Депутатов и войска, принимавшие участие в борьбе за свободу.

3. Проведение в жизнь полной амнистии политическим и религиозным заключенным, свободы слова и печати, свободы собраний и союзов, неприкосновенности личности и упразднения национальных и религиозных розней.

4. Немедленного урегулирования продовольственного вопроса.

Просим рассчитывать на нашу активную поддержку.

Уполномоченные завода „Руссуд“.

Эта телеграмма отражает то настроение классового мира, которое столь характерно для первых дней революции, особенно в провинции. Специфические условия Николаева сделали правление кооператива „Трудовая Копейка“ естественным

¹⁾ Архив Николаевского градоначальника. Дело № 46.

центром, средоточием передовых, революционных элементов города. На заседании правления „Трудовой Копейки“, совместно с представителями рабочих местных заводов, 4-го марта было принято решение о создании Николаевского Совета Рабочих Депутатов. Постановление заседания гласило:

„В целях укрепления положения Исполкома Государственной Думы, Совета Рабочих Депутатов в Петрограде и нового состава министров, а также скорейшего урегулирования продовольственного вопроса — создать местный Совет Рабочих Депутатов, избранный от всех рабочих на заводских собраниях“.

В прессе оглашается следующее „Воззвание к рабочим города Николаева“:

„Товарищи рабочие!

Текущие события застали нас, николаевских рабочих, совсем неорганизованными. В то время, как в Петрограде, Москве и др. городах рабочие уже организовались в Советы Рабочих Депутатов, у нас еще в этом направлении ничего не сделано. Не забудьте, товарищи, теперешний момент требует крайнего напряжения общественных сил, чрезвычайной организованности. Возможность каких-либо осложнений на почве случившегося переворота, чрезвычайные рабочие вопросы, начинающиеся в скором времени, выборы в Учредительное Собрание для установления образа управления страной, выборы в Обывательский Комитет, связь с рабочими Советами столиц и провинции и, наконец, урегулирование продовольственного кризиса — все это требует от нас тесной идейной солидарности.

А потому, товарищи, не медлите! Приступите немедленно к выборам представителей в Совет Рабочих Депутатов города, в котором, как вы видите, есть чрезвычайная надобность. Порядок выборов в Совет Рабочих Депутатов, согласно выработке состоявшегося собрания части рабочих, следующий:

1. По заводам на цеховых собраниях сегодня до обеда избираются выборщики по расчету 1 на 100 человек.

2. После обеда выборщики от всех цехов на общем своем собрании выбирают членов в Совет Рабочих Депутатов по расчету на 200 рабочих 1 делегат.

3. Заводы, на которых общее число рабочих менее 200, избирают также одного делегата.

„Организационное Собрание“.

(„Трудовая Газета“. 6 марта 1917 г.).

Пролетариат Николаева не замедлил откликнуться на воззвание „Организационного собрания“. На всех предприятиях города с большим воодушевлением были произведены выборы депутатов в Совет. 6-го марта произошло первое организа-

ционное заседание Совета Рабочих Депутатов. (По материалам „Страницы Борьбы“ организационное заседание состоялось 5-го марта). На этом заседании Совет оформился как политическая организация рабочего класса, самым ходом вещей толкаемая к власти и руководству революцией. В состав президиума Совета оказались избранными: В. И. Каушан — председатель (с.-д.), В. И. Асмолов (с.-р.) и Овчинников (с.-д.) — товарищи председателя, Угрюмов (с.-д.) и Е. Е. Хотенков (с.-д.) — секретари, М. З. Цехановский (с.-д.) — казначей. В состав Исполнительного Комитета Совета, кроме упомянутых членов президиума, выделяются: Попов, Клопцов, Мандельштам, Корнилов, Данилов, Соколов, Литвиничев, Тромкин, Золотавин, Матросов, Нестеренко, Каменецкий, Бесполотов, Лимоне, Васильев, Сафронов, Романов, Петров, Красноперов и Пуховой. Преобладающее партийное влияние в Совете закрепилося за социал-демократами¹⁾. Совет постановил делегировать своих представителей в Общественный (Обывательский) Комитет.

С этого времени в городе началось двоевластие, единоборство между агентом Временного Правительства — буржуазной Думой и Советом Депутатов, единоборство, закончившееся победой последнего и установлением 15-го января 1918 года Советской власти в Николаеве.

* * *

События шли своим чередом. Одна за другой рушились надстройки кровавого старого режима.

Вечером 5-го марта собравшиеся в помещении больницы представители рабочих совместно с политическими партиями решили раскрыть ворота тюрьмы и разоружить полицию. (В дополнение ко всем своим достопримечательностям, Николаев „славился“ еще своей каторжной тюрьмой, в стенах которой содержалось много видных политических деятелей, еще и ныне здравствующих).

Огромной толпой собравшиеся направились — дело было около 12-ти часов ночи — в помещение Городской Думы. Там в то время происходило предварительное частное совещание гласных по вопросу об организации Комитета Общественной Безопасности. Прибывшие потребовали от Думы распоряжения о разоружении полиции и освобождении политзаключенных.

Вначале на требования прибывших был дан весьма уклончивый ответ, означавший по существу отказ в освобождении заключенных. Рабочая делегация продолжала настойчиво и в повышенных тонах требовать. Вызвали прокурора. Тот повел

¹⁾ Автор не различает между с.-д. большевиками и меньшевиками, потому что в революцию с.-д. организация вступила объединенной. См. дальше главу: „Объединенная организация РСДРП „самоопределяется“.

политику на оттяжку. „Нельзя, мол, ночью делать такие вещи. Подождем до утра“.

Но рабочие были непреклонны. Ссылаясь на распоряжение центра об амнистии, они требовали освобождения заключенных сейчас же, сию же минуту.

Власти вынуждены были уступить. За полночь к помещению каторжной тюрьмы потянулась длинная вереница людей. То шла делегация рабочих, сопровождаемая своими товарищами. Представителями от рабочих в делегации были: Угрюмов, Гноевенко и Каушан, от властей: Леонтович, Пузинский, Горбатов и Попов. Тюрьма спала. Часовые отказались в столь поздний часпустить делегацию. Не помог даже авторитет прокурора. Лишь после прибытия начальника тюрьмы делегация была в нее допущена.

Но тут началась новая волынка, инициатором которой на сей раз оказался уже начальник тюрьмы. „Во избежание ошибок“, он предлагал освобождение отложить до утра.

Дискуссия длилась до трех часов ночи, пока, наконец, выведенные из себя, разнервничавшиеся делегаты от рабочих не потребовали в категорической форме немедленного освобождения заключенных, пригрозив, в случае невыполнения их требования, провести это самовольно. Нетерпение проявляли и оставшиеся за воротами тюрьмы рабочие. В конце концов и последние проникли во внутрь тюрьмы¹⁾.

Началось освобождение.

Не веря своим глазам, взволнованные неожиданной волей и радостной вестью о революции, узники бросились на шею своим освободителям — рабочим, к великому смущению господ начальника тюрьмы и прокурора... Под утро арестованные были линейками пожарной команды доставлены в ее помещения, амнистированным устроили чай и тут же в казармах Пожаркома уложили спать. Всего было освобождено 24 человека²⁾.

¹⁾ Как указывает „Трудовая Газета“, рабочие, собравшиеся у тюрьмы, „были приглашены, главным образом, для выяснения вопроса, какие из заключенных могут быть рассматриваемы, как осужденные по политическим делам“. Как случилось, что присутствовавший тут же прокурорский надзор вдруг потерял способность отличать политические дела от других, а рабочие — вчерашняя „чернь“ — вдруг оказались столь компетентными в вопросах сложной царской юриспруденции — секрет авторов газетного отчета.

²⁾ Вот их имена: Владимир Белинский, офицер, приговорен к 10-ти годам каторжных работ 20-го сентября 1907 г. за военное восстание в Бузулукском полку; Захар Циома, матрос броненосца „Потемкин“, приговоренный в 1905 году к смертной казни, замененной бессрочной каторгой; Фока Леонтьян, матрос канонерки „Риклик“, приговоренный к 15 годам каторжных работ в 1914 г.; Тадеум Грабовский, приговоренный 19 июля 1907 г. к 20 г. каторжных работ за участие в революционных организациях; Алексей Прокофьев, приговоренный за вооруженное сопротивление к 20-ти годам каторжных работ 20-го июля 1907 г.; Василий Зоненко, приговоренный за восстание к 20-ти годам каторжных работ; Василий Плешаков, приговоренный к бессрочной каторге за восстание в 1912 г.; Владимир Марцинкевич. при-

На следующий день толпы народа восторженно приветствовали амнистированных — вчерашних узников мрачной царской тюрьмы.

Власти ковыляли следом за событиями. Растерянность в их рядах переплеталась с неясными надеждами на то, что „все уляжется, пройдет“. Весьма умеренные и „выдержанные“ телеграммы из центра за подписями „великих князей“ оставляли место для предположений, что еще не все потеряно...

Однако под давлением фактов власти вынуждены были уступать освобожденному народу одну позицию за другой.

5-го марта градоначальник вице-адмирал Покровский обратился к городскому голове Н. П. Леонтовичу со следующим уведомлением:

„Городскому голове гор. Николаева.

Уважаемый Государь, Николай Павлович!

Сего числа мною предписано полицмейстеру гор. Николаева со всем штатом подчиненной ему полиции вступить в подчинение Городского самоуправления в вашем лице.

Надворному советнику Дмитрию Александровичу Соколову предписано явиться в Ваше распоряжение.

Вместе с сим уведомляю Вас, что городской полиции, по получении мною уведомления о вступлении нового правительствa, дана инструкция беспрепятственно допускать всякого рода собрания, наблюдая лишь постольку, поскольку должна быть обеспечена собственность каждого отдельного лица и обывателя.

Уважающий Вас
вице-адмирал Покровский¹⁾.

говоренный к 20 - ти годам каторжных работ в 1912 г.; Антон Пахущий, приговоренный к 20 - ти годам тюремного заключения; Константин Марширухов, приговоренный к 8 - ми годам каторжной тюрьмы; Давид Ядышкин, приговоренный к 10 - ти годам каторжной тюрьмы; Захарий Прокофьев, приговоренный к 6 - ти годам каторжной тюрьмы; Марьям Вершковский, приговоренный к 10 годам к. т.; Давид Бенделиони, приговоренный к 10 годам тюремного заключения; Калуст Авоян, приговоренный к 12 годам к. т.; Павел Попов, приговоренный к 15 - ти годам каторжных работ за участие в „красной сотне“; Дмитрий Веселов, приговоренный к 15 - ти годам каторжной тюрьмы за участие в „Красной сотне“; Акоп Араколов, приговоренный к 15 - ти годам каторжной тюрьмы; Михаил Лукьянов, приговоренный к 18 - ти годам каторжной тюрьмы за участие в партии анархистов - коммунистов; А. Черномызов, приговоренный к 10 - ти годам каторги; Барнас Джития, приговоренный к 17 - ти годам каторжной тюрьмы; Григорий Планейн, приговоренный к бессрочной каторге; Сергей Марковский, приговоренный 12 - го декабря 1908 года к бессрочной каторге, и Лаврентий Захаров, приговоренный к бессрочной каторге.

¹⁾ Архив Николаевского градоначальника. Дело № 46.

Начинается новая эра. Обычно твердый и категорический в выражениях, вице-адмирал вдруг залепетал: „постольку, поскольку“.

За адмиралом — подчиненные.

6-го марта полицмейстер Соколов телеграммой (?!) донес Леонтовичу, что и полиция „признала“ падение старой власти и „радуется“...

Текст этой „телеграммы“ стоит того, чтобы быть запечатленным в истории! Приводим его полностью, с сохранением специфически-полицейского стиля:

„Николаев. Городскому Голове Николаю Павловичу Леонтовичу.

Из Николаева. 6-го марта 1917 г.

Весь состав полиции города Николаева сегодня на рапорте уполномочил меня донести Вашему Высочородию, что, горячо приветствуя падение старой власти и радуясь вместе с народом раскрепощению многострадальной родины, единодушно присоединяемся к новому правительству.

Полицмейстер Соколов¹⁾.

Таким образом и „фараоны“ встали на революционную платформу!

Но эти верноподданнические присяги революции не помогли. Уже 6-го марта полиции не существовало. Охрана города перешла в руки организованного населения, первых рабочих летучих отрядов, предтечей Красной гвардии.

НИКОЛАЕВСКИЙ ГАРНИЗОН ПРИМЫКАЕТ К РЕВОЛЮЦИИ

Разразившаяся революция застала армию неподготовленной к событиям. Сколько-нибудь организованного политического движения в частях Николаевского гарнизона не было. Те одиночки-революционеры из армии, которые впоследствии проявили себя на работе в Совете, до переворота вынуждены были ограничиваться пропагандой общих социалистических идей в узком кругу „надежных“. Широкой последовательно-революционной пропаганды в армии к тому времени еще не велось.

Сам Совет Военных Депутатов так оценивал впоследствии интересующий нас момент:

„Все части Николаевского гарнизона были застигнуты революцией врасплох. Ни одна из них к моменту переворота

¹⁾ Архив Николаевского градоначальника. Дело № 46.

не была сплочена в организацию, могущую направить по надлежащему пути тысячи солдат и матросов, которые всецело присоединились к революционному движению“.

Подчеркивая необходимость для солдат организоваться, выше цитированный документ указывает :

„Это обстоятельство, очевидно, и было учтено Николаевским Советом Рабочих Депутатов, по почину которого 7-го марта в зале Городской Думы собрались выборные от частей войск Николаевского гарнизона: солдаты, матросы и офицеры в числе 150 человек“.

На этом собрании после речей, обнаруживших, что армия целиком на стороне революции, хотя и не отдает себе достаточно ясного отчета в ее целях и задачах, был избран Совет Военных Депутатов. В него вошли: т. т. Ряппо, Иванов, Гиль, Маслов, Блинов, Кузьменко, Табский, Савельев, Григоренко, Артамонов, Павлов, Левашкевич, Фомин, Прохоров, Ваничков, Ланский, Висильев, Герасимов, Островидов, Яровенко, Осипов, Щепкин, Крыжановский, Буров, Андрианов, Денисов, Костык, Щербань, Галка и Печенкин.

На следующий день, 8-го марта, Совет Военных Депутатов избрал из своей среды президиум, в состав которого вошли: прапорщик Ряппо (с. - д.) — председатель, матрос Шабалов (с. - р.) — товарищ председателя, прапорщик Блинов — секретарь, солдат Зеленцев — товарищ секретаря и поручик Артамонов — казначей.

Должностное положение членов Президиума СВД до некоторой степени характеризует первую выборную армейскую организацию.

Связь местных Советов с центральными к этому времени еще не была налажена. То, что делалось на местах, носило на себе отпечаток самостоятельного, индивидуального творчества масс и их руководителей. Местные Советы, стихийно выросшие, были предоставлены сами себе в вопросе определения целей и задач своего существования.

Как Николаевский Совет Военных Депутатов представлял себе свои задачи?

На это отвечает нам статья — без указания фамилии автора — во 2-м номере „Известий Николаевского Совета Р. и В. Депутатов“.

„Совет Военных Депутат., — говорится в этой статье, — является организацией в р е м е н н о й (подчеркнуто нами — Е. В.), поэтому и задачи его — это задачи текущего момента.

Все задачи текущего момента сводятся к следующим основным положениям: 1) благоприятная ликвидация войны, 2) закрепление завоеванных свобод и 3) подготовка войсковых и крестьянских масс к Учредительному Собранию.

Считая настоятельной необходимостью довести войну до победного конца, не уступив Германии ни пяди русской земли, Совет основной задачей ставит усиление боевой мощи нашей армии и флота, вливая в них новый дух свободы, поддержание порядка и дисциплины и интенсивную работу по подготовке солдат в тылу.

Так как Совет прилагает все старания к удалению остатков старого режима и укреплению народной свободы, то он будет бороться самым решительным образом со всякими контр-революционными и провокационными попытками.

Совет всячески будет поддерживать Временное Правительство, пока оно будет идти по пути созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Принимая участие в выработке новых форм жизни гражданина и воина, Совет стремится содействовать распространению просвещения среди войск и флота.

Так как войска представляют в главной массе крестьянство, то Совет признает прямой обязанностью через войска содействовать организации крестьянства по деревням и селам и подготовки их к Учредительному Собранию“.

Программа деятельности Совета, как видим, достаточно широкая, хотя довольно общая и туманная в формулировке конкретных задач и в конечном счете — „временная“. Вполне отчетливо выявлена патриотическая физиономия Совета — „усиление боевой мощи нашей армии и флота“ на предмет „благоприятной ликвидации войны“ СВД считает своей „первоочередной, основной задачей“. Материалы о дальнейшей деятельности Совета свидетельствуют, что вопрос о войне — необходимости доведения ее до победного конца — долгое время не сходил с повестки дня заседаний Совета.

7-го марта в городе происходили грандиозные манифестации рабочего населения, в которых приняли участие и войска гарнизона. Казачья сотня, почитавшаяся оплотом реакционных элементов города, явилась на Соборную площадь, имея впереди красный флаг. Приветствуемые народом, казаки заявили о своем присоединении к революции. К часу дня площадь у здания Городской Думы была запружена войсками и рабочими. Матросы флотского полуэкипажа прибыли на площадь с красными флагами. С большим подъемом были произнесены речи — прапорщиком Кузьменко и солдатом Ланским. Над зданием Думы был выброшен красный флаг с надписью: „Да здравствует свобода!“

Манифестации войск продолжались и вечером — в разных частях города.

Общее собрание чинов флота и морского ведомства (начальствующий состав и духовенство) постановило: „Подтвердить

полную солидарность со всей Россией, за свободу и счастье которой каждый готов пожертвовать жизнью". Что эта „готовность“ была продиктована внушительными народными выступлениями, но отнюдь не искренними симпатиями к революции — в этом вряд ли можно сомневаться. Авторы резолюции боялись „неправильных толкований о том, что среди местных членов флота и морского ведомства будто бы нет солидарности с новым правительством“ и многократно говорили о „готовности“. Но поскольку резолюция подписана „старшим из присутствующих чинов флота“ — вице-адмиралом Покровским, вчерашним организатором противодействия народным выступлениям, в искренности ее весьма законно сомневаться.

Так или иначе, и „чины“ вынуждены были признать свершившееся и приспосабливаться к новым порядкам!

Началось заискивание офицества перед Советом, заискивание, преследующее своей целью, помимо шкурных моментов, завоевание авторитета среди солдат, чтобы в конце концов направить деятельность Совета в сторону от революции. Любопытен в этом отношении факт, имевший место в 45-м пехотном полку. Командир этого полка, полковник Войцеховский, старался внушить солдатам, что он „один из первых явился 2-го марта в Городскую Думу на совещание гласных, чтобы заявить о своем переходе на сторону Нового Правительства, но никого в Думе не застал и свое заявление сделал на следующий день“.

Войцеховский был не единственным. Факты — вещь упрямая! Они заставили „господ-офицеров“ пойти в ногу с движением. Тем более, что Совет Военных Депутатов, дорожа „боеспособностью“ армии для „войны до победного конца“, воздерживался от постановки перед солдатской массой вопросов, которые могли бы привести к резкому конфликту между солдатами и офицерами.

Лозунгу: „ни пяди земли кайзеру“, была подчинена вся первоначальная деятельность Военного Совета Депутатов. Это нашло свое яркое выражение в речи председателя СВД на Учредительном Собрании общественных организаций гор. Николаева 19-го марта. Он заявил, что его „в Комитет привел лозунг: „Война до полной победы“. Еще долгое время Совет Военных Депутатов оказывал всемерную поддержку этому лозунгу.

КРЕСТЬЯНСТВО НА БУКСИРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Если весть о свержении самодержавия была для города Николаева в известной степени неожиданностью, то тем более это относится к деревне, вообще мало информированной тогда о политических событиях.

Объективно деревня была подготовлена к восприятию петербургских перемен. От затянувшейся войны она весьма

ощутительно пострадала. Еще кулацкая часть деревни, продававшая по спекулятивным ценам городу хлеб, имела основание не особенно жаловаться на войну и ведущее ее правительство. Но основная масса крестьянства — середняки и бедняки — от войны ничего хорошего не получали. Десятки тысяч крестьянских сынов и отцов были загнаны на фронты. Сельское хозяйство Николаевщины постепенно приходило в упадок. Заметно сократилась посевная площадь. Истрепался, без надежды на скорую замену, сельскохозяйственный инвентарь.

О событиях в Петербурге села и деревни Николаевского уезда (тогда Херсонской губернии) узнавали частью из уст приезжающих из города торговцев и спекулянтов, частью с большим опозданием из газет. Ясного представления о случившемся еще долго на селе не было. „Приверженцы старого правительства, — свидетельствует представитель добринских селян, — сеют в народе смуту сообщениями, что происшедший переворот есть временное явление и что скоро будет восстановлен прежний государственный строй“. Появились и темные элементы, пытавшиеся использовать завоеванные народом свободы в своих корыстных целях.

Совет Рабочих Депутатов не мог не обратить внимания на положение дел в деревне. На одном из первых своих заседаний СРД выделил из своей среды крестьянскую комиссию в составе т. т. Барышева, Пономаренко, Могилевца, Россошинского, Литовченко, Шишкина, Бахлова, Полякова и Чайки. Комиссии этой был поручен обезд сел и деревень „с целью освещения происходящих событий и водворения порядка“.

СРД обратился к крестьянскому населению уезда со следующим воззванием:

„Граждане крестьяне!

При Николаевском Совете Рабочих Депутатов учреждена крестьянская комиссия, которая войдет в сношения с деревнями и селами с целью образования там комитетов из представителей сельского населения, а также просветительных учреждений: читален, клубов, и т. д.

Комиссия приглашает интеллигентные силы сел и деревень устраивать немедленно читальни, собеседования и т. д., пользуясь для этого средствами, имеющимися у них. В случае образования такого рода просветительных организаций, Крестьянская комиссия просит немедленно присылать свои адреса в Крестьянскую комиссию при Николаевском Совете Рабочих Депутатов и тогда комиссия возьмет на себя труд по пересылке газет, брошюр и т. п. В обязанности сельских комитетов входит образование народной милиции для охраны порядка и имущества граждан, разрешение продовольственных и других необходимых вопросов.

Крестьянская комиссия, совместно с представителем Совета Военных Депутатов, предпринимает в ближайшем будущем ряд поездок по деревням и селам для организации сельских комитетов и для преподавания указаний там, где комитеты уже образовались.

При объезде сел и деревень делегаты будут представлять удостоверения о том, что они разъезжают по поручению Николаевского Совета Рабочих Депутатов.

Крестьянская комиссия Совета Рабочих Депутатов“.

Пролетариат Николаева в лице своего Совета с первых же дней революции взял на себя роль руководителя в отношении крестьянских масс, устанавливая с ними тесный союз. Крестьяне — участники совещания представителей учреждений мелкого кредита района Николаевского отделения Госбанка — в своих выступлениях 25 - го марта с благодарностью отмечали деятельность Крестьянской комиссии Совета, представители которой посетили много сел и деревень уезда.

Совет уделил много внимания вопросам помощи крестьянскому хозяйству, главным образом людьми, в которых ощущался большой недостаток в связи с необходимостью убрать урожай. Вслед за СРД Совет Военных Депутатов также выделил крестьянскую комиссию и решил отправить в села и деревни уезда несколько войсковых частей на время полевых работ.

10 - го марта в Варваровке и Богоявленске — селениях, непосредственно примыкающих к гор. Николаеву — состоялись большие митинги. Боясь эксцессов и „исключительных обстоятельств“, Николаевский градоначальник распорядился в этих селах разоружить стражников и полицейских и командировал воинскую команду „для поддержания порядка“.

С большой торжественностью был отмечен праздник революции в селе Висунском 20 - го марта. Церемония торжества в этом селе чрезвычайно характерна для настроений деревни в то время. В роли разъяснителя событий и „вождя“ выступил... настоятель церкви. Красные флаги утопали в море хоругвей. Митинг начался и кончился торжественным богослужением. Звонили колокола. Народ вслед за настоятелем церкви произносил слова „торжественной присяги“ на верность Временному Правительству. Церемония закончилась провозглашением многолетия „христоролюбивому всероссийскому победоносному воинству“.

Поп в роли „революционного пропагандиста“ — явление не совсем редкое в то время.

По мере развертывания событий в Петербурге и в Николаеве деревня все больше начинала осознавать происшедшее. Туманное и неясное, хотя и радостное слово „свобода“ само по себе уже не удовлетворяло крестьянскую массу. Она жаждала

реального улучшения своего положения, она стремилась к организации своих сил.

Особый интерес, с точки зрения выявления настроений крестьянства, представляют прения, развернувшиеся 25 марта на „Совещании представителей учреждений мелкого кредита района Николаевского Отделения Государственного Банка“. На этом совещании присутствовало 60 человек крестьян — представители 36-ти кооперативов уезда. Хотя в повестке совещания скромно значилось: „ознакомление с переживаемыми событиями“ — информация эта явилась, по существу, центральной частью работ совещания. Крестьянство пользовалось первым удобным случаем, чтобы сказать и свое слово о судьбах революции.

Председатель совещания В. Н. Матвеевко, „поясняя сущность происшедшего переворота“, построил свою информацию под „хлебным уклоном“. „Дать для армии все, что можно, и тем обеспечить победу над врагом“. Собравшихся, однако, мало удовлетворила такая постановка вопроса. Развернулись широкие прения „по существу“.

Представители Совета Военных Депутатов призывали крестьян помочь армии. Делегат Федоро-Сухомлиновского ссудо-сберегательного т-ва говорил, что „деревня ждет указаний из города“. Другие ораторы указывали на необходимость ознакомления крестьянства с программами политических партий, дабы оно могло примкнуть к одной из них. Председательствующий пробовал несколько раз прекратить прения по политическому вопросу и направить работы совещания по „деловому“ пути, но безрезультатно.

Горячие споры разгорелись по вопросу о том, нужна ли Николаевскому Союзу кредитных и ссудо-сберегательных товариществ политическая программа. Инспектор Померанцев старался убедить собрание в „невозможности соединения в Союзе экономической и политической деятельности“. Его поддержал председатель Совета Военных Депутатов, пояснивший, что „Союз может только содействовать кристаллизации крестьян“. Иного мнения был другой представитель Совета Военных Депутатов, полагавший, что учреждения Союза должны принимать участие в политической организации крестьянства на местах.

В результате победило течение за „политизацию“. Совещание приняло по этому вопросу резолюцию следующего содержания:

„Совещание представителей кооперативов района Николаевского отделения Государственного банка для выяснения действительных пожеланий трудового крестьянства считает необходимым немедленно приступить к организации крестьянства в специальные районы и губернские союзы, а потом и во Всероссийский Крестьянский Союз. Представителями от крестьян

в различные с'езды и Учредительное Собрание нужно выбирать не просто „хороших людей“, но лиц, имеющих определенную политическую программу, выражающую пожелания крестьянских масс“.

Как ни расценивать этот документ, он прежде всего говорит об огромной тяге крестьянства к организации, о стремлении крестьянских масс осознать происходящее, разобраться в сложном „политическом моменте“.

Представители течения, высказывавшиеся за „нейтрализацию“ союза, потерпели поражение. Победили сторонники „политики“. В словах резолюции: „нужно выбирать не просто „хороших людей“, заключался многозначительный намек на то, что крестьянские массы не желают больше доверять свои судьбы высшим сословиям, хотя бы и „хорошим людям“ из них.

Крестьянство инстинктивно тянулось к своему союзнику — пролетариату города. Совет Рабочих Депутатов становился в такой же степени вождем крестьянства уезда, как и пролетариата Николаева.

Следует еще остановиться на крестьянском с'езде, состоявшемся в Николаеве.

25 — 26 марта по инициативе Совета Рабочих Депутатов в Николаеве состоялся с'езд крестьян. На этом с'езде 52 делегата представляли 23 селения уезда.

С'езд обсудил вопрос о текущем политическом моменте и принял резолюцию о необходимости „войти в соглашение с Советом Рабочих и Военных Депутатов для образования организационного комитета Крестьянского Союза“. Было также принято решение о подготовке к Учредительному Собранию, о продовольственном вопросе, о недостатке рабочих рук. К сожалению, отрывочные сведения о работе с'езда, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют более подробно остановиться на нем. Приходится отложить более отчетливое освещение этого момента до тех пор, когда будут найдены соответствующие документы.

ОБЪЕДИНЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП „САМООПРЕДЕЛЯЕТСЯ“¹⁾

Мимо взора внимательного наблюдателя событий первых месяцев революции 1917 года на Николаевщине не может пройти странный, на первый взгляд, факт: в качестве руководителя политических событий в первые дни фигурировала какая-то туманная „революционная группа“, инициативу созыва в городе Совета Рабоч. Депутатов взяла на себя аполитичная, казалось бы,

¹⁾ В настоящей статье автор касается только социал-демократической организации Николаева. Помимо социал-демократов, в городе имелись эсеры, кадеты, сионистские организации и пр. Деятельность этих последних автор предполагает осветить в другой статье.

организация „Трудовая Копейка“ в лице ее правления. Большевистской организации не было видно.

Прошлое социал-демократической организации в Николаеве раскрывает нам причину этого явления.

Задолго до революции 1917 года в Николаеве существовала социал-демократическая организация, объединявшая в своих рядах и „чистых“ меньшевиков и тех, кто подчас несознательно, но вполне определенно тяготел к большевикам. Организация эта именовалась „Объединенкой“. Левые настроения, проникавшие в „Объединенку“, могут быть объяснены большим количеством рабочих в населении Николаева и относительно пролетарским составом самой организации.

В 1916 году, после большой забастовки, закончившейся разгромом рабочих организаций г. Николаева (см. выше), „Объединенка“ почти распалась. Большая часть ее членов вынуждена была покинуть город, другая часть была арестована, а оставшиеся ушли в глубокое подполье. К концу 1916 года стали съезжаться некоторые члены „Объединенки“, и организация вновь ожила. К этому времени в воздухе уже пахло революцией. Настроение в столице, в армии и в пролетарской массе самого Николаева предвещало близкие перемены. „Объединенка“ решила выйти на широкую дорогу, используя легальные возможности. Основное внимание она устремила на полууцелевшие от разгрома рабочие организации: общество взаимопомощи и кооператив „Трудовая Копейка“ Члены „Объединенки“ (Каушан, Овчинников и др.) вошли в правление „Трудовой Копейки“ и превратили его в организацию, служащую интересам партии. В жизни кооператива началась новая эра. На общих собраниях, помимо чисто хозяйственных вопросов, теперь ставились, поскольку это было возможно в полицейских условиях, вопросы более широкого порядка. Сами собрания устраивались чаще, чем это было до сих пор.

В „Объединенке“ в то время были довольно сильны пораженческие настроения. Военно-промышленный Комитет был очень скоро заброшен и забыт. Личная связь некоторых членов „Объединенки“ с крупными партийными деятелями как меньшевистского, так и большевистского лагеря¹⁾ давала возможность организации быть относительно сносно информированной о положении дел и политических перспективах. „Объединенка“ отдавала себе отчет в том, что революция в России — дело скорого будущего и всемерно готовилась к ней.

В первые дни февральско-мартовской революции мы видим „Трудовую Копейку“ в роли организатора Совета Рабочих Депутатов. Представители „Трудовой Копейки“ выступали на

¹⁾ По воспоминаниям тов. Каушана, через члена организации тов. Скорохода одно время поддерживалась связь даже с тов. Лениным в бытность его за границей.

всех рабочих собраниях и митингах. Они раз'ясняли смысл событий, выбрасывали лозунги, руководили политической жизнью масс. Разумеется, что под псевдонимом „Трудовой Копейки“ в данном случае выступала „Об'единенка“. В ее рядах еще сожительствова^{ли} попрежнему и меньшевики и большевики, хотя последние, еще не самоопределившиеся, могли быть на^званы большевиками лишь условно.

В первые дни „революционной весны“, когда все слои населения ликовали, каждый по-своему, по поводу одержанной над царизмом победы, расхождения между большевиками и меньшевиками в „Об'единенке“ не давали себя особенно чувствовать. Рабочая масса еще не отдавала себе в то время достаточно ясного отчета, какова тактика большевиков и меньшевиков и что их собственно разделяет. „Массовая агитация на заводах и в воинских частях только разворачивалась. Настроение было благоприятное, ораторов слушали с величайшим вниманием. Все воспринималось без особенной критики“ — свидетельствует в своих воспоминаниях тов. Я. Ряппо¹⁾. Не приходится говорить, что и „революционную весну“ различные классы и группы общества чувствовали по-разному, торжествуя победу каждый по-своему. Но в первое время налицо было внешнее единство.

Разлад в рядах „демократии“ непосредственно после победы Февральской революции еще не был понятен широким массам трудящихся.

Инстинктивное стремление масс к единству, в свою очередь, не могло не давить на политические организации города, в частности на „Об'единенку“. Последняя, сознавая, что с эсерами ее в принципиальных политических вопросах разделяет пропасть, тем не менее не отказывалась сотрудничать с ними, „полюбовно“ уступая представителям эсеровской организации места в Совете и других революционных органах. Острота принципиальных политических разногласий как бы на время притупилась перед лицом тех общих гигантских задач, которые, казалось, встали в связи с победой революции перед всеми революционными партиями.

Тем труднее была в то время борьба за выявление и оформление линии внутри „Об'единенки“ между большевиками и меньшевиками, которых как-никак соединяла многолетняя работа в одной организации.

Лишь в процессе углубления революции, когда принципиальные и тактические разногласия обнаруживались со все возрастающей резкостью, в „Об'единенке“ лопнул обруч единства, искусственно сдерживавший разнородные потоки, различные по своей классовой природе течения, в одной коалиции.

¹⁾ „Летопись Революции“, № 1, 1922 г. Дальнейшие ссылки на т. Ряппо имеют в виду тот же источник.

Первым, неясным еще тогда, намеком на „самоопределение“ является отношение „Об'единенки“ к члену Государственной Думы, м-ку Тулякову. Туляков прибыл в Николаев 10-го марта, как представитель центральной власти. Казалось бы, как член социал-демократической рабочей партии он имел основание рассчитывать на теплую встречу со стороны „Об'единенки“.

Случилось другое. Принят-то он был тепло, поскольку „Об'единенка“ еще не определила политического кредо своего высокого гостя. Но проводили Тулякова с некоторой прохладцей. После выступления Тулякова на заседании Совета Рабочих Депутатов, последний, руководимый „Об'единенкой“, принял весьма характерное решение :

„Считать выступление Тулякова как комиссара Временного Правительства, а не представителя рабочего класса“.

Вряд ли авторы этой лаконической резолюции уяснили себе весь глубокий смысл выше цитированных слов. Совет своей резолюцией отделил класс от Временного Правительства. Этим самым он, по существу, противопоставил их друг другу. Временное Правительство — одно, рабочий класс — другое. Рассуждать так по тому времени значило — „разрушать демократию“, значило стать на путь, близкий к большевизму. Николаевский Совет Рабочих Депутатов и „Об'единенка“, его возглавлявшая, сами того, быть может, и не сознавая, на этот путь становились.

Характерный штрих. Туляков во время своего пребывания в Николаеве обратился с воззванием „К солдатам, матросам и офицерам Николаевского гарнизона“, в котором он, между прочим, писал :

! „Граждане! Я ознакомился с вашим Советом Военных Депутатов и нашел, что тот путь деятельности, который он избрал, вполне соответствует тем целям и стремлениям, которые преследуются и новым революционным правительством.

Поэтому призываю вас прислушиваться к голосу вашего Совета Военных Депутатов и только к нему обращаться в нужных случаях“.

Да, тот путь деятельности, который избрал Николаевский Совет Военных Депутатов, „вполне соответствовал“ целям и стремлениям Тулякова — представителя буржуазного Временного Правительства. Призывая солдат внимать голосу Совета Военных Депутатов и „только к нему прислушиваться“, Туляков тем самым подчеркивал антиреволюционный, по существу, характер деятельности Совета Военных Депутатов и несоответствие политики последнего политике революционного рабочего класса. О Совете Рабочих Депутатов Туляков не мог бы сказать: „только к нему обращаться“, ибо даже социал-де-

мократы Николаевского СРД уже тогда были левее „официальной“ социал-демократии, особенно по вопросу об отношении к войне ¹⁾).

Расхождения между СВД и СРД были не только по вопросу об отношении к войне, но и по вопросу о роли Советов в революции. Из программного воззвания Николаевского Совета Военных Депутатов (см. выше) мы видим, что он считал себя организацией временной, призванной помочь Временному Правительству успешно закончить войну — и только. В Совете же Рабочих Депутатов, имелось уже тогда твердое мнение, что Советы должны быть чем-то большим, чем помощники, да еще временные, буржуазного правительства. Николаев в своей революционной истории имел уже Совет Рабочих Депутатов 1905 года, уже в то время бывший полувластью. Настроения за самоуправление, за „временность“ были чужды Николаевскому Совету Рабочих Депутатов после Февраля.

Таким образом, мы видим принципиальные расхождения во взглядах между СРД и СВД, отражавшие расхождения внутри „Об'единенки“. Однако, несмотря на наличие этих расхождений, „Об'единенка“ в первые месяцы революции с грехом пополам играла еще в „дружную“ работу. Принципиальные разногласия, когда они возникали, не переносились в широкие рабочие массы. Их старались разрешать, вернее, затушевывать, в тесном кругу. Перед лицом еще окончательно не разгромленной буржуазии и остатков старого режима, „Об'единенка“ не решалась заострять возникающих разногласий, которые привели бы к расколу. Но тем не менее в ее рядах неуклонно вызревали два крыла, две организации, два классовых врага — меньшевиков и большевиков.

Большевики также не спешили с выделением в самостоятельную организацию. Такая поспешность была бы, пожалуй, не на пользу большевикам. Рабочая масса привыкла видеть

¹⁾ 23-го марта 1917 года Совет Рабочих Депутатов обсуждал вопрос о своем отношении к продолжению войны. Решение Совета сформулировано в 6-ти пунктах резолюции, из коей мы приводим наиболее важную выдержку — пункт 4-й. Он гласит:

„Николаевский Совет Рабочих Депутатов считает раздающийся повсюду лозунг: „Война до победного конца“ весьма обманчивым и опасным, так как он скрывает за собой весьма разнородные стремления пролетариата и буржуазии и дает основание некоторым шовинистическим элементам подразумевать под этим разгром государства, покорение всего германского народа и желанные им захваты. Между тем, русский пролетариат желал бы продолжать войну лишь до того времени, пока германский народ революционным путем освободит себя от власти самодержавного правительства и установит народовластие“.

Хотя заключительная часть этого пункта и говорит о продолжении войны „пока“ и т. д., тем не менее общий тон резолюции свидетельствует об отрицательном отношении СРД к лозунгу: „война до победного конца“. В это же самое время Совет Военных Депутатов твердо стоял на позиции, сформулированной его руководителями в программе: „Ни пяди земли кайзеру“.

в „Об'единенке“ нечто целостное. К „Об'единенке“ привыкли, как к организации, свободной от не всем понятной фракционной „драки“ и занимающейся только „делом“. Даже в самой „Об'единенке“ часть ее членов вполне искренне возмущалась тем, что в центре „дерутся вожди“. Такое отношение к принципиальным разногласиям, резко определившимся в столице между большевиками и меньшевиками, может быть объяснено только тем, что Николаев был мало осведомлен о положении дел в Петрограде. Большевистски настроенная часть „Об'единенки“ не решалась в первое время отделяться, боясь, повидимому, что рабочая масса не поймет необходимости раскола революционных сил и не оправдает его. Так в продолжение нескольких месяцев, заглушая сугубо принципиальные разногласия, возводя искусственные соединения между двумя непримиримыми политическими линиями, „дружно“ уживались в одной организации партийные антиподы — большевики и меньшевики.

Характеризуя этот период, тов. Ряппо говорит :

„В общем и целом николаевская организация стояла левее ОК меньшевиков и организационно с ним связана не была.

Если в теории она присоединялась к формулам Петербургского Совета, то на практике она равнялась влево на тактику с. - д. интернационалистов, а позже на с. - д. большевиков“.

К этому нужно добавить, что не вся николаевская организация „равнялась влево“, и что часть „Об'единенки“ давала определенный крен вправо. Это в дальнейшем нашло свое выражение в образовании правого крыла в Совете Депутатов, крыла, травившего „по всем правилам искусства“ большевистскую, тогда еще малочисленную, группу¹⁾.

Разногласия между большевиками и меньшевиками в „Об'единенке“ особенно обострились после посещения рядом ее членов Петрограда. Приезжавшие из центра товарищи сообщали организации о той борьбе, которая происходила между ленинцами и меньшевиками — приверженцами Временного Правительства. То, что до сего времени рисовалось сознанию членов „Об'единенки“ в весьма туманных очертаниях, получило, наконец, надлежащую ясность. Определились две линии поведения : большевистская и меньшевистская. К одной из них нужно было примкнуть. Занимать дальше „надфракционную“ позицию, т. - е. фактически пребывать без всякой позиции, уже нельзя было.

Приезд товарищей из столицы окрылил надежды немногочисленной группы левых в „Об'единенке“, этих, если можно так выразиться, потенциальных большевиков. Если до сих пор они шли ощупью, выискивая путь, то теперь он для них стал более или менее ясен. Большевистская часть „Об'единенки“ ставила

¹⁾ Большевики того периода : т. т. Зимак, Скаяр, Шицевалов, Гордон и др. Позже — Ровинский, Вольпе. — Е. В.

в порядок дня политической деятельности вопросы, которые всемерно до сих пор избегала об'единенная организация.

Ныне здравствующий бывший председатель СРД тов. Каушан, вспоминая о тех днях, указывает, что приехавшие из центра т. т. Овчинников и Ровинский принесли с собой ленинские течения в Николаев.

До этого, как мы видели, в „Об'единенке“ уживались противоречивые точки зрения по вопросу о войне и мире, об отношении к Временному Правительству и проч. Расхождения замазывались. Об'единенцы избегали раскола. К тому еще социал-патриотическая, меньшевистская часть „Об'единенки“ имела на своей стороне перевес, поскольку она была представлена в организации лучшими силами. Большевики числили в своих рядах прекрасных ораторов, хороших пропагандистов, людей, завоевавших себе большой авторитет в рабочих массах и у населения города. Местные большевики были и количественно, и качественно слабее меньшевиков. По этой причине, отчасти, они долгое время не рисковали бросить открытый вызов меньшевикам и принять бой. Они с головой ушли в кропотливую работу среди масс, вербуя себе сторонников в Николаевском пролетариате. „Наша основная работа,— говорит об этом периоде тов. Шицевалов,— была направлена к тому, чтобы воспитать массы, разъяснить, к чему мы должны идти... Мы подготавливали массы к Октябрьскому перевороту, мы воспитывали их в том духе, как говорил Ленин. Оформляя это, мы приходили в СРД и, будучи в меньшинстве, заявляли голос этой массы. Постепенно завоевывая эти массы, выполняя их волю, мы захватили власть в свои руки“.

Массовая работа немногочисленной группы большевиков, обосновавшейся на Слободке — рабочей окраине города, дала плоды. Когда большевистская часть „Об'единенки“, пополнившись прибывшими из столицы товарищами, выделилась в самостоятельную организацию, она уже имела громадный резерв в рабочих массах.

Время работало за большевиков. Политика Совета Рабочих Депутатов все меньше становилась политикой рабочего класса. Не раз и не два пролетарии Николаева проявляли большую радикальность в разрешении практических вопросов революции, чем руководители Совета. „Когда речь шла о каком-нибудь политическом акте, который был ближе по духу рабочей массе,— указывает т. Шицевалов,— то вопреки решению Совета и меньшевистской и эсеровской организации, рабочие массы это творили. Одно время, когда мы, большевики, поставили вопрос о закрытии завода, я помню, как тогда на заводе „Наваль“ выступал тов. Зимак. Результаты голосования колоссальным большинством показали, что завод почти единодушно поддержал его предложение, за исключением отдельных меньшевиков и эсеров“. Большевистская часть Совета

и „Об'единенки“, не имевшая еще формального большинства, организовывала массы для выражения протеста против псевдо-революционной политики Совета. В недрах самой „Об'единенки“ и Совета взращивалась большевистская организация и укреплялась ее связь с массой. Группа на Слободке сделала свое дело. Крепко связанная с рабочими массами, она все время увеличивалась в своем числе, широко распространяя влияние ленинских идей. Если меньшевики и эсеры имели большинство в Совете, то большевики имели его в рабочей массе Николаева. Это, в конце концов, не могло не отразиться на Совете. В июне-июле он стал ареной борьбы между приверженцами революционной большевистской тактики и противниками ее.

Июльские дни в Петрограде, поставившие перед рабочим классом России ребром вопрос об отношении к Временному Правительству, всколыхнули и николаевский пролетариат. Часть рабочих, до этого еще верившая меньшевикам, теперь отшатнулась от них. В меньшевиках „Об'единенки“ николаевский пролетариат распознал пособников буржуазного Временного Правительства. Для большевистской части „Об'единенки“ настал час открыто выступить и порвать с бывшими друзьями, с которыми их связывала традиция, а раз'единяла политическая программа.

Большевики, имея за собой рабочую массу, пошли на раскол об'единенных сил „демократии“ в Николаеве. В истории Николаевской социал-демократической организации открылась новая страница.

О подробностях раскола и организации большевистских сил в Николаеве — в другой раз.

А. ДИКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА ЧЕРКАШИНЕ

(Воспоминания о 1919 годе)

После провала и ареста ряда товарищей на явке на Большой Владимирской¹⁾ Киевский подпольный Комитет решил уцелевших от ареста и освобожденных во время двухдневного захвата Киева Пластунской бригадой красных (по составу рота или батальон) разослать на подпольную работу в уезды.

В 20-х числах октября (н. ст.) 1919 года на Подоле, в столовой кооператива „Жизнь“, два члена партии (работники Киевского подпольного Ревкома) — тов. Яновский и я — получили через тов. Зорина мандаты за подписью тов. Муравника на подпольную работу в Черкассах.

На следующий день мы на пароходе направились по назначению. Тут же на пароходе я был арестован, но после ряда издевательств офицеров контр-разведки меня освободили.

Прибыв в Черкасы и остановившись в первой попавшейся гостинице, мы в первую же ночь были разбужены приходом полиции и контр-разведки. Несмотря на то, что у нас при обыске ничего подозрительного не было обнаружено (хотя наши мандаты были уже выпороты и лежали в замочной скважине), нас все же арестовали. Через несколько дней под поручительство хозяина квартиры, „благонадежного купца“, нас освободили под расписку, что через два дня мы обязуемся явиться в полицию.

Необходимо было в течение этих двух дней связаться на явке с товарищами и при их помощи достать квартиру и новые паспорта.

На явке в прачешной на Парадной № 16 мы связались с тов. Хорошманом, который познакомил нас с остальными, оставленными для подпольной работы в Черкассах товарищами — Мирой и Александром. Последние занимали на окраине города

¹⁾ Из арестованных на явке на Большой Владимирской помню следующих товарищей: Мороз (Ярошевский) под кличкой „Учитель“, и Пипко. Фамилий остальных не помню. Среди арестованных была одна женщина. А. Д.

небольшую квартиру, специально снятую для работы. В имеющемся в квартире погребке хранились деньги, чистые паспортные бланки, мандаты и проч. На этой квартире поселились и я с Яновским. На дверях мы вывесили объявление о том, что в квартире сыпнотифозные — это иногда служило защитой от вторжения белогвардейцев, предпочитавших грабить без риска заразиться.

Нам было известно, что из Киева должны были прибыть для подпольной работы еще несколько товарищей. Мы решили до их приезда не показываться на улице. Очевидно, квартира с ее чересчур спокойными жильцами казалась соседям подозрительной. Вскоре один из полицейских, проверяя свой участок, забрел к нам. Оказалось, что это был один из арестовавших меня и Яновского в первый день нашего приезда, он нас узнал, и мы снова были арестованы. В участке пристав заявил нам, что мы, как бывшие комиссары Николаевского ГЧК, будем переведены в контр - разведку.

Хотя мы в Николаеве никогда не работали и обвинение было явно нелепое, мы все же решили приложить все усилия к тому, чтобы миновать контр - разведку.

Стали вести переговоры с приставом о том, чтобы нас освободили, обещая „отблагодарить“.

После нескольких дней, проведенных в участке, нас однажды ночью вызвал пристав и попросил за освобождение 500 руб.; сторговались за 300 руб. николаевскими деньгами, при чем я заявил, что могу достать деньги у родственника, куда мне необходимо сходить самому. Тов. Яновский был оставлен в участке в качестве заложника до моего прихода, а я, в сопровождении часового, отправился за деньгами. С приставом договорились, что часового далеко за мной не пойдет; я объяснял это тем, что приход вместе со мной полицейского может испугать стариков родственников. Часовой, пройдя со мной небольшое расстояние, отпустил меня одного.

Часов в 10 — 11 вечера я постучался на нашу подпольную квартиру. Никого из наших там уже не было, там жили родственники тов. Миры (женщина с детьми, бежавшие от погрома из Мошен). Стук в дверь ночью и незнакомый голос привел в ужас обитателей квартиры, испытавших несколько погромов, живших и теперь в окружении разбоя, насилий и беззаконий.

Никто не решался даже спросить, кто стучит и что ему нужно. После настойчивых просьб мне открыли. Я объяснил в чем дело, взял деньги и ушел. Через полчаса мы, дав еще раз подписку о явке по первому требованию, „расплатились“ с приставом и ушли с тем, чтобы больше не попадаться ему на глаза.

Через неделю после нашего приезда в Черкассы туда для подпольной работы прибыло из Киева еще 10 — 12 товарищей. Составилась подпольная организация из следующих товарищей: Хорошмана (Бер), Миры, Александра, Любы Галь-

перин, Соломина (Пинскер), Левченко, Анюты Черной (Дубинская), Поли Бродской, Нилина, Ани Белой (Казаринская), Дикого, Яновского¹⁾, Яковенко и Ф. Мороза (Ярошевский). Первые четыре — черкасские жители, остальные прибыли из Киева, при чем последние два приехали уже к концу подполья.

Председателем Паркома был выбран, насколько помнится, т. Соломин (Пинскер), председателем Ревкома — т. Левченко (полтавчанин).

В план работы на ближайшее время было поставлено следующее: „прощупать“ настроение рабочих, главным образом, железнодорожников, выяснить состояние войска и связаться с имевшимся в Мошнах отрядом во главе с коммунистом т. Деревянко.

Ревком вскоре получил сведения, что под руководством петлюровцев предполагается созыв с'езда партизан Мошенского района. На об'единенном заседании Паркома и Ревкома было решено командировать товарища в штаб повстанческого отряда к тов. Деревянко для участия в подготовке к с'езду. Выбор пал на меня.

Для выполнения этого поручения я, получив пароль, мандат, паспорт, деньги керенками и дислокацию белых войск, вышел утром из города вместе с „проводником“ — девочкой-подростком. Выяснив предварительно расположение ближайших сел, я взял курс на деревню „Сидевок“. Деревня эта лежала несколько в стороне от прямой дороги на Мошны, но достигнув ее, мы должны были попасть в „зону влияния партизан“, куда казаки не рещались заглядывать.

Дорога шла все время сосновым лесом. Главные трудности в пути были: железнодорожный мост с заставой казаков, окраина города, через которую предстояло пройти, и затем — деревни „Дохновка“ и „Сосновка“, где белые отдыхали. На всякий случай мы приготовили соответствующие ответы на возможные вопросы. Но все прошло благополучно.

Вечером нас в лесу остановили несколько вооруженных. Нужно было быстро ориентироваться, чтобы угадать кто они — белые, красные или зеленые — и чтобы принять соответствующие меры предосторожности. После „дипломатических“ переговоров вооруженные решили передать нас следующему посту (как выяснилось впоследствии, по распоряжению повстанческого штаба вечером никому не разрешалось ни въезжать в него, ни выезжать). У последней заставы после долгих переговоров нам дали проводника в штаб тов. Деревянко.

Штаб помещался в бывшем волостном управлении. На дворе и в просторном помещении было битком набито людьми; внутри совсем маленький „каганец“ из масла, лиц не видно.

¹⁾ Яновский после освобождения из-под ареста был направлен Ревкомом в Кременчуг и по дороге туда был выброшен из вагона и убит.

Возник вопрос, как узнать Деревянко, чтобы не выдать, что мы незнакомы. Вывел из неловкого положения проводник, который обратился к сидевшему за столом возле коптилки и потому ясно выделявшемуся на фоне общего полумрака: „Товарищ Деревянко, до вас хлопец знайомый з городу прийшов“. Необходимо было как-нибудь предупредить его, чтобы он не сказал, что не знает меня. Лишь только тов. Деревянко обратился на меня внимание и прежде чем он успел задать мне вопрос, я подошел к нему и сообщил пароль.

На следующий день я приступил к работе. Предстояла подготовка к уже назначенному съезду повстанческих отрядов Мошенского района с довольно рискованной повесткой дня: 1) принятие партизанами политической платформы, 2) слияние всех отрядов района, 3) выборы единого штаба с единым руководством. Постановка вопроса о политической платформе заставила насторожиться. Нужно было учесть наши силы и силы противников (петлюровцев).

Мошенский отряд, состоявший из нескольких сот повстанцев, был один из наиболее крупных отрядов. Отряд был сплоченный, хорошо вооружен. В нем имелись пулеметы, бомбы, револьверы, почти все партизаны имели при себе винтовки и отрезы.

В случае надобности, всадники на ряднах, вместо седел, с ремнями, перетянутыми через хребет лошади, вместо стремян, составляли кавалерию. Отличительным знаком повстанцев этого отряда была широкая красная лента на шапке.

Отряд возглавлялся штабом из нескольких человек, в составе которого были — коммунист Деревянко, человек медленный, недалекий, все убеждения которого сводились к следующему: „Я за Советскую власть и потому против Деникина“; анархист Вихоть — значительно моложе его, искренний и честный, действовал во всем вместе с коммунистами. Он выполнял поручения партии, членом которой себя не считал и форму которой он вообще как будто не признавал, с самоотверженностью и энтузиазмом, достойными коммуниста.

Из работников штаба выделялся своей преданностью и сознательностью еще беспартийный командир одной роты, фамилия которого, к сожалению, уплыла из памяти его соратников. Недавно прибывший из плена, он горячо взялся за дело борьбы с деникинщиной. Кроме вышеуказанных, были, кажется, один или два в политическом отношении темных субъекта.

Организационно партизанщина приняла удивительно интересную форму. Прежде всего, именем восставших мобилизовывалось все способное к ношению оружия мужское население. Штаб помещался днем в центре большого местечка, в бывшем волостном правлении, ночью перекочевывал на нелегальную квартиру. На всех дорогах выставлялись заставы и дозоры. Начиная от штаба, по обе стороны села разворачива-

лись „войска“ со своими командирами, так, например, первые десять или пятнадцать хат составляли первое отделение, три таких группы — взвод и т. д. до батальона, при чем „командиры“ отбирались штабом из старых солдат.

Соответствующий сигнал — семь ударов в колокол — означал немедленный сбор (тревога). В течение получаса отделение собиралось к своему отделенному, взводному, ротному и т. д., и батальон подходил к штабу, образуя настоящую воинскую часть со строгой дисциплиной. Нарушение дисциплины каралось арестом.

В случае тревоги выгонялся также весь подвижной состав: лошади, телеги и т. д.

Петлюровцы проводили работу среди крестьян еще до прихода Деникина. Результаты этой работы сказывались в антисемитизме, в отдельных грабежах.

Коммунисты появились в отряде лишь недавно и для проведения работы должны были даже скрывать свою принадлежность к партии. Прежде всего нужно было завоевать личный авторитет среди партизан и лишь потом можно было проводить работу в интересах Соввласти.

Повстанцы говорили, что они „за Советскую власть, а на коммунию еще посмотрят“.

Состав штаба и „командарма“ имели решающее значение. Борьбу с петлюровщиной и ее влиянием на партизан нужно было начать с того, чтобы добиться на с'езде проведения в штаб своих людей, так как только через штаб можно было влиять на искоренение петлюровских традиций.

С'езд должен был собраться в 18 верстах от Мошен в с. „Байбузы“. Уже самое место с'езда, выборы этого села говорили за сильное петлюровское влияние, так как стоявшие в нем отряды были в руках петлюровских офицеров и других темных личностей, вроде Тараненко (бандита, расстрелянного уже при Соввласти самими крестьянами). Было очевидно, что на с'езде предстоял большой бой. На узком совещании членов партии и сочувствующих было решено послать на с'езд 6 человек, в том числе: т. т. Деревянко, Вихотя, Дикого, двух матросов, фамилий которых не помню, и вышеупомянутого беспартийного командира роты.

С Деревянко было условлено, что с'езду не сообщат о том, что на нем присутствует представитель Ревкома.

Приняв соответствующие меры предосторожности в самих Мошнах против возможного налета деникинцев, мы утром на трех санях выехали в Байбузы. Всю дорогу мы готовились к бою с петлюровцами. Было ясно, что бой будет, главным образом по первому пункту повестки дня, ими же выдвинутой.

Мошенцы приехали в с. Байбузы рано и потому пошли „нюхать“ публику. Мы здесь уже застали некоторые отряды, среди которых были такие, которые не раз участвовали в боях,

были даже отряды с доденикинским, т.-е. антисоветским, „стажем“, делавшие раньше набеги на красных, как теперь на отряды белых. Во дворе школы, где должен был происходить съезд, и в самой школе группы повстанцев оживленно беседовали. Были такие разговоры: „Будем бить Деникина, а придут жида с коммунией будем и их бить“, или „Как только поймаю первого попавшегося жида, сдеру с него сапоги“ и т. д. и т. д. В общем чувствовалось, что повстанцы хорошо обработаны петлюровцами.

После ознакомления с публикой стало ясно, что съезд был петлюровцами подобран и хорошо подготовлен. Мы решили во что бы то ни стало добиться снятия с повестки дня первого пункта, так как совершенно нельзя было рассчитывать на принятие съездом советской платформы. Принятие платформы при данном составе означало бы отдачу петлюровцам отрядов и ликвидацию в них советского влияния, так как состав съезда предreshал характер могущей быть принятой платформы.

Прибыло на съезд человек около 60. Перед открытием его были выставлены вокруг места заседания заставы и дозоры.

Открывал съезд Тараненко и тут же начал проверку представительства и мандатов (нечто вроде единоличной мандатной комиссии). После этого Деревянко, несмотря на принятое решение не говорить съезду о присутствии на нем представителя Ревкома, неожиданно заявил, что здесь есть „представник від Черкаського повітревкому“. После его заявления все делегаты привстали со своих мест, чтобы посмотреть на „представника“.

„Де він, де він?“ — неслоь со всех сторон, отдававшее „распни его, распни“.

Тараненко и другие только этого и ждали. Посыпался ряд вопросов с целью окончательно убить, „угробить“. Вопросы были такого рода: 1) что это за Ревком, 2) кто его выбрал, 3) какие партии и национальности входят в Ревком. Последний вопрос следовало понимать так — нет ли там жидов-коммунистов. Положение было тем более тяжелое, что представитель был „и тем, и другим“, т.-е. и коммунистом, и евреем. Несмотря на принятое решение о том, чтобы я не выступал, мне пришлось выступить с ответом на заданные вопросы. Я начал с объяснения, что повстанцы благодаря особым условиям живут сплоченно, территориально окружены хорошими естественными позициями, имеют оружие, своих руководителей спецов, имеют опыт в борьбе. Рабочие тоже готовятся к борьбе; для этого выбран Ревком, куда входят коммунисты, представители других революционных партий и беспартийные. „Мне поручено просить вас прислать своего представителя, ибо Ревком рассчитывает на вашу поддержку и ваш опыт. Сейчас Ревком ставит своей целью с вашей помощью изгнать Деникина; состав Ревкома не зависит от национальных признаков, если бы мы

стали разбирать национальный состав своих рядов, то этим помогли бы только разгромить себя и способствовали бы укреплению Деникина. Вот приблизительно точка зрения Ревкома. Я полагаю, что она будет приемлемой и для вас, так как если вы сейчас начнете принимать политическую платформу и разбиваться на отдельные партии и группы, а у вас несомненно найдутся и анархисты, и коммунисты, и сторонники правительства Центральной Рады, которая привела на Украину немцев, то вы этим самым сведете на-нет всю вашу борьбу до сих пор“.

Слушали внимательно; чувствовалось, что указания на опасность возможного разложения заставили многих призадуматься. Петлюровцами было брошено несколько грубых реплик, несколько никчемных вопросов, затем перешли к повестке дня.

В повестку дня по нашему предложению были внесены дополнительно следующие вопросы: 4) выборы начальника штаба, 5) выборы представителя в Черкасский Ревком, 6) о наступлении партизан на Черкасы. Впоследствии, когда оказалось, что командиром избран петлюровец, мы поставили вопрос о выборах политкома.

Повестка дня была утверждена со всеми внесенными нами поправками. Петлюровцы заволновались. Публика, несмотря на тесноту — половину помещения занимало оружие разных образцов и калибров: бомбы, шашки, винтовки, пулеметные ленты, даже стол президиума был завален оружием, — напряженно слушала. Напоминало Запорожье и совещания казаков Сечи, несло чем то средневековым от оружия, от людей, одежды и всей обстановки; казалось, собралась вольница, обсуждающая план своих набегов.

По первому вопросу взял слово заядлый петлюровец. Он говорил приблизительно следующее: „раньше мы просто выступали для самозащиты, а теперь нам нужно сказать кто мы и с кем мы, тем более, что скоро придут красные и нам нужно знать, как себя держать“. Говорил он горячо и убедительно, но только не для повстанческо-крестьянской головы, которая привыкла медленно пережевывать и должна была крепко подумать, прежде чем решить. Партизаны интуитивно угадывали, что выступавший предлагал сразу объявить войну и наступающим красным и Деникину, они понимали, что это внесет разложение в их ряды, к тому же и крестьянская психология не допускала так рисковать своим хозяйством. Нужно было окончательно убедить их в этом. Вслед за ним выступил т. Деревянко, который не обладал красноречием и был сбит ораторами петлюровского лагеря. За ним выступили остальные делегаты Мошенского отряда. Последним выступил я.

После долгих споров вопрос был поставлен на голосование. Прошло наше предложение о снятии с повестки дня первого вопроса. Остальные вопросы не вызвали обостренных дебатов. Мы добились проведения в политкомы штаба тов. Вихотя.

Несмотря на протесты петлюровцев, был также выбран представитель в Черкасский Ревком и этим окончательно укрепились связи партизан с Соввластью, и, самое главное, был положительно решен вопрос о наступлении партизан на Черкассы.

Таким образом, повстанчество было нами вырвано из-под руководства петлюровцев, крестьянство пошло за пролетариатом, дав свои мощные и количеством и качеством отряды не только против Деникина, но фактически и против его собрата — Петлюры.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЧЕРКАССЫ

Через два дня после съезда, из Мошен по направлению к Черкассам двинулась значительная воинская часть повстанцев и мобилизованной ими молодежи. Окрестные отряды пошли другими путями. В ближайшей деревне остановились и после небольшого отдыха лесом двинули по направлению к Черкассам, мобилизовывая по пути всех способных носить оружие. По дороге, шутки ради, включили аппарат в телефонную сеть между Каневым и Черкассами и напугали деникинского коменданта обещанием вскоре всех их уничтожить.

В это время красные части приближались к Черкассам. Очевидно, по этой причине петлюровцы торопились занять город, в то же время приближение регулярных частей Красной армии подбадривало наступающих партизан.

Наконец, подошли к последнему пункту, к деревне Дахновке, откуда в две цепи начали наступление на Черкассы. В цепи находились также штаб и все командиры. Лишь только мы вышли из лесу, как курсирующие вдоль железной дороги два бронепоезда засыпали нас пулями и снарядами из пулеметов и орудий. Пришлось отступить.

На следующее утро снова двинулись в наступление. Настроение было уверенное и бодрое, кто-то даже затянул песню, но первое же выступление показало, что против броневигов, курсирующих вдоль полотна железной дороги, несмотря на смелость, отвагу и дерзость, ничего не сделаешь.

Небольшая группа добровольцев обходом по Днепру ворвалась в город, но, отрезанная со всех сторон, отошла на левый берег Днепра и оттуда вернулась обратно в лес.

Черкассы, окруженные с одной стороны Днепром и с трех сторон железной дорогой, защищенной броневиками, при наличии дисциплинированных войск, могли долго держаться, но развалившаяся армия под напором красных войск и частых набегов партизан не способна была сопротивляться. Вскоре мы встретились с подошедшей Пластунской бригадой красных, имевшей артиллерию. Штабы немедленно связались. Узнали, что Черкасский Ревком через т. Миру уже связался с штабом бригады, что в Черкассах уже знают о прибытии бригады.

Так как мост через Днепр был взорван, то партизаны переправили орудия на санях. Они были установлены в лесу и отсюда направлены против бронепоездов. 538 и 539 полки, входившие в Пластунскую бригаду (точно не помню), были достаточно бодры, чтобы продолжать наступление. Но партизаны не хотели отдать им первенства и снова заняли позиции.

В субботу 1 января 1920 года. артиллерия красных сбила деникинские броневики, и после полудня красные войска вместе с красными партизанами, под ликующие приветствия освобожденного города и вышедшего из подполья Ревкома, вступили в Черкассы.

М. И. РЕГЕЛЕС

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЯДОВОГО ПОЛИТРАБОТНИКА

(Апрель — декабрь 1919 г.)

В ОДЕССУ

Весна 1919 года удалась на славу. Вместе со снегом на Украине растаяла и петлюровская авантюра. Зашумели бурные потоки революции. Харьков — сердце Украины — раньше других городов почувствовал эту весну. Для ликвидации остатков петлюровщины были мобилизованы молодые коммунисты и отправлены на фронт. Среди них был и я.

Томительно медленно ползла теплушка по полям Украины, где столько было пролито рабоче-крестьянской крови в борьбе за власть Советов... Мы знали, что в окрестных хуторах, селах, лесах притаились враги. Каждую минуту можно было ждать нападения бандитов. Но ночь прошла благополучно. А утром, когда засерело небо, наш поезд застыл на станции под Кременчугом. Объявили, что дальше ехать нельзя. Получена телеграмма, что ночью был остановлен шедший впереди поезд. Зарубили шесть коммунистов... Простояли три часа и двинулись дальше.

Вот и Помощная. Станция, возле которой идет бойкая торговля. Здесь не чувствуется голода.

На Помощной стоял состав вагонов первого и второго класса, наново отремонтированных. Это был штаб Григорьева. На станции рассказывали, как за день до нашего приезда Григорьев раздавал крестьянам мануфактуру. Это был обычный его прием. Таким путем он рассчитывал завоевать симпатии кулачества деревни и привлекал в свою армию деклассированные элементы и разный сброд, который шел к нему в надежде пожить. Такая именно армия и нужна была Григорьеву. Ее можно было повернуть куда угодно — за красных, против красных. Ей было безразлично, рубить ли под Березовкой греков или через две-три недели устроить кошмарнейший погром в Елисаветграде.

При штабе Григорьева было несколько политработников.

С одним из них мне пришлось беседовать. Он чувствовал, что если не сегодня, так завтра Григорьев изменит. Он знал,

что в этом случае политработников ждет расстрел, но был готов до конца выполнить свой партийный долг.

Приехав в Березовку, я увидел еще свежие следы недавнего жестокого боя. Часть станций была разрушена снарядами, почва изрыта. В поле за станцией моим глазам представилась жуткая картина. Деревенские свиньи пожирали остатки трупов изрубленных григорьевскими частями рабов иностранного капитала — греческих солдат. Жители рассказывали, что григорьевцы изрубили всех взятых в плен греков, а жители соседних деревень, стащив одежду с трупов, закопали их так небрежно, что свиньям удалось вытащить их из могил...

* * *

Затихшая, ко всему готовая Одесса встретила нас неприетливо. Серое влажное утро. С моря глядят на город жерла орудий. Одесса блокирована. В одессе голод.

Пошли к Окрвоенкому, который помещается на Пироговской, 6. Проходим по Пироговской площади мимо большой, свежей братской могилы, усыпанной цветами. Здесь лежат бойцы за красную Одессу...

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ

В Одессе мне пришлось принять участие в организации Политуправления Одесского Военного Округа. Для этой цели Наркомвоенном были посланы следующие товарищи ¹⁾: Разумов (нач. Политуправления), Виктор Конотоп, Вольчегурский (убит), Зислин (убит), Мовшович (убит), Ярослава (умерла), Викторов, Долин, Ориент, Белов, Таня (фамилии не помню), Любич и я. Под политуправление был отведен дом адмирала Маркова (на Пушкинской, 5). Нас встретили длинные и сухие дочери адмирала с вытянутыми от враждебности и страха физиономиями.

Со стен на нас глядели портреты царей... Мы стали размещаться. Царские портреты заменили революционными плакатами... Благодаря одному из этих плакатов нам удалось обнаружить массу спрятанного буржуазией имущества. Один из политработников, проходя мимо плаката, ударил штыком в изображенного на нем буржуя. Штык к общему удивлению вошел в стену, которая оказалась ложной и скрывала большие богатства. Драгоценности эти были перевезены нами в банк.

Так как в политработниках был большой недостаток, то приходилось работать по 18 часов в сутки. По вечерам мы охраняли город. Всегда надо было быть начеку.

¹⁾ Мобилизованные харьковцы раньше попали в Киев, потом часть их была выделена Наркомвоенном для Одессы и поехала туда через Харьков, так как Жмеринка находилась в руках Зеленого.

Ночевали, в общежитии, и редко ночь проходила спокойно. Из общежития по телефону вызывали в Политуправление — в городе неспокойно, то ожидают восстания, то высадки десанта. Ночью дежурили, а днем мучил голод. Хлеба не было. Нужно было его раздобыть. Благодаря создавшейся обстановке (в это время Григорьев уже изменил и кругом запыхали кулацкие восстания) решили, что хлеб можно получить только путем закупки. Для этой цели я был командирован т. Разумовым в Березовку. Миссия была довольно трудная. Разумов дал мне хороший „мандат“ и помощника, „специалиста“ по торговым делам, типичного спекулянта, который мог пользоваться доверием у ему подобных.

Серая, хмурая Березовка, придавленная близостью григорьевского восстания, была похожа на кладбище. Я поселился в единственной там захудалой гостинице и был в ней единственным жильцом. Мой спутник боялся ночевать в гостинице, потому что „хлопцы“, ободренные близостью Григорьева, стали „гулять“ по ночам.

В номере гостиницы я пережил не одну тревожную ночь, ожидая кровавой расправы бандитов. В тысячу раз лучше быть в бою на фронте, чем сидеть одному в поганом номерке и прислушиваться к каждому подозрительному звуку...

Ночь я проводил без сна, в напряженном нервном состоянии, а днем мой помощник закупал рожь и муку и свозил ко мне в номер. Было уже закуплено 300 пудов, когда он заявил, что отказывается производить дальнейшие закупки. Торговцы, узнав случайно, что хлеб закупается для большевиков и боясь расправы Григорьева, отказались продавать. Мы отправились на станцию, где еле удалось убедить коменданта погрузить хлеб. Наконец, хлеб был погружен, но нам пришлось три дня просидеть на станции, пока нас прицепили к паровозу...

В Одессе за десять дней моего отсутствия многое изменилось. Чувствовалась фронтовая напряженность. В городе было неблагополучно. В связи с попыткой арестовать коменданта города Домбровского восстал отряд чеченцев, его приверженцев, не желавший признавать никого, кроме Домбровского. Коммунистам пришлось его обезоружить.

На Французском бульваре, под влиянием контр-революционного комсостава, нежелавшего выступить на фронт, взбунтовался полк (кажется, 6-й пограничный)...

Через некоторое время ночью вспыхнул бунт мобилизованных на станции. Туда были посланы все политработники Политуправления, но когда мы подошли к станции, то брожение оказалось уже ликвидированным.

Коммунисты напряженно работали и днем и в бессонные ночи... Выбивались из сил... А буржуазия считала дни. Взоры ее были обращены на море в нетерпеливом ожидании.

десанта. По отношению к нам в разных мелочах нагло проявляла свою ненависть.

Деникин, заняв Харьков, быстро двигался к югу... Кольцо вокруг Одессы сжималось все сильнее и сильнее.

15-го июля в Большой Акарже под руководством белых офицеров восстали кулаки — немецкие колонисты¹⁾. Перебив местных спартаковцев и коммунистов, они, вооруженные румынским оружием, двинулись к Одессе. Подошли к Татарке²⁾.

Все одесские коммунисты были мобилизованы. Нас также вызвали в Политуправление.

На фронт выехали: Разумов, Пиковский, Долин, Зислин и Мовшович со своими курсантами³⁾. На следующий день отправился на Татарку и наш отряд.

Двинулись в боевом порядке к Чумной горе. К вечеру подошли к Сухому Лиману. Путь наш лежал по шпалам железнодорожной ветки.

Где наши? Где неприятель? Вечер догорал... Солнце садилось все ниже и ниже, подмигивая кровавым глазом. Облака раскинулись красным флагом. Присели на пять минут. Жадно вдыхаем свежий воздух. Хочется спать. Лечь бы отдохнуть...

— Встать!

От короткого отдыха еще сильнее заныли ноги... Быстро встали, шагаем вперед. Вот и Татарка. Прошли по узким мертвым улицам. В хатах только беднота, да жены и дети кулаков - повстанцев. В деревне не остановились, направляясь к месту расположения штаба — к Малой Акарже. Но по дороге узнали, что Малая Акаржа всего несколько часов как занята красными. Дальше двигаться не имело смысла. Переночевали у еврея - колониста. Утром осмотрели деревню. Воочию убедились, с кем имели дело. Богатые каменные дома, образцовые хозяйства, отборный скот, птица, прекрасные лошади. Все это брошено повстанцами.

Приступили к изъятию кулацких излишков, оставляя лишь все необходимое для хозяйства. В Одессу потянулись стада скота, обозы с хлебом для Красной Армии.

Вечером собрали сход бедноты. Воссоздали советские организации. Часть забранного от кулаков распределили между беднотой. Жизнь быстро наладилась. Стало совсем спокойно.

¹⁾ В харьковской деникинской газете „Родина“ № 34 от 3 августа 1919 г., в заметке о восстании в Акарже сообщалось, что „... к вечеру 15 июля в Большой Акарже образовался штаб обороны, в состав вошли ген. Шел, полковник Гнилорыбов и др. офицеры...“

²⁾ Деревня Татарка находится на расстоянии 5 — 6 верст от Одессы.

³⁾ Мовшович (тов. Владимир), начальник курсов Политуправления Одесского Военного округа. Будучи начальником Политуправления Харьковского Военного округа, убит в 1920 г. бандитами под Кременчугом. Зислин — зав. типографией Политуправления. Во время отступления Южной группы войск заболел тифом, был оставлен в какой-то деревушке и, очевидно, погиб, так как никто из товарищей ничего не знает о его судьбе.

Мы двинулись обратно в Одессу. Здесь попрежнему пахло порохом. Контр-революционные подпольные организации следили за каждым нашим шагом, готовили удар в спину. Контр-революционеры поддерживали непрерывную связь с судами блокады. То и дело из города переправлялись туда разные шпионы.

* *
*

В эти тяжелые дни было проявлено много героизма как целыми воинскими частями, так и отдельными лицами.

Политуправлению было дано срочное секретное поручение связаться с Крымом. Выполнить это задание можно было только одним путем: нужно было пробраться в Крым на шлюпке, перейти через зону блокады под Одессой и умудриться не попасть в руки береговой охраны белых в Крыму. Взялся за это дело тов. Любич. Вместе с еще одним товарищем он переплыл на шлюпке на противоположный берег, чудом избежав когтей контр-разведок. Любич задание выполнил — пробрался в Крым, связался с кем требовалось, но вернуться обратно ему уже не удалось и пришлось остаться в подполье до прихода красных войск...

Или случай с Виктором Конотопом.

Нужно было поручить кому-нибудь провести в пылающем Одесском округе мобилизацию. При создавшемся положении, когда контр-революция со дня на день ждала выступления деникинцев и на местах уже сорганизовала свою подпольную власть, это было делом ответственным и трудным. Нужно было суметь сагитировать, увлечь, зажечь сознательную вражду к белым. Работа эта Окружным Комитетом Обороны была поручена Виктору Конотопу. Ему был дан отряд из 25 человек и оркестр.

Мобилизацию необходимо было провести в Гиндельдорфе (Александровка), Курисово-Покровском, Антоно-Кодинцеве, Севериновке, в Большом Буялыке и в Малом Буялыке.

В Гиндельдорфе контр-революция успела проделать подготовительную работу — немцы-колонисты призывного возраста куда-то исчезли. По полученным сведениям это было делом местного военкома. Пришлось его взять заложником. Это подействовало, и к вечеру все явились. Мобилизация продолжалась два дня, после чего мобилизованные были отправлены в Одессу.

В Курисово-Покровском и Антоно-Кодинцеве мобилизация прошла успешно. На очереди был Буялык. Здесь товарищей, проводивших мобилизацию, крестьяне встретили радушно. Это усыпило настороженность.

Был праздничный день. Красноармейцы разбились на две части: 15 человек поместились в школе, а десять, во главе

с Конотопом, остались в центре Буялыка, напротив церкви. Музыканты, несмотря на приказ не рассыпаться, разбрелись в поисках дешевых продуктов. Вдруг зам. пред. УИК'а Одессы тов. Семирашко, находившийся в этой группе, получил сообщение, что на Буялык наступает под руководством белых офицеров крупная банда. Конотоп бросился со своей частью, чтобы принять меры, но было уже поздно. Банда вошла уже в Буялык и избивала обезоруженную часть красноармейцев, находившихся в школе, и музыкантов, рассыпавшихся по селу.

Под командой Конотопа группа в десять человек заняла позицию и, отстреливаясь пулеметом, отступила к станции. Начальник станции отказался помочь отряду, боясь расправы бандитов. Его арестовали. Связались с Сербкой, но она оказалась занятой бандой. Тогда о налете банды сообщили в Одессу, откуда сейчас же был выслан бронепоезд. Отряд под обстрелом бандитов отступил на дрезине на станцию Кремидовка. Красноармейцы и пулемет были спасены. Отряд в 10 человек, благодаря умелому руководству, выдержал нападение банды, в которой, как потом передавали, была тысяча штыков...

А как не вспомнить энергичных работников Политуправления — нач. Агитпропа Асю (Мария Рабинович) и ее помощника Самуила (Семен Держ). Они самоотверженно брались за самую опасную работу и сгорели в огне революции.

Помню, как горячо защищал Самуил организацию полка „Мишки - Японца“. Он глубоко верил, что революция может переродить всех, кто вышел из пролетарской семьи. Он не допускал мысли, что люди эти навсегда погибли для полезной общественной работы. Он ушел на фронт военкомом полка „Мишки - Японца“, потом остался работать в подполье в Одессе, где его хорошо знали, и погиб мучительной смертью в контр-разведке.

Во время допроса его пытали и свернули голову, сломав шейный позвонок.

Ася уехала в Харьков, осталась для подпольной работы и при провале подпольного Ревкома попала в контр-разведку, где погибла после жестоких мучений...

НА ФРОНТ

Начальник Политуправления А. Разумов предложил мне ехать с ним на фронт. Поехали т. т. Разумов, Пиковский, я и часть товарищей в качестве пополнения для армии. Отправился эшелон в три вагона. На станции была мертвая тишина. На платформах, кроме нас, ни одного человека. Кроме наших трех вагонов с паровозом — ни одного вагона, ни одного паровоза. Тишина, как на кладбище...

Паровоз двинулся черепашью шагом. Тянул нас еле-еле мимо притаившихся хуторов и деревень, где два-три дня тому назад красные усмиряли кулаческие восстания.

Утром, под'езжая к Колосовке, недалеко от полотна железной дороги, мы увидели труп, весь исколотый вилами. Это был по всем признакам красноармеец-разведчик, с которым расправились кулаки...

Следующую ночь мы уже провели в штабе, который двигался вслед за воинской частью. Вернее это был не штаб, а командир с сотрудниками в нескольких вагонах, так как фронт был по линии железной дороги. С фронта доносились тревожные вести. Одесская часть войск дралась во-всю, но крестьянская часть, мобилизованная, не хотела уходить далеко от своих родных мест и при первой возможности разбегалась. Все же мы двигались вперед.

Помню стоянку в Вознесенске.

Вознесенск больше других местностей пострадал от восстания. Здесь кулаки захватили много красноармейцев и работников. Томили в вонючих сараях, а по ночам выводили и убивали навозными вилами. На трупах было по несколько колотых ран, число которых доходило до восемнадцати...

Вслед за нами приехали из Одессы родные погибших. Жутко было слушать их рассказы об издевательствах над их близкими, о которых они узнали от очевидцев. Росло желание отомстить падачам, которые убивали даже за то, что находили на фуражке след от красноармейской звезды...

В Вознесенске мы простояли несколько дней. В этом городке было тревожно. Положение на фронте значительно изменилось к худшему. Если до Вознесенска мы имели дело хотя с многочисленными, но слабо организованными повстанцами, то впереди нас уже ждали банды Махно и Деникина. Махно находился в районе Помощной, а Деникин двигался к Ново-Украинке. Думали, что нам придется только очистить путь на Киев, а вышло иначе,— предстояли бои с таким головорезом, как Махно, и с регулярными войсками Деникина.

Разумов и Пиковский вернулись в Одессу, а я пожелал остаться в отряде. Разумов не возражал, так как уже было все равно, где оставаться. У нас была одна, наиболее вероятная перспектива — смерть.

На второй или третий день после занятия Вознесенска нас нагнала отставшая николаевско-херсонская группа, пропавшая через Колосовку. От них мы узнали, что наши усилия были напрасны — только что очищенные от бандитов местности сейчас же вслед за нами вновь наводнялись бандами. Николаевско-херсонская группа состояла из трех отрядов: матросов, спартаковцев и политработников. Народ был живой и полный стремления поскорее пробиться на Киев. В этот же вечер они двинулись вперед. Знали, что дорог каждый час...

ПОД ПОМОЩНОЙ

Вскоре наша группа — человек десять политработников, двинулась подвой на фронт, чтобы участвовать в бою за Помощную.

Долго тряслись на крестьянской телеге под палящими лучами солнца. Как на зло солнце днем палило во всю, а ночи были холодные... Но вот впереди мы увидели воинскую часть... Развевающееся над ней черное знамя было неприятным сюрпризом... Но было уже поздно — ничего не поделаешь. Однако, когда мы подехали ближе, оказалось, что это группа разведчиков отряда спартаковцев. Флаг был красный, но на солнце казался черным. Наша подвода присоединилась к подводам спартаковцев. Мы были на передовых позициях. Прошли село с большой свежей братской могилой в центре.. Здесь недавно был бой...

В следующую деревню мы вошли уже стройными рядами с революционными песнями. Здесь накормили лошадей и отдохнули, а к вечеру тронулись в поле на ночлег. В поле безопаснее.

По дороге нас нагнал мотоцикл Анулова. Он отдал распоряжение во что бы то ни стало завтра утром выбить Махно из Помощной.

Ночь была холодная и отдохнуть почти не удалось. А утром пришлось поспешить, так как на правом фланге уже завязался бой. Со стороны Помощной слышалась артиллерийская стрельба. Это обстреливали Махно.

На подводе отправились к месту действий. Вот уже видно, как ложатся снаряды, поднимая столбы пыли. Наш подводчик, молодой парень лет пятнадцати, крестится и плачет...

Бросаем подводы, строимся и разворачиваемся цепью. Но распоряжения двигаться дальше нет. Нам, красноармейцам, это непонятно, тем более, что мы знаем, что с правого фланга Красный батальон уже должен был вступить в бой. Ждем...

Вдруг видим — к нашим приближаются два конных с белым флагом.

Оказалось, что Махно вчера был выбит из Помощной киевскими курсантами во главе с тов. Затонским. Какая была радость, когда наши тачанки у железнодорожного проезда под самой Помощной встретились с красными курсантами... Крепко целовались...

На следующий день за нашими поясами уже красовались подарки тов. Затонского — немецкие гранаты и „лимонки“. Наш разведчик, тов. Ломакин, отправившийся предварительно в Помощную, оказал нам неоценимую услугу. Что было бы, если бы мы и части тов. Затонского не были бы осведомлены о приближении друг друга!.. Не мало крови пролилось бы под Помощной в братском бою...

* *
* *
* *

Днем в Помощной была слышна сильная артиллерийская стрельба. Это наши дрались с деникинцами под Ново-Украинкой. Через часика два наш броневик привез 35 пленных. Среди них было 2 офицера...

К вечеру я уже был в Красном батальоне, который был расположен вправо от станции, между леском и болотом. Позиция была довольно удобная. Мы заняли линию, по которой ожидали появления Махно.

Ночью наш взвод послали на прикрытие артиллерии. Часть нас расположилась на траве, шагах в шестистах от наших частей, а секрет выступил шагов на двести вперед.

Ночью мне тоже пришлось попасть в секрет. Отлежали мы свое время, а смены нет. Что случилось? Стали мы делать разные предположения... Наконец, мой товарищ по секрету не вытерпел и предложил мне пойти узнать в чем дело...

Крадучись двинулся я по направлению к нашим... Ночь была исключительно темная. Иду, иду, но никого не вижу. Что такое? Изменил направление, почувствовал, что запутался во мраке... Вдруг слышу: „стой“!

Обрадовался я — нашел своих. Стал спрашивать, почему не сменяют. В ответ у меня строго потребовали пропуск и приказали не двигаться с места. Дело не ладно — очевидно, не свои. Сделал шаг назад, думал удастся нырнуть в темноту. Но не тут-то было — два штыка коснулись моей гимнастерки. Ни с места. Меня обезоружили. Стали допрашивать, кто такой. Не зная, с кем имею дело, я долго путал ответы... Наконец, сказал, что из Красного батальона. Оказалось, что я наскочил на наше соседнее прикрытие. Узнал дорогу и вернулся в свою часть...

В ОТРЯДЕ ТОВ. КАПЛЕНКО

Мы ожидали стычки с Махно. Банды его могли появиться каждую минуту... Меня вызвали в Политотдел и приказали в тот же вечер отправиться с отрядом тов. Капленко в Одессу.

Цель посылки отряда мне не была известна, но мне предстояло отвезти в Политуправление секретное письмо и напечатать там воззвание к махновцам. Шапиро, увидев, как я обвешан гранатами, приказал их оставить в Политотделе, так как в ручной бой нашему отряду вряд ли придется вступать, а для боя вообще в отряде есть оружие. Пришлось мне остаться с карабином.

К ночи мы выехали. Настроение было подавленное. Ехали по территории, наводненной махновскими бандами. Ждали, что вот-вот наш состав полетит под откос... Я заснул тяжелым сном. Проснулся, когда поезд остановился в Людмиловке.

На станции было пусто. Комендант бежал, из служащих тоже никого не было. А нужно было выяснить, свободен ли впереди путь. Комсостав суетился на станции, а утомленные красноармейцы дремали, не выпуская из рук винтовок.

Восход солнца заставил всех встрепенуться. Глядя в даль, мы видели, как на горизонте, то появлялись, то исчезали конные разведки... Чего ждет наш комсостав? Наконец, получили приказ развернуться фронтом по правой стороне станции по направлению к Одессе.

Вдали показалась конная разведка. Доложили куда следует... Два-три часа простояли возле станции. Потом нам приказали снова вернуться в вагоны, и поезд двинулся. Настроение совсем упало. Никто не мог понять, что случилось. Ведь мы должны были идти на Одессу. И если командование, нуждаясь в каждом бойце, отправило отряд в Одессу, значит и там положение тяжелое, нужна помощь...

По вагонам пошел слух, что мы соединились с Махно и вместе будем бить Деникина... Нас удивляла вялость комсостава, который не информировал нас о положении...

Поезд двигался дальше. Вдруг вдали показался обоз, которому не видно было конца. Стало ясно, что мы в лапах Махно. Красноармейцы начали уничтожать документы... Было жутко при мысли о возможной близкой расправе с нами, о гибели не в бою, а как на бойне... А умирать так не хотелось, хотелось знать, чем кончится развернувшаяся жестокая классовая борьба...

Вдруг поезд остановился, и к вагонам подскочило несколько махновцев в матросской форме.

— Не сопротивляться, а то всех перережем!

Никто и не взялся за оружие, видя, что это бесполезно. Мы были в ловушке и окружены армией, в сотни раз превышающей наши силы... Кроме того, подействовали слухи, что мы присоединились к Махно и с ним вместе пойдем против Деникина...

— Не выходить из вагонов!

Махновцы, обходя вагоны, собирали наши звездочки в фуражку, а потом приказали, оставив оружие, выйти из вагонов. Ошеломленных красноармейцев построили в два ряда.

Подъехал махновский командир, прищурившись осмотрел нас и стал держать речь, в которой заявил, что большевики ушли из Украины, а батько Махно будет драться с генералом Деникиным, что им известны все коммунисты нашего отряда, но что они тоже могут пойти с махновцами против генерала, потому что он наш общий враг... Кто хочет, пусть идет во второй повстанческий полк бить генералов, офицеров и толстопузых, а кто не хочет — на все четыре стороны. Речь свою махновский командир закончил крепкой бранью и возгласом: „да здравствует батько Махно!“

После этого нас заставили разгрузить эшелон на подводы. Ко мне подошел оборванный махновец и, поиздевавшись над мною, угрожающим тоном предложил „поменяться“ одеждой... Пришлось „согласиться“ и в отрепьи, вместе с другими товарищами, я пешком двинулся за махновскими тачанками в сторону Помощной.

Вскоре нас нагнала черная карета. В ней я увидел среднего роста мужчину, рядом с которым сидела крупная женщина, читавшая книгу... Мы поняли, что это сам Махно.

Идти было страшно тяжело, горела голова, мучили голод и жажда. Но вот показались наши броневики и другая толпа пленных. С броневиков махновцы снимали орудия и портили их. В толпе пленных старые знакомые — все из нашего отряда. Мы узнали, что наш штаб тоже в плену, и стало понятно все, что раньше вызывало недоумение. Вот чем об'яснялась наша обратная поездка в Помощную...

Теперь мы поняли, что среди бывших товарищей по части были и махновцы, которые в свое время являлись в Политотдел и заявляли, что они политработники Н-ской части, бежавшие от маховского плена, где уничтожили свои документы.

„Поезд, поезд бронированный, наш батько Махно заколдованный“... — распевали маховский „гимн“ разные молодчики. А вдали маховская музыка ухарски играла „яблочко“...

Встретив тов. Яковлева и посоветовавшись с ним, мы решили бежать. Кроме нас двоих, решились на побег еще четверо. В том числе одна политработница, сестра Красного батальона. Старик, старый солдат, взялся руководить нами и стал давать уроки, как надо ориентироваться ночью по звездам, чтобы не сбиться с пути на Бирзулу, где находилась 45-я дивизия.

Сговорились, что, когда нас поведут дальше, мы в удобном месте, где имеется возможность скрыться, отстанем, пождем, пока проедут махновцы, и дадим тягу...

БЕГСТВО ИЗ ПЛЕНА

Так и поступили... По дороге к Черному бору мы бросились бежать. Бежали мы долго и быстро, бежали до пены у рта, выбиваясь из сил... Наш вожатый-старик все время твердил: „Товарищи, еще парочку верст отбежим... А то, если там заметили, что мы бежали, то еще головорезов вышлют в догонку“...

И мы бежали, оглядываясь, нет ли погони.

Вдруг слышим — едут...

Спрятались в ободранный подсолнух... Но оказалось, что это мальчуганы из соседнего села... Наш старик расспросил их, где мы находимся.

Пошли дальше, рассчитав, что до Бирзулы еще верст сто двадцать. Нам нужно пройти их максимум за трое суток. Время тяжелое, кто знает, задержится ли 45-я дивизия в этом районе надолго, а может, быть, она уже ушла дальше, на Киев. Решили держаться ближе к железной дороге, чтобы не пропустить отступающих на Киев.

Идти было очень тяжело, ноги натерли до ран, грыз голод, мучила жажда... Ночевали зарывшись в стогах сена. От холода и сырости мучительно ныло тело, болела голова... Было ясно, что, если придется пережить еще три-четыре таких дня,— не все дойдем до Красной армии.

Ночью совещались шопотом, строя предположения о месте нахождения армий. А армий в этом районе было много. Повстанческие, Махно, Петлюры и Красные. К кому мы попадем?

Утром, когда стало светать, поспелись дальше...

Наконец, к нашей радости, мы увидели перед собою полотно железной дороги. Кругом—ни души. Недалеко от дороги заметили колодец, а немного подальше маленький хутор. Не думая больше об опасности, направились к колодцу и с наслаждением стали пить из корыта, из которого поят скот... Женщины с хутора заметили нас и вынесли хлеб и молоко. Крестьяне оказались очень добрыми. Накормили, дали хлеба и молока на дорогу и от денег отказались. Пока мы утоляли голод, к нам подошли еще три товарища, тоже бежавшие от Махно. Стало веселее... Узнали, что Красная армия уже недалеко от нас— в Ольвиополе. Наш путь сокращался верст на шестьдесят. Через несколько часов будем у наших...

Вот показалось здание какой-то станции. Выслали туда нашего старика узнать, кто там и как обстоит дело. Старик вскоре явился обратно с докладом. На станции он нашел только несколько наших товарищей, бежавших от Махно. Мы присоединились к ним.

К станции начали со всех сторон стекаться беглецы, коммунисты. Собралось нас человек двадцать пять. Разыскали телеграфиста, заставили связаться с нашей 45-й дивизией, откуда нам обещали выслать навстречу броневик. К станции продолжали подходить бежавшие из махновского плена. Рассказывали, что на первой стоянке махновцы отобрали надежных, по их мнению, красноармейцев и, вооружив, влили в свою армию, а политработников и курсантов арестовали и заперли в сараях...

Вскоре появился броневик. Постояли еще час на станции, ожидая, не подойдут ли еще наши. Никого не было, и броневик, подобрав нас, двинулся по направлению к расположениям красных войск. Было это 25 августа.

Радость наша была омрачена информацией о положении 45-й дивизии и о том, что 23 августа сдана Одесса. В Ольвиополе мы обратились за документами к коменданту. Он предложил нам ехать в Бирзулу и явиться в штаб.

Ночью первым отходящим товарным поездом поехали в Бирзулу, жестоко страдая от холода.

Отогрелись в грязном вокзале. Потом я разыскал наше отступившее политуправление... Товарищи рассказали о трагической гибели Вольчегурского, убитого накануне на хуторах во время мобилизации лошадей... Положение 45-й дивизии было также тяжелое. Киев обещал по радио помощь, советуя пока держаться до прибытия подкрепления, но до тех пор нас мог разбить Деникин...

Велись переговоры с Махно, чтобы он нас пропустил через Помощную, но он требовал сдачи оружия... Вступить с ним в бой — это значило обескровить наши силы... Нужно было прорываться...

К этому времени я заболел. Еле держался на ногах Разумов, видя мое состояние, предложил мне остаться где-нибудь для подпольной работы...

Таня, Ориент и Яковлев-Маранц согласились остаться со мною. Решили, как только наши отойдут, замаскироваться торговцами и начать подпольную работу. Намерение в условиях какого-нибудь местечка, где все знают друг друга, очень смелое и мало осуществимое. Местом нашего пристанища мы выбрали Балту. Изменили, насколько могли, свою наружность. От Разумова на первое время получили 6.000 рублей.

В ПОДПОЛЬИ В БАЛТЕ

Наняв подводу, мы выехали в Балту. Верст пятнадцать проехали благополучно... Вдруг мы услышали отчаянные крики. Навстречу бежал окровавленный человек крича: „Вернитесь, там Заболотный избивает“... Рассказал он нам, что его избili, двух его товарищей повели в овраг убивать, а он еле спасся...

Вооружившись, мы двинулись дальше.

Благополучно доехали до Балты, где скоро нашли квартиру. В этом городишке за короткий период Заболотный три раза грабил и вырезывал еврейское население. Оставшиеся в живых голодали...

Мы устроились у торговца. Сочинили историю, что мы крупные торговцы, попали в беду, товары и документы у нас отобрали большевики, но деньги есть и мы думаем после ухода большевиков начать здесь торговать.

Хозяин нашей квартиры оказался порядочным авантюристом и вместе с нами строил планы будущих торговых операций...

Вскоре в Балту вошла вся дивизия, отступавшая пешим порядком на Умань. Ночью мы слышали, как наши взрывали на станции снаряды и вагоны со снаряжением.

Наши части уходили из Балты... Кто войдет после красных? Приближались белые, желтые, черные... Кто будет пер-

вым? Мои три товарища, поняв абсурдность нашего предприятия, поспешили уйти с последним отрядом... Вечером я в последний раз услышал интернационал, который пели уходящие войска. Стало тяжело и жутко... Я остался во власти контр-разведок, бандитов, в городишке, где каждый житель знает всех остальных...

Но состояние здоровья было плохо, пешком в походе я не прошел бы и двадцати верст... Все-равно мне пришлось бы отстать в каком-нибудь селе...

Первые сутки город был без власти. Ожидали четвертого погрома. Заболотный находился недалеко от города... Утром он вошел в город. Жители спрятались в погреба.

Вслед за Заболотным вошли петлюровцы... Первое, чем ознаменовался их приход, была расправа над двумя отставшими от Красной армии китайцами. Их вытащили в одном белье из больницы, погнали на базарную площадь и расстреляли. Начались облавы и аресты. Когда зашли к нам, я спал... Мой болезненный вид дал возможность хозяину убедить петлюровцев, что я его племянник, больной тифом. Я действительно был болен. Днем еле передвигался по комнате, а ночью бредил и кричал, выдавая себя, к большой тревоге моих хозяев. Хозяйка ухаживала за мной, жалела, вспоминая своего сына, которого сама послала в Красную армию, боясь, что в Балте бандиты растерзают его на ее глазах. По ночам она сидела возле моей кровати и, проливая слезы, рассказывала об ужасах пережитых погромов...

По ночам никто не спал. Прислушивались к каждому звуку, бросаясь в ужасе при малейшем шуме к наблюдательному пункту — к дыре, вырезанной в ставне окна...

Появились петлюровские газеты... Я прочел сообщение, что Киев взят петлюровцами. В сообщении хвастливо описывалось, как избивали отдельных запоздавших отступить коммунистов... Через несколько дней привели пленных из Южной группы войск.

Вскоре появилось воззвание Петлюры к евреям, в котором заявлялось, что погромы это провокация „грабителей-коммунистов“, которые ближе Деникину, так как они тоже „москали“, и еврейская молодежь призывалась в ряды петлюровской армии, так как у угнетенных „москалями“ евреев и украинцев общие интересы борьбы с Деникиным... Некоторые сионисты поддались на эту удочку и пошли к петлюровцам.

Город готовился к приезду Петлюры. Вскоре он прибыл в Балту и выступил на митинге. Петлюру окружали заболотновцы, они же поддерживали порядок на митинге... И в то время, когда Петлюра говорил о равенстве и братстве, о свободных национальных республиках, о „царском гнете и большевистских издевательствах“ над украинской и еврейской национальностями, о своей любви и уважении к отдельным

национальностям, еврейские женщины падали в обморок, узнавая в толпе его приспешников палачей — убийц их близких...

Но Петлюра недолго пробыл в Балте. Деникин подходил все ближе... Заболотный еще некоторое время оставался в городе. Этот плечистый, низкого роста, здоровый бандит в офицерских погонах бодро расхаживал среди хат, из которых неслись проклятия за отнятые им жизни, расхаживал, как мясник среди стада, чувствуя себя хозяином города.

В городе стало беспокойно. Фронт приближался.

Вскоре в Балте уже стала слышна стрельба. Три дня петлюровцы непрерывно дрались с деникинцами за городом, а на четвертый день, отстреливаясь, сдали Балту. Вошли белые. Сейчас же белым командованием был расклеен приказ о сдаче оружия под страхом смерти... Опять начались обыски и аресты... Теперь арестовывали и петлюровцев и большевиков и отдавали их в распоряжение контр-разведки, которая помещалась на станции. Я понял, что дальше без документов опасно оставаться и решил во что бы то ни стало их добыть. В это время „сливки города“ — еврейская буржуазия — собирали лепту господину генералу — хозяину города, так как в Балту доносились слухи из соседних местностей о том, что на улицах ловят еврейскую молодежь и вешают на фонарных столбах. Я тоже кое-что „пожертвовал“, а кроме этого „помолился“ на виду у всех в синагоге и, таким образом, заработал семь подписей местных жителей, нужных для получения документа. Мне удалось достать „самый настоящий“ документ с деникинской печатью, согласно которому пришлось переименоваться в Хаима Абрамовича Баскина 16 лет (мне в то время было 19 лет). С документом я стал смелее, попробовал было завести кое-какие знакомства, но скоро узнал, что в городе по рассказам каких-то одесситов известно, что я коммунист и отстал от Красной армии.

В БЕЛОЙ ОДЕССЕ И ХАРЬКОВЕ

Тогда я решил удрать из Балты, пока не поздно. Но куда? Удобнее всего было в Одессу. Ехать поездом было невозможно, так как по линии Балта-Бирзула свирепствовала „на колесах“ контр-разведка, вылавливавшая отставших красноармейцев и коммунистов. Взял котомку на плечи и пошел... Встретился с деникинским отрядом, притворился деревенским дурачком, и меня не тронули. Через некоторое время встретил крестьянскую подводку. Крестьяне подвезли меня к Бирзуле, рассказывая по дороге о зверствах и насилиях, чинимых белыми...

Не доезжая до Бирзулы, пришлось оставить подводку и пойти пешком...

В Бирзулу пришел вечером. Случайно на базаре встретился с каким-то бродягой, который рассказал мне, что здесь имеется ночлежка, но в ней довольно беспокойно, по ночам контр-разведчики уводят по несколько человек... Решил искать ночлега в частном доме. Зашел в первый попавшийся еврейский дом. После долгих объяснений с хозяевами квартиры меня накормили и достали мне железнодорожный билет в Одессу.

Когда поезд подошел к Одессе, его окружили контр-разведчики, согнали нас в толпу, пропуская поодиночке через узкий проход, где офицеры проверяли документы и сортировали приехавших — кого в город на свободу, а кого в контр-разведку... Дошла очередь и до меня... Я почувствовал, что бледнею от волнения... Вот уже волчьи глаза контр-разведчика впились в лицо... Начался беглый допрос — фамилия, имя, зачем приехал... Отпустили. Пошел я разыскивать знакомых. В одной знакомой семье нашел приют и отдохнул некоторое время. Никого из товарищей в Одессе не встретил и решил пробираться к красным. Несмотря на уговоры знакомых, которые считали мой план безумием, потому что евреев деникинцы выбрасывали из вагонов, я выехал из Одессы.

До Ново-Украинки все шло гладко. Но в Ново-Украинке на станции меня предупредили, что Знаменку редко кому из евреев удастся проехать... И действительно, ночью в Знаменке зашел к нам казак и выкрикнул:

— Иерусалимские граждане, прошу встать.

Кто-то ответил, что „иерусалимских граждан“ в этом вагоне не имеется, публика стала возмущаться, что не дают спать, и казак ушел.

На утро в вагоне начались рассказы о „жидовских проделках“, о погромах...

Я, сжившись, лежал в углу вагона, ожидая, что эти разговоры кончатся тем, что меня на ходу выбросят под откос. Но на меня не обратили внимания... На Водяной сняли одного мужчину в папаше, которого кто-то узнал и выдал, как большевика...

Я благополучно доехал до Харькова. В Харькове я зашел к отцу моего товарища, старику Вольчегурскому, члену партии, который при отступлении красных остался в Харькове, так как был болен. Он имел связь с подпольной организацией, и я попросил его, чтобы он и меня связал. Он сказал, что это сделать трудно, так как все очень осторожны после последних двух провалов. Полагают, что причина последнего провала — провокатор, недавно принятый в организацию. Вольчегурский сказал мне, где иногда встречаются товарищи, и я попытался туда пойти. Не помню сейчас точно, где это было, кажется, в клубе бундовцев... Но я никого из знакомых не встретил. А дней через десять началось стремительное отступление белых. Была объявлена мобилизация. Мужское население

перешло на жительство в погреба и на чердаки. Мне пришлось переменить квартиру, так как на прежней моей квартире уже было несколько обысков... Начались массовые облавы, аресты и избиения.

* * *

После вступления красных войск я несколько месяцев проработал в 14-й армии, потом я поехал в Одессу на должность военкома 22 авто-отряда. Думал найти там хоть часть прежних товарищей, но никого из них не нашел. Многих не было в живых, остальные рассеялись по Советскому Союзу... Одесса напоминала о товарищах, с которыми пришлось пережить самые бурные дни жизни, с которыми делил все невзгоды, с которыми был связан узами самой искренней дружбы...

Героический 1919 год оставил самые светлые воспоминания. Хотя и тяжело нам приходилось порою, но в тесной товарищеской среде, в атмосфере горячей, дружной работы не трудно было переносить самые большие лишения...

Восемь лет нас отделяют от этого славного времени...

Многие моменты борьбы и работы уже ушли из памяти. Все, что еще живо в памяти о 1919 годе, я постарался дать в этих воспоминаниях.

„ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РЕСПУБЛИКА“ И ЕЕ ГЕРОЙ ХРУСТАЛЕВ-НОСАРЬ

В мае и июне 1917 года в революционной России обнаруживается новое явление. В газетах появились сведения о том, что в целом ряде мест, по преимуществу в глухих уездных городишках, а иногда и в отдельных волостях, местные революционные власти или организации провозглашают самостоятельные республики и объявляют о своем отложении от остальной России. На протяжении каких-нибудь двух недель возникают Переяславская, Херсонская, Святогорская (Изюмск. уезд, Харьк. губ.) и Кирсановская (Тамбовск. губ.) „республики“. В отношении некоторых из них довольно скоро выясняется, что ни „республики“, ни чего-либо хоть немного похожего на республику не было, а было лишь острое столкновение различных местных организаций и лиц, которое в глазах перепуганного мещанства возросло до размеров мирового конфликта. В другом случае (Херсон) оказывается, что местный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов вынес резолюцию о недоверии Временному Правительству. Резолюцию эту Совет на следующий день отменяет, но история раздувается буржуазной прессой и рекламируется, как объявление республики, государственная измена, контр-революция и проч. и проч.

Во всех этих сравнительно мелких и разнородных провинциальных эпизодах есть, однако, нечто общее. Все они, вне зависимости от их конкретного содержания, являются предвестниками тех центробежных сил, того лозунга — „вся власть местам“, который свое наиболее полное и отчетливое осуществление получил только в 1918 и 1919 годах, когда какая-нибудь „Гуляйпольская республика“ со столицей в „Махнограде“ представляла вполне реальное самостоятельное „государственное“ образование. В самом термине „республика“, так комично звучащем в соединении, например, со словами „Святые горы“, может быть, можно установить психологическую приемственную связь в сознании буржуазии с республиками 1905 г., хотя бы даже с пресловутой Люботинской республикой с будущим денкинцем Кирстой во главе. Мы говорим о „сознании“ буржуазии потому, что, насколько нам известно, ни одна из

перечисленных выше „республик“ сама себя республикой не считала и так не называла. Термин этот щедро раздавала налево и направо буржуазная пресса, которую и нужно считать истинным творцом всех этих „республик“. Буржуазия использовала их, как удобнейший предлог для того, чтобы поднять крик о необходимости уничтожить двоевластие (Временное Правительство и Советы), о распаде России и грядущей неминуемой гибели страны, если ей, буржуазии, не будет вручена вся полнота власти для наведения порядка.

Мелкобуржуазные социалисты, стоявшие у власти летом 1917 г., охотно вторили этому крику, видя в мифических „республиках“ нарушение принципов демократии и народовластия.

Как мы уже отметили, все эти „республики“ были довольно эфемерными созданиями. Достаточно было пройти одной-двум неделям, как „собственные республиканские корреспонденты“ сообщали, что „слухи оказались сильно преувеличенными“ (Херсон), или что „по постановлению волостного схода (!) республика ликвидирована“ („Святые горы“). Из всех „республик“ только две сравнительно долгое время, в течение нескольких месяцев, привлекали к себе всеобщее внимание. Это — Кронштадтская и Переяславская „республики“.

„Кронштадтская республика“ не позволяла забывать о себе прежде всего потому, что она территориально находилась у самого сердца революции — Петрограда. Во-вторых, Кронштадтская „республика“ единственная из всех республик лета 1917 года, которая действительно имела известное право на это название и притом даже с добавлением слова „советская“¹⁾. Кронштадтский Совет рабочих и Солдатских Депутатов 27 мая объявил себя „единственной властью в гор. Кронштадте“. И, наконец, в третьих — сконцентрированные в Кронштадте революционные матросские массы представляли собой слишком опасный горячий и взрывчатый материал для того, чтобы Временное Правительство могло спокойно относиться к кронштадтским событиям²⁾.

„Переяславская республика“ — эпизод совершенно иного порядка. Его практическое значение в 1917 году было совершенно ничтожно. Но тем не менее история „Переяславской республики“ представляет значительный интерес. Если Кронштадт был явлением исключительным и во многих отношениях единственным, то, напротив, социальную борьбу и соотношение классовых сил, которые имели место в 1917 г. в Переяславе и уже в мае привели к острым столкновениям, можно считать типичными для целого ряда крестьянских районов Украины.

¹⁾ Такая же действительно советская республика возникла весной 1917 г. еще и в г. Канске, Енисейск. губ. — Р е д.

²⁾ См. статью И. Флеровского „Кронштадтская Республика“. „Пролетарская Революция“ 1926 г. №№ 11 и 12, а также В. И. Ленина „Один принципиальный вопрос“. — С. Р.

Кроме того, революционно-бытовая обстановка переяславских „событий“ достаточно любопытна, чтобы остановиться на ней более подробно. В ней, как в кривом зеркале, утрированно и конденсированно, хотя, быть может, и несколько искаженно, отразился типичный провинциальный революционный быт лета 1917 года, с его пышной революционной фразой, склонностью к красивой позе и бесконечным заседаниям и митингам.

ПЕРЕЯСЛАВЩИНА

Переяславский уезд принадлежал к числу довольно богатых уездов Полтавской губернии и обладал большими избытками хлеба. Крестьянство в уезде сравнительно зажиточное, и процент безземельных хозяйств ниже среднего по губернии (3,7% против 4,8% в губернии и 7% в Кременчугском уезде). В уезде было довольно большое количество частновладельческих и, в частности, дворянских земель. Последние составляли 19% всего земельного фонда и в первый период крестьянской революции являлись предметом страстных вожделений крестьянства.

Город Переяслав больше известен своим историческим прошлым, в особенности знаменитой „Переяславскою умовою“, 1654 г., отдавшей Украину под власть московских царей, чем своим весьма скромным настоящим. Это — глухой провинциальный городок, который, несмотря на два средних учебных заведения, по всему своему укладу жизни уступал многим большим торговым украинским селам и совершенно тонул, как по количеству населения, так и по своему экономическому значению, в окружающем его крестьянском море. Из 220 тысяч населения уезда в городе жило всего около 18 тысяч человек, т.-е. не более 8%. О промышленности и промышленном пролетариате Переяслава и уезда много говорить не приходится. Во всем уезде имелись один сахарный и один винокуренный заводы, одна типография, несколько небольших паровых мельниц да мелкие кирпичные заводы. В национальном отношении Переяславский уезд представлял однородную украинскую массу (на селе 97% украинцев по языку) с вкрапленным по городам и местечкам еврейским и русским (по языку) населением, соответственно составлявшим 29,3 и 11,4% всего городского населения. Евреи были по преимуществу торговцами, а русские представлялись, главным образом, помещиками, уездной администрацией и служилой интеллигенцией¹⁾.

Как видим, Переяслав мало чем отличался от десятка других уездных городов Украины. Только в силу „субъективных

¹⁾ Статистические данные взяты из ежегодника Полтавского Губ. Земства за 1913 г. — С. Р.

исторических факторов“ все те явления, которые в других аналогичных местах к лету 1917 года находились еще в зачаточном состоянии, в Переяславе уже в мае привели к чрезвычайно резкому столкновению между пока еще не расслонившимся крестьянством, с одной стороны, и мелкобуржуазной демократией и рабочим классом — с другой. Конфликт закончился победой крестьянства — финал вполне типичный для первого периода революции на Украине. Для участников и свидетелей столкновения весь переяславский конфликт представлялся „личной авантюрой“ (слова передовика „Киевской Мысли“), в котором решающее и единственное значение имели персональные свойства переяславских „вождей“. Глубокие социальные корни, лежавшие в основе столкновения, обнажились только к сентябрю - октябрю.

Г. С. ХРУСТАЛЕВ - НОСАРЬ

Роль „субъективно исторического фактора“ в „Переяславской республике“ сыграл Георгий Степанович Носарь, тот самый Хрусталеv - Носарь, имя которого получило широчайшую известность в 1905 году, когда он волей революционной случайности оказался „главой“ первого правительства революции — председателем Петербургского Совета Рабочих Депутатов. Без Носаря не было бы „Переяславской республики“. Только благодаря Носарю события, происходившие в Переяславском уезде, приобрели на несколько дней особую, всероссийскую злободневность и политическую пикантность. И сейчас, в исторической перспективе, „Переяславская республика“ неотделима от траги-комической фигуры ее „вождя“ — Носаря. Поэтому нам придется здесь в нескольких словах напомнить читателю основные моменты его биографии¹⁾.

По происхождению Носарь — сын крестьянина Переяславского уезда. „В моих жилах течет запорожская казацкая кровь“, говорил он сам о себе. Его предки были закрепощены Екатериной II. Сам Носарь по профессии ремесленник и только в довольно зрелые годы взялся за учебу. Преодолев много препятствий, он оканчивает юридический факультет.

В 1905 году он — скромный, беспартийный, либерально-настроенный помощник присяжного поверенного. После удач-

¹⁾ Более подробно о Носаре см. прекрасную статью Д. Сверчкова в „Красной Нови“ кн. 3 и 4 за 1924 г., а также статью В. Канторовича в „Былом“ за 1925 г., № 4 (32). Обе эти статьи специально посвящены Хрусталеvu - Носарю и подробно рассказывают о его роли в 1905 году и о судьбе в годы реакции. В обеих статьях вскользь упоминается и о создании Носарем в 1917 г. „Переяславской республики“. Однако и эти краткие упоминания содержат в себе значительные неточности, так как авторы названных статей не располагали почти никакими фактическими материалами о Носаре в 1917 г. — С. Р.

ной речи на рабочем собрании его избирают в Петербургский Совет Рабочих Депутатов. Там, на втором заседании, его выбирают, главным образом, за беспартийность, председателем Совета. Благодаря этому имя Хрусталева - Носаря в ноябре 1905 г. приобретает колоссальную популярность. „Без самостоятельной точки зрения, без социалистического образования, довольно посредственный оратор, Хрусталеv проявил большую энергию, находчивость и практический смысл“, — рассказывает о нем Л. Д. Троцкий. „Хрусталеv покорно шел навстречу всем предложениям, вносившимся представителями социал - демократии, а вскоре, считаясь с ее растущим влиянием в Совете, и сам объявил себя социал - демократом. Хрусталеv светил двойным светом — партии и массы. Но и тот, и другой свет был отраженным, т.-е. чужим. Собственный рост Хрусталева совершенно не соответствует той внешней роли, которую ему пришлось сыграть, ни, еще менее, той легендарной популярности, которую ему доставила буржуазная пресса“. („Луч“ № 67, 21/III 1913 г.).

Когда революция пошла на убыль и царское правительство почувствовало себя в силах ликвидировать Петербургский Совет, Хрусталеv был арестован первым. Сразу же после ареста он проявил большое малодушие и даже „признаки раскаяния“. Он рассказал следственным властям больше, чем нужно. На суде, под давлением остальных членов Исполнительного Комитета Совета, Хрусталеv держал себя с достоинством, объясняя свое поведение на предварительном следствии „нервным состоянием“. Суд приговорил его к пожизненной ссылке на поселение. Через некоторое время Хрусталеv бежал из ссылки, проявив при этом исключительную нерешительность и трусость.

В эмиграции скоро полностью обнаруживается мелкая фигура Носаря, этого случайного и, по существу, чуждого революции человека. Не проявив ни политической, ни нравственной устойчивости, он отходит от социал - демократии, объявляет себя синдикалистом и, наконец, пускается в различные темные финансовые авантюры. Кончает Носарь воровством.

Французский суд в 1913 году слушает его дело по обвинению в краже часов и белья и приговаривает его условно к месяцу тюрьмы. Во время этой истории Носарь, естественно, выброшенный из рядов революционной эмиграции, делает попытку примирения с реакцией. Он помещает в казенно - черносотенном „Новом Времени“ письмо, в котором требует просмотра своего дела в России. Попутно в этом письме он обликает грязью всю политическую эмиграцию, которая по его словам на 95% состоит из евреев.

Мировая война сразу превращает Носаря в пылкого урапатриота и националиста. В 1915 году Носарь возвращается в Россию, рассчитывая, что своим выступлением в „Новом

Времени" он достаточно подготовил почву для помилования за побег из ссылки. Но надежды Носаря не оправдались. Петроградский Окружной Суд приговорил его за побег с поселения к 3 годам каторжных работ.

В феврале „революционная улица“ выпускает Носаря на свободу. Он делает робкую попытку вновь выступить, как „незаменимый спец“, при организации Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Ему это не удается. Для рабочей революции он чужой и случайный человек с запятанным прошлым. На большую карьеру через посредство Временного Правительства у него также нет никаких шансов.

Носарю нечего делать в Петрограде. С озлоблением против всего мира, одинаково ненавидя в душе царскую реакцию и пролетарскую революцию, Носарь бежит из революционной столицы в свой родной Переяслав. Там, в силу причин, о которых мы расскажем ниже, Носарю удается стать организатором и вождем политически еще не расслоившегося украинского крестьянства, возглавляемого и руководимого „крепким мужиком“. Однако всего лишь несколько месяцев ему удается играть эту роль. Грозные и суровые валы аграрной революции отбрасывают его далеко в сторону.

В восемнадцатом году Носарь уже гетманец, затем петлюровец. Он все время пьянствует и спекулирует, попутно не переставая кичиться своими большими заслугами перед революцией. Во время гетманщины он выпускает гнусную черносотенную и погромную книжонку „Из недавнего прошлого“, носящую в значительной степени характер исповеди. О содержании ее можно получить полное представление по одному только заглавию первой главы: „О том, как Лейба Троцкий Россию продавал“.

В 1919 г., во время григорьевского восстания Носарь, примкнувший к бандитской группе, был расстрелян советским отрядом.

Только благодаря наличию обоих факторов: „массы“ — украинского крестьянства, поднимающегося на борьбу с крупным землевладением, и „вождя“ — Г. С. Хрусталева - Носаря, могла возникнуть и сравнительно долго просуществовать „Переяславская республика“, к изложению истории которой мы и переходим.

НАЧАЛО „РЕСПУБЛИКИ“ И КОМИССАРСТВО НОСАРЕ

Уже с первых дней революции крестьянство Переяславского уезда проявляет большую активность. Активность эта

¹⁾ Материалом для всего последующего изложения послужили хранящиеся в Полтавском Окружном Архиве дела Полтавского Губернского Комиссара Временного Правительства, в особенности, дело № 26 (по описи Полтавского Округа), озаглавленное „О Хрусталева - Носаре и волнениях в Переяславском уезде“. Кроме того были использованы дела Полтавского Губ. Земельного Комитета, а также полтавские газеты того периода. — С. Р.

прежде всего выражается в том, что крестьянство не удовлетворяется куцой временной земской реформой, предложенной в апреле 1917 г. Временным Правительством, и вместо пополнения земства „демократическими элементами“ — переизбирает его целиком. Вот как рассказывает об этом представитель Переяслава на пленарном заседании Полтавского Общественного Комитета :

„В Переяславском уезде полная реорганизация земского и городского правления. 16 апреля земство было полностью переизбрано, хотя раньше предполагалось только пополнить собрание демократическими элементами. Среди селян было брожение и неудовольствие вследствие злоупотребления земельными агентами при снабжении армии хлебом, скотом и пр.

Образована была следственная комиссия, которая выяснила, что члены управы не обращали никакого внимания на эти злоупотребления. Главный деятель Полонский и его сотрудники, в числе которых были военнопленные германцы, вели себя недостойно по отношению к населению. После заявления следственной комиссии о раскрытых злоупотреблениях третий элемент обиделся и объявил забастовку. Население перестало доставлять хлеб. Эти-то обстоятельства и заставили произвести перевыборы всего состава земского собрания в числе 75 человек. Председателем избран Хрусталеv - Носарь. Теперь продовольственное дело налаживается. („Вестн. Полт. Общ. Ком.“ № 54).

Свою переяславскую карьеру Носарь делает именно на этом расследовании. Как опытный демагог и старый юрист, он не только быстро обнаруживает все нити этого несложного дела и открывает виновников преступлений, но сразу же становится организатором и выразителем крестьянского гнева. Он быстро придает конкретную форму глухому брожению и направляет его не только на поверженных в прах прямых преступников, но и на косвенных соучастников преступления — земских служащих (так называемый „третий элемент“ земства), которые „все знали и молчали“. Это сразу делает Носаря в глазах крестьянства своим, верным человеком, защитником и борцом за правду, не только на словах, но и на деле. Крестьянство, под руководством Носаря, требует полной замены старых земцев, и естественно, что при этой замене Носарь выдвигается на первое место. Подавляющим большинством голосов его выбирают председателем Земской Управы, уездным комиссаром, председателем Общественного Комитета и Продовольственной Управы.

Совместительство лишь впоследствии начинают ставить в вину Носарю, который „захватил все должности“. Соединение в одном лице должностей председателя управы, председателя Общественного Комитета и комиссара было самым обычным явлением с первых дней революции, когда Временное

Правительство предложило председателям старых земских управ занять посты уездных и губернских комиссаров.

Носарь — комиссар и председатель уездной Земской Управы. Психологически он вполне подготовлен к роли анархо-кулацкого крестьянского вождя. Он вполне разделяет основные настроения крестьянской массы.

За годы войны деревня возненавидела город, который ее обирает, угнетает, гонит на войну, сажит в тюрьмы, и для Носаря город — это мучительное воспоминание о головокружительном взлете в 1905 году и о безнадежном и не менее головокружительном падении.

Крестьянство ненавидит старый царский помещичий режим, и Носарь не прощает царской бюрократии той „тупости“, с которой она в 1915 году отвергла предложение его услуг.

Кулацкая часть деревни инстинктивно предчувствует в пролетариате враждебную силу, которая угрожает ее частной собственности и скоро вступит в ожесточеннейшую борьбу за руководство крестьянством. И Носарь также ненавидит „изменивший ему“ рабочий класс. Даже антисемитизм роднит Носаря с украинской деревней, для которой еврей — символ эксплуататора, торговца, корчмаря, арендатора.

Отовсюду отталкиваемый и всюду чужой Носарь чувствует себя среди кулачества Переяславщины своим. Находится общий язык, родственные связи, его еще не забыли. Быстро Носарь становится богом и царем в уезде. Все и вся зависит только от него. Он развивает огромную работу. По целым дням к нему в управу ходят толпы крестьян-просителей. Он всех принимает, расспрашивает, дает советы, не скупится на обещания, помогает. Крестьянство — это сила, которая помогла Носарю вновь подняться на поверхность общественности и дала власть, поэтому он льстит крестьянам и заискивает перед ними. С солдатской массой — теми же крестьянами в серых шинелях — он также предупредительно вежлив. Все остальные — для него враги. Носарь с ними груб, нетерпим, резок. Он вмешивается во все стороны жизни, требуя беспрекословного подчинения и повиновения. Он вмешивается в продовольственное дело, желая навести там порядок. Он распоряжается на железной дороге, как у себя дома, внося сумятицу и беспорядок. В одних местах Носарю подчиняются, в других он наталкивается на сопротивление. Тогда он кричит, громит, грозит отдать под суд, расчитать, сдать в солдаты...

Так как все разоблачения и удары Носаря направлены, главным образом, против крупных помещиков, царских чиновников, скомпрометированных земских служащих, продовольственных агентов, т.-е. против непосредственных и основных врагов крестьянства, то крестьянская масса громко аплодирует Носарю, популярность которого растет со дня на день. Успех Носаря тем больше, что не только на словах, но и на деле

в конкретных, практических столкновениях между крестьянством и помещиками, которые в огромном количестве изо дня в день приходится разбирать Земельной Управе, Носарь всегда на стороне крестьян.

Слухи о самоуправстве Носаря ширятся и множатся. Рассказывают, что у Носаря неурядицы в денежных делах, так как он не сразу сдает отчетность по продовольственным закупкам. Говорят, что он не выпускает из Переяславского уезда избытков хлеба и отказывается поддерживать связь с Полтавским Общественным Комитетом. Передают, что под влиянием Носаря в Переяславском уезде не отправлены в свои части войска, составляющие реальную силу, на которую опирается Носарь. Говорят, что он держит связь с дезертирами. („Изв. Полт. Совета Раб. и Солд. Деп.“ № 45).

Мы не знаем, в какой мере все эти слухи и разговоры отвечали действительности. Во всяком случае, ни в делах Полтавского Губкомиссара, где сохранились исчерпывающие материалы о комиссарстве Носаря, ни в прессе того времени нам не удалось найти никаких конкретных фактов, подтверждающих виновность Носаря во всех этих преступлениях. В официальных документах о преступлениях Носаря говорится, именно, как о слухах. Слухи о Носаре вместе с вестями о его самоуправствах и единовластии быстро проникают в прессу, которая, конечно, сразу же вспоминает о прошлом Носаря. Тон задает „Киевская Мысль“, которая уже однажды в 1913 г. заклеила Носаря в связи с его уголовными проделками и письмом в „Новом Времени“.

Полтавский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов шлет в Переяслав комиссию в составе члена Испол. Ком. Полтавск. Совета Ивасенко, члена Совета Руденко и др., которая должна на месте расследовать деятельность Носаря и возбудить против него общественное мнение. Носарь принимает в штыки делегатов Полтавского Совета, как только начинает понимать истинные цели их приезда. По сообщениям „Известий Полтавского Совета“ он не допускает их к работе, устанавливает за ними постоянный надзор, цензурирует письма, угрожает арестом, задерживает документы члена Исполнительного Комитета Полтавского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Герасева, который еще раньше был послан в Переяславский уезд для агитации за поставку хлеба населению северных губерний.

Называет чрезвычайно острый конфликт.

„ИСТОРИЧЕСКОЕ“ ЗАСЕДАНИЕ

Конфликт между Носарем и представителями Полтавского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов разбирался публично в „экстренном чрезвычайном собрании Переяславского

Исполнительного Комитета, пополненного членами продовольственного комитета¹⁾.

Заседание происходило в верхнем зале Земской Управы и к 8 часам собралось много переяславской публики. По одну сторону разместились представители Полтавского Совета, тут же сидела и местная оппозиция — часть земских служащих, начальник Переяславской милиции, члены Переяславского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. По другую сторону темной громадой сидели и стояли сторонники Носаря, почти исключительно крестьяне. Председательствовал Носарь. Он же излагал историю конфликта. По его словам выходило, что все произошло из-за злополучного автомобиля: член Полтавского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов рабочий Максим Герасев требовал, чтобы ему был предоставлен автомобиль для раз'ездов по уезду в целях агитации среди крестьян за отправку хлеба для армии и внутренних губерний. „Но нам, — говорит Носарь, — автомобиль был нужен для более срочных и неотложных дел — для развозки денег за купленный у крестьян хлеб. Я предлагал Герасеву пользоваться земскими лошаадьми. Он отказался и требовал обязательно автомобиль. Из-за этого и произошел конфликт. Герасев спросил: не судился ли Носарь в Парижском уголовном суде? Я в свою очередь спросил: известно ли Герасеву, чем окончился суд?“²⁾ Герасев ответил, что не знает. Тогда я сказал, что действия Герасева пахнут провокацией... Вот этот конфликт и будет предметом разбирательства настоящего собрания“. Далее Носарь жалуется, что Герасев, посещая волостные комитеты, вносил смуту, заявляя, что выборы в комитеты произведены неправильно. Он призывал произвести новые выборы. Между тем, выборы везде произведены правильно. „Я, — говорит Носарь, — предварительно, перед этим собранием запросил волостные комитеты нашего уезда телефонограммами дать отзыв о посещениях Герасевым волостей“.

Нужно не забывать, что на Герасеве лежала тяжелая миссия уговорить крестьян давать хлеб для севера. Несомненно, что предложение это в богатом украинском селе летом 1917 г. вызывало не многим больше сочувствия, чем в 1918, 19 и 20 годах. Богатое крестьянство чувствовало в Герасеве представителя чужой, враждебной силы, угрожающей его собственности. Поэтому - то из 16 волостей, запрошенных Носарем, — 14 или 15 немедленно дали ответы, в которых сквозила явная ирония над Герасевым. Самый осторожный ответ гласил: „Приехал, сказал речь и уехал“. (Дальше понимай, как знаешь). Большинство же комитетов выражалось более откровенно:

¹⁾ Описание заседания составлено по газетам, главным образом, по „Киевской Мысли“ № 131 от 27 мая 1917 г. — С. Р.

²⁾ Кстати, напомним читателю, что суд признал виновность Носаря. — С. Р.

„Приезжал, сказал речь, которая не произвела никакого впечатления“. „Приезжал и говорил то, что уже давно всем известно“. „Приезжал, сказал... бездарную речь и уехал“. „Приезжал и попросил бутылку пива — горло промочить, в чем ему было отказано“.

Чтение отзывов прерывалось смехом, хлесткими замечаниями. Публика густыми рядами надвигается на заседающих. Предвидится горячий бой...

Один из представителей Полтавского совета, возражая Носарю, пытается дать несколько иную постановку предстоящим дебатам. Он говорит о том, что ныне к власти призывается народ. Народовластие — лозунг момента. Получил ли этот лозунг осуществление здесь? „Действительно ли при организации новых форм временного правления, — говорит оратор, — в Переяславском уезде ясно и полно выражена воля народа? Эти вопросы возникли потому, что когда в'езжаешь в границы Переяславского уезда, то слышишь, видишь и убеждаешься, что не народная воля здесь правит, а выше всего стоит Исполнительный Комитет, а превыше всего председатель Исполнительного Комитета — товарищ Носарь"... Оратор приглашает участников заседания высказываться сегодня со всей откровенностью по этому вопросу, не останавливаясь особо на личности товарища Носаря и его заслугах в 1905 году.

Эта речь всколыхнула и членов собрания и публику, которая еще теснее обступает столы. Многие взбираются на скамьи и стулья, чтобы не проронить ни слова.

Выступает пожилой, седой крестьянин. Речь медленная, тяжелая. „Что, у нас своих голов нет на плечах, разве мы сами не знаем, кого нам выбирать в волостные комитеты? Почему нам должен указывать Герасев? И Носарь не сам выбрал себя, а народ его выбрал. Ваш Герасев только смуту вносит. А что вы нам обещаете рассказывать про Носаря, то я вам скажу: мы Носаря знаем лучше вас. Я знаю Носаря еще маленьким и ничего вы нам нового не расскажете“. Сделав короткую паузу, он произносит, глядя в упор на полтавцев: „Посоветую вам, заберите вы вашего Герасева опять в Полтаву нам он не нужен!“

Начальник местной милиции, частный поверенный А. Ф. Потапенко, бывший и будущий претендент в уездные комиссары, обрисовывает общее положение: — „Я скажу, говорит он, что, когда я впервые слушал Г. С. Носаря, — я во всем с ним соглашался. Но затем я увидел, что действия его могут вызвать большие осложнения, могут возбудить одну часть населения против другой. Приемы, которыми стал действовать Г. С. Носарь, — недопустимы. Старой управе бросались такие обвинения, которые крестьянам нравились, но которые еще нужно было доказать... Так нельзя... Разрушать легче, чем создавать“...

Земский служащий, инструктор по кооперации, говорил о том же.

Снова выступил Носарь. Он громит прежнюю управу. Явившись сюда в Переяславский уезд, он, Носарь, нашел крестьян в угнетенном положении. Всю власть забрали в свои руки помещики. Объявляется реквизиция скота для армии. И что же происходит? У крупных помещиков — Горчакова, Мусин-Пушкина, Бухановского, Стороженка, Гамалея — ни разу не забирают скот, а у крестьян его берут три раза... Крестьянские хозяйства разорились. „Бедный мужик — продолжает Носарь — отдавал последнее, г. г. Гладыши, Мусин-Пушкины, Стороженки, Бутовичи не давали для армии ничего. У нас в уезде никогда не было племенного скота, а теперь вдруг он оказался. Это помещики, чтобы удержать у себя скот, завели контрольные пункты якобы племенного скота. Лучший приплод от скота, однако, попадал к помещикам“.

„Правда! Верно!“ — кричат крестьяне.

„Когда распределяли лесные делянки, — продолжает Носарь, — то опять таки крестьянину не давалось ничего, а весь лес попадал к помещикам... Многие помещики, Бутович и другие, устраивали у себя пристанища для получения отсрочек по воинской повинности. Земская касса была опустошена. Я обнаружил случай, что бедному сельскому учителю не платили жалованья по несколько месяцев, потому что не было денег... Довели до того, что в народе раздался крик: „С вилами, с кольями пойдем в Переяслав и сметем эту управу!“

Наэлектризованная крестьянская масса покрывает речь Носаря громом аплодисментов.

Носарь обрушивается на земских служащих. Они знали обо всех этих злоупотреблениях и молчали и даже требовали, чтобы злоупотребления временно были прикрыты...

„Это неправда!“ — громко протестуют земские служащие.

„Нет, это правда! — кричит Носарь, — это даже в протоколы занесено. Я вызвал государственный контроль. Он придет и все это подтвердится... Вот до чего довели бедное крестьянство, народных учителей!“

Зал снова и снова потрясается гулкими аплодисментами крестьян.

В разгаре собрания представитель Полтавского Совета дважды возбуждает вопрос, может ли Носарь председательствовать на данном собрании, где он является одной из сторон? Носарь отвечает, что его ни в чем не обвиняют, что вопрос рассматривается на заседании Исполнительного Комитета, председателем которого состоит он.

Тем не менее вопрос о председателе ставится на баллотировку. За Носаря 15 голосов, против — 9 и 10 воздержавшихся. Носарь в виду таких результатов голосования

отказывается председательствовать и покидает собрание, подав заявление, что слагает с себя звание комиссара Переяслава, председателя Общественного Исполнительного Комитета, а также председательство в Земской Управе, впредь до созыва Земского собрания, которое назначено на 23 мая.

Собрание заканчивается уже без Хрусталева на рассвете не придя ни к каким результатам.

ОБЪЯВЛЕНИЕ „РЕСПУБЛИКИ“

На следующее утро, 20 мая переяславцы с удивлением читали расклеенное по городу обязательное постановление:

„Настоящим довожу до всеобщего сведения, что, в интересах полного сохранения спокойствия и порядка и предотвращения каких-либо нападений одной части населения на другую, я, как представитель Временного Правительства, возлагаю на г. воинского начальника полковника Д. А. Снетенчука обязанности коменданта г. Переяслава и Переяславского уезда.

Милиция, все должностные и частные лица беспрекословно обязаны немедленно выполнять и подчиняться всем распоряжениям коменданта.

Виновные в неповинении или противодействии будут предаваться военному суду для осуждения по законам военного времени.

Всякая же попытка нарушения порядка будет, без всяких колебаний, пресекаться вооруженной силой.

Уездный Комиссар Носарь ⁽¹⁾

Для чего Носарь, накануне отказавшийся от звания комиссара, объявил военное положение, так и осталось непонятным и переяславцам, и властям полтавским, киевским и петроградским. В самом деле, и в городе и в уезде было полное спокойствие. В Переяславе и так было военное положение, ибо вся Полтавская губерния была подчинена командованию юго-западного фронта, как прифронтовая полоса. Воинский начальник и без приказа Носаря исполнял обязанности коменданта, так как по общему положению „в тех городах, где нет комендантов, их обязанности исполняют воинские начальники“.

„Киевская Мысль“ писала: „В Переяславе эти эксцессы объясняют не только авантюристическими повадками Хрусталева, но и его психическим нездоровьем“.

Нужно думать, что собрание предыдущего дня действительно сильно повлияло на нервы Носаря. К этому присоединилось острое желание показать своим врагам, на что способен

¹⁾ „Известия Полтавск. Сов. Раб. и Солд. Депут.“ № 16 от 27 мая 1917 г. — С. Р.

он, Носарь, человек исключительный и несправедливо обобщенный людьми и историей.

Проходит 2 — 3 дня. Носарь успокаивается. Начинает понимать все неудобство своего приказа, на издание которого он, кроме всего прочего, не имел права. (Уездным комиссарам не было предоставлено право вводить военное положение). Следует новый акт, которым Носарь отменяет свое прежнее постановление.

Вот, фактически, и вся история „Переяславской республики“.

При самом большом старании в этом провинциальном анекдоте не найти никаких следов объявления Переяслава республикой, независимой от всей России. Напротив, Носарь все время действует, как законный представитель Временного Правительства, как защитник авторитета власти от посягательств „злонамеренных лиц“, вроде представителя Полтавского Совета Герасева и других.

Однако в глазах буржуазной прессы именно „Переяславская республика“ окрашивается в трагические тона и приобретает особо серьезное значение. Причин объясняющих это, по крайней мере, две. Прежде всего — „Переяславская республика“ совпадает по времени с Кронштадтской. Затем, во главе „Переяславской республики“ стоит Хрусталева-Носарь, имя которого неразрывно связано с воспоминанием о советах 1905 года. Поэтому травля Носаря представляла для буржуазной прессы „специальный интерес“. Последнее обстоятельство заставляет, с другой стороны, и рабочую и советскую прессу проявить усиленное внимание к действиям Носаря.

„Киевская Мысль“, а за ней и другие газеты помещают ряд статей и корреспонденций под кричащими заголовками: „Переяславская республика“, „В сатрапии Носаря“. Во всех этих статьях неизменным припевом служит: Россия разваливается на части! Наступает анархия! Авантюристы получили возможность действовать¹⁾. Факт существования Переяславской республики в сознании русского обывателя установлен. Ее сперва выдумали, а затем сами поверили своей выдумке.

Изобретение „Переяславской республики“ это только первая половина дела, за которой следует вторая: единоборство „русской демократии и всех живых сил страны“ с Переяславской республикой в лице Хрусталева-Носаря. Борьба развертывается по двум направлениям: по линии административной и общественной.

¹⁾ Нужно сказать, что большевики не менее отрицательно относились к деятельности Носаря, чем буржуазные и мелкобуржуазные партии. О Носаре, как об авантюристе и самозванном царьке, писала не только „Киевская Мысль“, но и большевистский „Голос Соц.-Дем.“ в Киеве. Большевиков в Переяславской истории возмущала не мифическая республика, а фактическая сатрапия, созданная там мещанским вождем — Хрусталевым. — Р е д.

Полтавский губернский комиссар Иваненко немедленно телеграфирует в Петроград министерству внутренних дел:

„В Переяславском уезде Полтавской губернии избранный в апреле уездным Комитетом, но не представленный к утверждению комиссар Носарь самостоятельно объявил город и уезд на военном положении. Еще раньше отказывался подчиняться некоторым требованиям Времен. Правительства; в качестве председателя Земской Управы не исполнял распоряжений уполномоченного по закупке хлеба для армии. Отказался подчиняться агентам Временного Правительства и объявил уезд самостоятельной государственной единицей. Положение создалось критическое...“.

(Дело № 26, лист. 16).

Версия об объявлении самостоятельности Переяславского уезда, как видим, целиком поддерживается губернским комиссаром. И Полтавский Совет верил в существование „республики“. По крайней мере, член Полтавского Совета большевик Сметанич в своих воспоминаниях вполне определенно подтверждает этот факт. („Летопись Революции“ № 3 за 1924 г.).

Полтавский Совет, в котором, по воспоминаниям участников, к тому времени руководящая роль принадлежала большевикам, чувствовал себя обязанным ликвидировать „республику“. Полтавский Совет прекрасно понимал, что до тех пор, пока в Переяславщине хозяйничает Носарь, там не может быть и речи не только о власти Советов, но и о свободной организации сил пролетарской демократии. Своими действиями Носарь, постоянно именующий себя председателем Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 г., наносит значительный вред делу революции и престижу Советов. Кроме того, Носарь в своем историческом титуле к словам „Совет Рабочих Депутатов“ нередко добавляет „1905 года“ и тем создает впечатление, будто он и сейчас, в 1917 году, имеет отношение к Петроградскому Совету. От беспринципного и политически неустойчивого Носаря в любую минуту можно ждать какой угодно контр-революционной и даже просто уголовной авантюры. Все это было совершенно ясно руководителям Полтавского Совета.

Исполнительный Комитет Полтавского Совета постановляет отправить в Переяслав своих представителей, а одновременно с ними отряд юнкеров. Прибытие войск в Переяслав вызывает там волнение. Возмущены не только друзья, но и враги Носаря. Кто-то, а переяславцы, во всяком случае, знают, что республики Носарь не объявлял. Может быть, нужно снять Носаря и назначить нового уездного комиссара. Но зачем же для такой мирной операции нужны войска, тем более, что Носарь постоянно заявляет о своей лояльности по отношению к Временному Правительству и о том, что по предложению Правительства он немедленно оставит пост комиссара. Для Переяслава 200 юнкеров, подкрепленные сотней солдат с пуле-

метами, — это целая карательная экспедиция, воскрешающая проклятое царское прошлое. Переяславский Общественный Комитет требует удаления юнкеров и солдат. Депутаты Полтавского Совета вместе с представителями Киевского Совета военных депутатов, которые тоже приехали в Переяслав для расследования, проводят 25 и 26 мая ряд многолюдных митингов, на которых с очевидностью выясняется, что войска совершенно излишни и только нервнируют население. Воинские части отправляются обратно. Агитаторы выезжают на места выяснять настроение крестьянства. Там они быстро убеждаются, что популярность и авторитет Носаря не только не уменьшились, но напротив, скорее возросли в результате борьбы против него.

Переяславское Уездное Земское собрание выступает на защиту Носаря и выносит 19 июня постановление, в котором категорически опровергает факт существования республики. Постановление это, предназначенное для опубликования в газетах, насколько нам известно, не было нигде напечатано. Мы цитируем его по сохранившейся в делах Полтавского губкомиссара телефонограмме. (Дело № 26, лист 35).

„... Все сообщения о том, что в Переяславском уезде существует какая-то республика, которая будто бы не считается с общегосударственными интересами, представляют сплошной, ни на чем не основанный вымысел. Мы утверждаем, что все местные общественные учреждения и их исполнительные органы в своей деятельности руководятся лишь предначертаниями и распоряжениями Временного Правительства, что в согласии с этим они осуждают всякие выступления, наносящие вред делу революции, укреплению завоеванной свободы и успешной борьбы с врагом... Мы, народные избранники всего Переяславского уезда, заявляем, что мы считаем недопустимой и несправедливой ту травлю, которая поднята некоторыми газетами против председателя Переяславской уездной земской управы Г. С. Хрусталева-Носаря. Можно находить в его поведении разные недочеты и ошибки, но недопустимо сообщать заведомо ложные, ни на чем не основанные сведения о том, что деятельность его вредна для общественных интересов. Нельзя умалчивать об исключительной по энергии и значительной по результатам работе, направленной на благо широких слоев населения. В виду всего этого мы считаем своим нравственным долгом заявить, что широкие слои населения Переяславского уезда, особенно крестьянство (курсив наш.—С. Р.) относятся к деятельности Г. С. Носаря с полным доверием и считают его истинным выразителем своей воли“.

НОСАРЬ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

Носарь чувствует себя победителем. В самом деле: популярность возросла, войска отозваны. „Власть и авторитет

Хрусталева-Носаря были непоколебимы в Переяславском уезде, несмотря на разоблачения“, рассказывает в своих воспоминаниях Сметанич. Носарь шлет в Полтаву губернскому комиссару телефонограмму:

„В Переяслав прибыла рота юнкеров с пулеметами из Полтавы. Полтавские депутаты Иваненко и другие утверждают, что военная сила послана по Вашему распоряжению. Местное население взбудоражилось до крайности прибытием вооруженных сил, открыто направленных против народа по прихоти безответственных лиц. Эта возбужденность не улеглась и после отбытия войск по постановлению местного Исполнительного Комитета.

Прошу сообщить мне о мотивах столь неожиданного и антидемократического решения для принесения жалобы Временному Правительству и апелляции к общественному мнению на провокационные выходки людей, стоящих по ту сторону здравого смысла. — Носарь“. (Дело № 26, лист 26).

За Носарем осталось не только поле битвы, но и „нравственная“ победа. Он протестует, апеллирует к общественному мнению, обвиняет в недемократичности. Носарь переходит к нападению.

Летом 1917 г. обвинение в недемократичности было самым тяжелым обвинением для общественного деятеля. Губкомиссару Иваненко нужно защищаться, и он телеграфирует Носарю, что, собственно, он, Иваненко, тут не при чем. Войска посланы в Переяслав после обсуждения и решения вопроса в Полтавском Совете“ (там же, лист 29).

Хрусталева этот ответ не удовлетворяет, и он продолжает вести кампанию против губернских властей, которые „войсками борются с народом“.

В это же время губернский комиссар телеграфирует министерству внутренних дел о снятии Носарем военного положения в Переяславском уезде и об отзывании войск.

„Прошу уведомить, пишет губ. комиссар, может ли быть утвержден в должности комиссара Носарь, фактически исполняющий обязанности. Я лично затруднялся представлять Носаря к утверждению вследствие того, что сначала шла молва, а затем появились статьи в местной и киевской газетах об уголовном прошлом Носаря, при чем до сего времени от Носаря опровержений не последовало“ (там же, лист 34).

В этой своей телеграмме губ. комиссар уже меняет фронт и не упоминает больше ни о республике, ни о самозванстве.

Сперва, 23 мая, министерство внутренних дел ответило, что „не находит возможным назначить Хрусталева-Носаря уездным комиссаром“ и предложило представить другое лицо.

Однако, двумя неделями позже, 11 июня, министерство телеграфировало губ. комиссару, что „в виду целого ряда разноречивых отзывов, поступающих в МВД (Мин. Внутренних

Дел — С. Р.) о характере деятельности Хрусталева - Носаря как в должности председателя Управы, так и комиссара, предлагается вам тщательно выяснить обстоятельства дела" (там же, лист 54).

Этой своей телеграммой, как совершенно резонно позднее указывал губкомиссар Иваненко, правительство „де факто“ признало Носаря комиссаром. Положение становится совершенно двусмысленным. Губкомиссар еще более смягчает тон. Он выступает в „Известиях Полтавского Совета Раб. и Солд. Деп.“ от 13 июня с письмом, в котором опровергает обвинения, выдвинутые против него переяславской газетой, писавшей, что „Губкомиссар Иваненко под давлением отдельных лиц из Совета Раб. и Солд. Депутатов отправляет в Переяслав против народа роту юнкеров с пулеметами и скорострельными пушками“. В своем письме губкомиссар разъясняет, что „войска были посланы не против народа, а для предупреждения могущих возникнуть беспорядков“, что решение об отправке войск было принято после „продолжительного и детального обсуждения вопроса“ в Исполнительном Комитете Сов. Раб. и Солд. Депутатов“, и, наконец, что еще раньше войска выезжали в Кременчуг и Кобеляки и „нигде эта мера не толковалась, как посылка военной силы против народа“.

Таким образом губкомиссар Иваненко не только снимает с себя ответственность за посылку войск, но и выражает недоумение, почему такая мера могла вызвать возмущение. Впрочем, для точности, в скобках следует отметить, что войсками распоряжаться могли только губернские комиссары.

Хрусталева - Носарь одерживает победу не только на внешнем полтавском фронте, он побеждает и на внутренних переяславских фронтах. Переяславский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — главный враг Носаря — временно погибает в неравном бою с Носарем. Не желая попасть в руки победителя, Переяславский Совет кончает свою жизнь самоубийством, заявляя во всеуслышание :

„Демагогические приемы диктатора Хрусталева вызывают крайнее возбуждение всего населения Переяславского уезда против лиц, не подчиняющихся его деятельности. (Курсив наш — С. Р.). Совет Рабочих и Солдатских Депутатов вызывает лишь озлобление. Независимо от этого, в Переяславский Совет вошло несколько приверженцев Носаря, позволивших себе неорганизованные выступления. Вышеизложенное, при недостаточности местных организаций демократических сил, побудило Совет вынести постановление о роспуске Совета в настоящем его составе и о временном прекращении его деятельности“. („Известия Полт. С. Р. и С. Д.“ от 3 июня).

Авантюрист Носарь, поддерживаемый крестьянскими массами, оказался сильнее Переяславского Совета, объединявшего, главным образом, служащих и ремесленников.

Теперь Носарь получает, наконец, возможность расправиться со старыми земскими служащими, на травле которых он, как мы уже видели, в значительной мере нажил свой капитал крестьянской популярности.

По словам председателя переяславского союза земских служащих — Носарь „человек огромной, ненормальной работоспособности, но в то же время, непомерно честолюбивый, совершенно не желающий считаться с человеческим достоинством своих сотрудников, стремящийся к популярности во что бы то ни стало... опирающийся главным образом на несознательные массы населения“. Носарь требует от служащих колоссальной работы, постоянно угрожает расчетом, напоминает беззакония старой управы. Земские служащие, напротив, чувствуют себя именинниками в революции вовсе не намерены выслушивать бесконечные оскорбления от Носаря и крестьянского „быдла“, которое его поддерживает.

Земские служащие требуют от Носаря снятия в трехдневный срок „брошенного им огульного обвинения“. Носарь не хочет идти на какие-либо компромиссы. „Пусть уходят, если не хотят работать на пользу крестьянства“.

4 июня служащие Уездного Земства прекращают работу. Уходя, они подают земскому собранию заявление, в котором пишут:

„Мы оставили земскую службу потому, что нельзя работать, когда г. Носарь называет нас ворами и бездельниками, а вы, граждане гласные, своим молчанием одобряете поклепы г. Носаря. Выходит так, что г. Носарь человек честный, а мы, земские труженники, бесчестны. С этим мы никак не можем согласиться. Не можем мы еще согласиться и со следующим: 1) в России объявлена свобода, а г. Носарь объявляет военное положение; 2) в России объявлена власть народа, а г. Носарь объявляет свое правление; 3) в России объявлено свободное слово, а г. Носарь проповедует только лживое слово; 4) в России занимаются устройством народа, а г. Носарь занимается переизбиранием самого себя. Нет, что-то неблагополучное происходит в Переяславском уезде, душно и тяжело становится жить в Переяславском уезде...“ („Изв. Полтавск. Сов. Раб. и К. Деп.“ 17 июня).

(Продолжение в след. номере журнала)

ОТДЕЛ II

МЕЖДУ
ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

ИЗ ИСТОРИИ РСДРП В ДОНБАССЕ

(1906 — 1939 г.г.)

(Продолжение).

V

Юзовская социал-демократическая организация образовалась из марксистских кружков конца 90-х годов. Оформление ее происходило в 1900 году, благодаря установлению более или менее постоянной связи с группой „Южного Рабочего“. В 1902 году организация имела уже в Юзовке два района — городской и заводской. В это же время была впервые сделана попытка создания соц.-дем. групп на ближайших рудниках — Чулковском, Пастуховском и Карповском. Связавшись с Донским Комитетом, Юзовская организация приняла активнейшее участие в объединении всех соц.-дем. групп и кружков заводов и рудников Донбасса в „С.-Д. Союз горнозаводских рабочих“. Весной 1902 г. в Юзовке состоялось первое совещание донецких социал-демократов, после которого немедленно практически было приступлено к организации Союза. Юзовская организация дала первую группу парторганизаторов, которые в течение нескольких месяцев, разъезжая по шахтам и заводам, откапывали с.-д. группы, и даже социал-демократов одиночек, вели переговоры о создании Союза и устанавливали связи. К концу 1902 года Союз официально заявил о своем существовании выпуском листовок. В дальнейшем, основной, наиболее крупной и влиятельной организацией Союза была Юзовская группа, и в период революции 1905 — 6 г. она заняла руководящее положение в Союзе. После II съезда партии Юзовская организация, находившаяся в это время под сильным влиянием меньшевистского Донского Комитета, заняла, как и большинство организаций Союза, позицию „меньшинства“. С этого времени и до окончательного раскола партии в 1912 г. большевикам не удавалось ни завоевать руководящее положение в единой Юзовской организации, ни создать свою сколько-нибудь прочную фракционную организацию.

1904 год был самым тяжелым для Юзовской организации. В этом году непрерывные аресты и провокация систематически

подрывали работу и разрушали организацию. Только к концу года, после разоблачения провокаторов, удалось застраховаться от налетов полиции и восстановить организацию. В начале 1905 года Юзовская группа оказалась самой сильной организацией в Донецком бассейне. Она наладила мощную „технику“ для обслуживания всего Донбасса листовочной литературой, она взяла на себя инициативу созыва в апреле Донецкой союзной конференции для восстановления Донецкого Комитета, распавшегося под ударами полиции еще в начале 1904 года. В 1905 г. Юзовская организация создавала с.- д. группы на окружающих рудниках, руководила весьма интенсивной стачечной борьбой шахтеров и металлистов и завершила этот год созданием в декабре районного Совета Рабочих Депутатов¹⁾.

Во время полицейской ликвидации декабрьского восстания в Донбассе Юзовская группа сильно пострадала. Наиболее активные работники или попали в тюрьму, или вынуждены были покинуть Юзовку. Временно руководящее положение в Союзе перешло к Мариупольской группе и Донецкий Комитет после декабрьской конференции Союза обосновался в Мариуполе. Но ослабление Юзовской организации было лишь временным. Уже к концу перводумской избирательной кампании, когда волна реакции немного схлынула, организация не только восстановила свои комитеты, но и значительно выросла, как по количеству организованных рабочих, так и по охваченной территории района. В это время было произведено ею объединение (по партийной линии) трех крупнейших в Донбассе горно-металлургических комбинатов — Юзовского, Макеевского и Петровского — в один район, руководимый Юзово-Петровским Комитетом.

* * *

В первой половине 1906 г. Юзовская организация развернула широким фронтом ряд массовых политических кампаний — выборы в 1-ую Думу, подготовка к IV партс'езду, первомайские стачки, и демонстрации, кампания поддержки рабочих депутатов Государственной Думы.

Думская избирательная кампания, начавшаяся в январе, проходила в атмосфере разгула полицейских репрессий и погромов. После подавления декабрьского восстания в районе, где штыком и тюрьмой вводилось военное положение, естественно, исключалась всякая возможность сколько-нибудь нормальной агитационной подготовки выборов в Думу. Но, несмотря на эти сверхисключительные тяжелые условия, в которые во время избирательной кампании были поставлены, рабочий класс и его

¹⁾ См. подробнее в моей брошюре „1905 год в Донбассе“, изд. „Прибой“, 1926 г.

партия, Юзовская группа в своем большинстве осталась на меньшевистской позиции полубойкота. Вопрос об отношении к Думе юзовские с.-д. решали на районной партийной конференции, состоявшейся 10 февраля на Пастуховском руднике. После долгих прений конференция большинством приняла тактику, предложенную Донецким Комитетом Союза, сущность которой предварительно была изложена в широко распространенной январской листовке Донецкого Союза „О Государственной Думе“. Тактика эта сводилась к следующему: „При существующих же законах нечего нам ждать от Государственной Думы устройства народных порядков. Но будем записываться в избиратели. Воспользуемся своим правом, выберем и уполномоченных от рабочих и выборщиков, но лишь для того, чтобы прежде всего заявить о том, что созыв Государственной Думы есть попытка обмануть народ, что не она нужна народу, что она направлена против народа. Пусть заявят, что народ, который устраивал всеобщие забастовки, который волнуется от Кавказа до Сибири, требует только Учредительного Собрания, за него борется и будет бороться. Пусть заявят перед всеми выборщиками, что нельзя и думать о правильных выборах куда бы то ни было, пока не снято военное положение, пока казаки и драгуны царят над населением.

Выбирать для издания законов и устройства нужных порядков мы будем только в Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, при чем предварительно была бы установлена полная гражданская свобода не на бумаге, а на деле. Под занесенной же над нашими головами казацкой нагайкой, с дулом оружия, направленным против нас, мы будем выбирать не для того, чтобы заниматься мирной работой, а лишь чтобы заявить всему миру о политических требованиях рабочего класса и чего не должно делать самодержавное правительство.

Но мы знаем, что правительство не послушает предупреждения народа.

Пусть же знает оно, что, вооружившись, имея поддержку в сознательной части войска, революционный народ победит. Вооруженным восстанием добьется своих прав и громко и победно из могучей груди его вырывается крик:

„Долой Государственную Думу!

Да здравствует Учредительное Собрание!“¹⁾.

В этом призыве одновременно и „к урнам“ и к вооруженному восстанию было столько мешанины, что шахтерам оказалось не под силу в ней разобраться. А потому значительная часть рабочих всерьез приняла участие в думских выборах. При этом избиратели не ограничивались поручением

¹⁾ Ленинград. Ист.-рев. архив. Листовка хранится в библиотеке за № 373.

своим уполномоченным и выборщикам сделать декларативные заявления на губернском собрании — они принимали подробные наказы депутатам для отстаивания в Государственной Думе требований рабочих. Только на немногих предприятиях принимались резолюции бойкотистского характера, предлагавшие уполномоченным заявить протест против правительства и отказаться от участия в выборах депутатов. Наказы, даваемые уполномоченным, обязывали последних. Они прямо говорили, что призванные к урнам рабочие не приемлют тактики полубойкота и требуют участия в выборах депутатов. Напрасно Донецкий Комитет в своей мартовской листовке „Ко всем рабочим и шахтерам Донецкого бассейна“ раз'яснял призванным к урнам избирателям: „Положение трудящихся слоев можно бы улучшить до социализма, но такие законы, какие нужны рабочим, как, например, о 8-мичасовом рабочем дне, не издадут чиновники, купцы, и помещики, и потому мы решаем, что Государственная Дума, которая будет из них состоять, является негодной для нас...“ А дальше следовал прямой призыв к срыву Думы: „Сорвать ее, бороться с ней, требовать Учредительного Собрания и, значит, добиваться такого строя, при котором сам народ через своих представителей будет устраивать свою жизнь, при котором возможно законом ограничить хозяйскую эксплуатацию и бороться за окончательное уничтожение ее — вот наша задача. На пути к этой задаче стоит преступное самодержавное правительство. На требования народа созвать Учредительное Собрание оно отвечает нагайками и пулеметами, а капиталистам и помещикам дает Государственную Думу. Вооруженной борьбой, в союзе с революционными крестьянами и частью войска, пролетариат уничтожит царское правительство и победно вырвется из его груди: Долой Государственную Думу! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует организованная великая борьба за социализм! Да здравствует Р.С.-Д.Р.П.“¹⁾

Этот запоздалый призыв к срыву выборов в Думу не отразился на ходе избирательной кампании. Окончательно же провал меньшевистской тактики обнаружился на губернском собрании уполномоченных. Собрание после бурных прений большинством решило не только избрать выборщиков, но и принять участие в выборах депутатов в Думу. Из шести мест выборщиков — два было предоставлено шахтерам. От последних прошел в выборщики, а затем и депутатом в Думу, М. И. Михайличенко — шахтер и член с.-д. организации Вознесенского рудника. Когда на губернском совещании уполномоченных и выборщиков от рабочих обсуждался вопрос о программе, какой должны держаться рабочие депутаты в Думе, то выступивший Михайличенко изложил программу с.-д. партии, которая была одо-

¹⁾ Центр. Архив Революции, дело № 190, охран. опись № 148.

брена совещанием. Кроме того, на этом же совещании Михайличенко получил наказ от рабочих, в котором выдвигались следующие требования:

1. Введение в государстве законодательной охраны труда.
2. Немедленное введение законодательным путем 8-мичасового рабочего дня, с сохранением существующей заработной платы.
3. Отмена обязательных постановлений о сверхурочных работах.
4. Учреждение местных посреднических контор по найму рабочих для всех отраслей производства, с участием в управлении представителей от рабочих организаций.
5. Амнистия всем политическим и отмена смертной казни.
6. Неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.
7. Учреждение примирительных камер из равного числа представителей труда и капитала для нормировки всех отношений найма и расчета и разбора споров и несогласий, возникающих между рабочими и предпринимателями.
8. Отмена ведения работ через подрядчиков.
9. Отмена штрафов и увольнений на срок.
10. Государственное страхование от болезни, несчастных случаев, профессиональных заболеваний с отнесением издержек на счет предпринимателей.
11. Государственное страхование на случай старости и неспособности к труду.
12. Развитие охраны труда женщин и детей и установление специальной охраны труда в производствах, заведомо вредно отзывающихся на здоровья.
13. Введение всеобщего бесплатного и обязательного обучения в начальных школах, с передачей заведывания школьным делом органам местного самоуправления, организованная помощь нуждающимся учащимся.
14. Введение воскресных школ для взрослых рабочих.
15. Установление уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда как рабочими, так и предпринимателями¹⁾“.

Сейчас же после думской избирательной кампании, а частично и одновременно с нею, Юзовская организация стала готовиться к IV-му объединительному парт'езду. На рудниках и заводах района был проведен ряд массовок и совещаний организованных рабочих, на которых в дискуссионном порядке обсуждались вопросы повестки дня предстоящего с'езда. Одно из таких совещаний, происходившее 10-го марта на шахте „Шмидт“, в квартире десятника В. Н. Голубева, „засыпалось“. При этом был арестован, в числе других, докладчик Макс

¹⁾ М. Б.-в и Ф. Дан — „Рабочие депутаты в 1-й Государственной Думе“.

он же Г. А. Эпштейн) — один из энергичнейших профессионалов Юзовской группы¹⁾.

На предсездовых собраниях по самым жгучим тогда вопросам — о перспективах революции, об отношении к Думе и вооруженном восстании меньшевики получали перевес за счет политически отсталых групп шахтеров, которые так же, как и большинство крестьянства, заразились верой в Думу. Закончилась подготовка к с'езду участием Юзовской группы в конце марта в конференции Донецкого Союза, где меньшевикам также удалось заполучить некоторое большинство и из пяти делегатов послать на с'езд трех меньшевиков: Елкина (С. И. Бердичевского), Угрюмова (Б. С. Васильева) и Дубравина.

Последекабрьский период 1905 г. характеризовался не только наступлением реакции, но и обострением промышленного кризиса в Донецком Бассейне. Шахтовладельцы и заводчики, пользуясь этим, под угрозой локаута начали переходить в наступление на революционные завоевания рабочих. С каждым днем осложнялись отношения труда с капиталом. Назревала новая волна стачечной борьбы. Особенно резко это чувствовалось в марте - апреле 1906 г. В этой обстановке нарастающих конфликтов Юзовская группа начала агитационную и организационную кампанию подготовки первомайских забастовок и демонстраций. На всех шахтах и заводах района проводились массовки и митинги, распространялись десятки тысяч листовок Донецкого Союза под заголовком: „К рабочим о первом мае“. В листовках этих, наряду с разъяснением международного и антимилитаристического значения первомайского праздника, указывалось также, почему в данный момент необходимо бастовать:

„Не работать и тем доказать, — заявлялось в листке, — что многие месяцы господства пушек и пулеметов не умертвили нашей силы, готовности биться за волю.

Государственной Думой хотело правительство заткнуть нам глотку, прекратить борьбу рабочего класса. Думой, которая не может издавать законов без одобрения царя и стоящих в Государственном Совете чиновников.

Не работать для того, чтобы ясно видели все — и друзья и недрузья, что не мирятся рабочие с Государственной Думой, обманным представительством народа, что только Учредительное Собрание, избранное всем народом равной, прямой и тайной подачей голосов, заменит самовластие чиновников - грабителей самодержавием народа.

Не работать — и тем показать, что мы, рабочие России, так же, как и рабочие всех стран, боремся за одно и то же — за уничтожение мира насилия, угнетения и за замену его

¹⁾ Центр. Архив Революции. Донесение нач. Донск. Охр. отделения от 29 марта 1912 г. за № 1034.

социалистическим строем, где не будут из нас выжимать все соки и каждый из нас будет хозяином своей жизни.

Так не будем же работать в день Первого Мая.

Пусть прекратится в этот день стук машин, пусть не вертятся станки, не дымятся трубы, не подымается и не опускается клеть, не стучит кирка рудокопа под землею... "

Листок заканчивался лозунгами: „Да здравствует 8-мичасовой рабочий день! Долой постоянные армии! Долой Государственную Думу! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует международная социал-демократия! Да здравствует социализм!“¹⁾.

Блестяще подготовленное празднование первого мая 1926 г. вилилось во всеобщую районную стачку. Ничего подобного по организованности и солидарности не знал в прошлом Юзовский район. Юзовская группа выпустила „Майский летучий листок“, в котором подводились итоги празднования: „Пролетариат Юзовского района в первый раз принял участие во всемирном празднике рабочих. Один из самых молодых членов великой рабочей семьи, он оказался в этот год в последних ее рядах. На рудниках: Рыковском, Успенском, Рутченковском, Алексеевских, Французской компании, Смоляниновой проходке, Ветке, Волинцевском, Пастуховском, Берестово-Богодуховском, Григорьевском, Вознесенском, Лидиевском и др., на двух заводах и нескольких шахтах в Макеевке и во всех почти ремесленных мастерских гор. Юзовки работа в день первого мая замерла по призыву с. - д. рабочей партии. Бастовала и часть рабочих Юзовского завода“²⁾.

В Макеевском горном округе первое мая праздновали на шахтах: „Мария“, „Амур“, „Иван“, „Марковский № 7“, мастерские Русско-Донецкого Об-ва и оба завода Генерального Общества. Назначенная демонстрация не состоялась по случаю дождя. Но к вечеру все же собралась значительная группа рабочих и прошла по заводскому поселку с красными флагами и пением революционных песен³⁾.

Стачка проходила в тяжелых условиях. Юзово-Макеевский район был наводнен казаками. Власти мобилизовали все свои силы против стачки. Накануне забастовки юзовский „главнокомандующий“, есаул Денисов, публично держал речь к казакам, призывая их бить и резать забастовщиков. Но никакие угрозы властей не устроили рабочих.

Забастовка протекала мирно. На некоторых рудниках состоялись массовки и митинги. Попытка Юзовской группы развернуть стачку в демонстрацию не удалась. Только на Карповском руднике, где движением руководила сильная большевистски - настроенная с. - д. организация, стачка сопровождалась

¹⁾ Истор. рев. архив. Дело деп. полиции О. О. № 5, ч. 3. 1906 г.

²⁾ „Летопись Революции“ № 4, 1923 г., стр. 305.

³⁾ „Колокол“ № 92, 1906 г., Полтава.

внушительной демонстрацией. „Более трех тысяч собралось на митинг — сообщалось в „Майском летучем листке“, — старики и молодежь, мужчины и женщины, в красных рубахах, с красными ленточками. Ораторы говорили о празднике 1 мая, о задачах рабочего класса в данный момент русской революции. Читалось с громадным интересом письмо члена Государственной Думы Михайличенко, рабочего, социал-демократа. Единогласно решено: Дума не должна вступать ни в какие сношения с правительством. Она должна немедленно добиться освобождения всех так называемых политических преступников, установить полную свободу слова, печати, собраний, союзов, стачек; объявить о созыве Всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Об этом послана телеграмма в Думу.

Затем вся масса с красными флагами, с революционными песнями торжественно двинулась к руднику. Обошли уже весь рудник, когда явилась полусотня казаков. Но на этот раз они не произвели обычного впечатления. Никто не дрогнул, никто не показал спину. Все остались на местах. У многих руки полезли в карманы и потянулись за камнями. Однако и сами опричники вели себя не так, как всегда. Офицер под'ехал к толпе, поздоровался честь-честью и даже поздравил рабочих „с праздником“. Но все-таки... просил разойтись. Пусть-де Дума сначала установит ваш праздник, тогда и собирайтесь. Один из товарищей от имени всех ответил: „Мы расходимся. Не потому, что Дума еще не установила этого праздника. Его уже установил сам рабочий класс. Мы закончили свой мирный праздник и только поэтому расходимся. Но прежде уберите казаков“. Казаки от'ехали. Товарищи с песнями разошлись, полные бодрости и веры в конечную победу рабочего класса¹⁾.

Стачки первого мая носили исключительно политический характер. Ни на одном предприятии рабочие не пред'являли экономических требований — забастовки проходили под лозунгом первомайской листовки Донецкого союза РСДРП. Но, несмотря на мирное течение стачек, настроение рабочих было крайне приподнятое. Везде поговаривали о пред'явлении экономических требований. Поэтому достаточно было какого-нибудь повода, чтобы на другой день после первого мая политическая стачка перешла в экономическую. Так случилось на Калачевском руднике, когда левый кадет, инженер Соколов, вывесил объявление о штрафе за первомайскую забастовку в размере одного рубля. Это было поводом к продолжению стачки и второго мая. Тысяча рабочих через своих депутатов пред'явила требования, выработанные под руководством Юзовской с.-д. группы. Требования состояли из 26 пунктов, в числе которых были: уплата жалования за забастовку, восьмичасовой рабо-

¹⁾ „Летопись Революции“, № 4, 1923 г., стр. 305 — 306.

чий день, выделение постоянных, не менее 4-х, депутатов для переговоров с администрацией, надбавка на каждый рубль 25 коп., полная отмена штрафов, страхование рабочих.

Второго мая к требованиям калачевцев присоединилось около двух тысяч рабочих Пастуховского и Григорьевского рудников. Стачка продолжалась 4 дня и сопровождалась ежедневными тысячными митингами, на которых ораторы Юзовской с.-д. группы призывали рабочих сохранять солидарность и проявить настойчивость. Но администрация трех бастующих рудников тоже выступила единым фронтом и категорически отказалась удовлетворить требования, угрожая локаутом. На четвертый день, после некоторых ничтожных уступок администрации, забастовка прекратилась¹⁾. Подобные вспышки экономических стачек были в то время на нескольких шахтах Макеевского района²⁾. Но успех был везде весьма незначительный.

На поражении майских экономических стачек социал-демократы своей агитацией стремились доказать рабочим бесплодность в данное время забастовок без предъявления политических требований. Задача момента — свержение царского правительства и созыв Учредительного Собрания. Лозунги эти особенно захватили рабочую массу после опубликования 18-го мая обращения рабочих депутатов Государственной Думы „Ко всем рабочим России“. Само по себе „обращение“ это было составлено в весьма умеренных тонах и является документом архисоглашательским. В нем нет даже намека на разоблачение предательской роли кадетской фракции Думы. Все требования обращения сводились к Учредительному Собранию, созыв которого будто бы стремится подготовить Государственная Дума. А поэтому рабочие должны поддержать Думу (с ее кадетским большинством!) петициями, резолюциями и наказами.

Юзовская группа перепечатала и распространила депутатское обращение в 10.000 экземплярах со следующим своим добавлением: „Итак, наши товарищи, рабочие депутаты в Думе, вступили на вполне правильный путь. В то время, как большинство Думы, руководимое „кадетами“, урезывает народные требования, отказываясь выставлять равное, прямое и тайное избирательное право, занимается торгом с правительством, сносит все наносимые ему пощечины, боясь народа, отвергает предложение депутатов от трудовой группы обратиться с воззванием к народу — рабочие депутаты обращаются с воззванием к рабочему классу, открыто заявляя, что Дума сама не в силах защищать интересы народа.“

Правительство не хочет уступить. Только свергнув самодержавное правительство, только созвав Учредительное Собрание,

¹⁾ „Колокол“, № 94, 1906 г.

²⁾ „Горно-заводский Листок“ № 21, 1906 г.

народ добьется чего ему нужно. Дума не имеет силы добиться чего-нибудь. Только в обращении к народу сумеет она найти опору. И она должна вместе с народом добиваться созыва Учредительного Собрания. Только в том случае народ поддержит Думу, если она выставит требование созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Рабочий класс много крови пролил за это требование. Мы, рабочие, будем готовы и к дальнейшей борьбе за требование созыва Учредительного Собрания и поддержим Думу, если она станет добиваться того же.

Если же кадетское большинство Думы и впредь будет держаться прежней антинародной политики, мы, объединившись вокруг своих депутатов и приглашая крестьян сделать то же, объявим ему такую же борьбу, как и правительству¹⁾. Хотя это добавление и ставило вопрос о поддержке Думы в условной форме но, как видим, оно насквозь проникнуто меньшевистской половинчатостью. В нем нет призыва к вооруженному восстанию. Рабочим рекомендуется свергать правительство митингами и петициями.

Однако, обращение рабочих депутатов послужило толчком к широкой политической кампании. Наступила почти двухмесячная полоса многолюдных митингов и политических стачек. Конец мая прошел в митингах на всех рудниках и заводах, на которых принимались ответы на обращение депутатов. 24-го мая состоялось громадное собрание рабочих всех шахт Рутченковского рудника, на котором был принят текст телеграммы о поддержке рабочих депутатов. Такие же митинги повторились 26 и 28 мая. На Юзовском заводе 25-го мая состоялось собрание рабочих в несколько тысяч под председательством Сверчкова, на котором также была принята телеграмма о поддержке²⁾. На Вознесенском руднике рабочий митинг постановил отправить своему депутату Михайличенко следующее послание: „Мы рабочие Вознесенского рудника, собравшись на митинг 28-го мая в количестве 2.000 человек, обсудив положение родины, поведение правительства и воззвание наших рабочих депутатов, единодушно постановили: послать горячий привет нашим народным избранникам, смело и открыто заявившим от лица всего народа о его святых требованиях, выразить полнейшее негодование по адресу правительства, нагло отвергшего насущные требования народа. При этом мы открыто заявляем, что требования наших рабочих депутатов — наши требования, и чтобы добиться их удовлетворения мы не постоим ни перед чем. Еще раз вместе со

¹⁾ Ленинград. Истор. - рев. архив. Документ хранится в библиотеке за № 1019.

²⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. № 4, ч. 76, 1906 г., вход. № 16347.

своими избранниками мы повторяем, что мы требуем немедленного созыва всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, мы твердо уверены, что только оно одно спасет Россию от произвола и насилия и улучшит нашу каторжную подневольную жизнь“¹⁾).

Объединенный митинг рабочих Чулковского, Провиданса, Прохоровского и Сорочинского рудников отправил рабочим депутатам Думы резолюцию, содержащую ряд общих политических требований плюс требование „немедленной замены настоящего министерства избранным из всех представителей народа, заседающих в Гос. Думе“. Резолюция эта заканчивалась так: „Отстаивайте же, товарищи депутаты, все требования народа. И пусть помнит Дума, что народ будет стоять только тогда за нее, когда она выставит все его требования и будет бороться за них“²⁾. Подобные же требования „думского министерства“ пестрят в резолюциях рабочих многих рудников.

Майское движение вызвало большую тревогу властей и заставило губернатора просить у министра новых войсковых подкреплений. Просьбу свою он мотивировал следующей характеристикой событий: „Хотя заводско - рудничная жизнь рабочих ничем более не проявляется, тем не менее имеются указания, что революционные организации энергично работают с целью подготовить вооруженное восстание; замечаются попытки перенести агитацию из рабочей среды в крестьянскую и на - днях ожидаются митинги с хождением на станции и в ближайшие села. Обширный район горнозаводско - фабричной промышленности, постоянное общение рабочих, масса безработных и, наконец, летнее время, дающее возможность устраивать сходки в отдаленных и укрытых местах, — все это составляет весьма благоприятные условия для деятельности противоправительственных организаций и, хотя нет прямых указаний, но возможно ожидать, что мятежные действия могут проявиться в той или иной степени в разных местах губернии. Помимо того, в войсках местного гарнизона обнаружено некоторое брожение, вызвавшее арест нескольких человек агитаторов из нижних чинов“³⁾.

VI

В начале июня митинговое движение переросло в демонстрацию. По сообщениям газет от 6 - го июня „рабочие нескольких рудников в числе 8.000 человек с песнями и флагами прошли на станцию Юзово. Прибывшая воинская охрана встречена криками „ура“ и бросанием шапок; охрана ответила тем

1) „Полтавский Работник“ № 7, 1906 г.

2) „Голос Труда“ № 7, 1906 г.

3) Истор. - Революц. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1905 г., вход. № 16347.

же. Состоявшийся митинг прошел спокойно¹⁾. На демонстрации военные власти ответили „объявлением“, в котором предупреждалось, что собрания на улицах и в степи будут разгоняться расстрелом²⁾. Но это не запугало рабочих. Наоборот, движение разрасталось, и на ряде рудников рабочие организации завершали демонстрации прямым захватом власти. Так, например, на Карповском и Александровском рудниках рабочие комитеты упразднили полицию. Это событие в полицейском документе описывается следующим образом: „18-го июня, в 6 часов пополудни, рабочие, более 1.000 человек, с красными флагами прибыли на Александровский рудник Алексеевского горно - промышленного Общества, Мариупольского уезда, отстоящий от вышеупомянутого в двух верстах, где присоединились к ним рабочие рудника этого общества и все вместе направились в село Александровку Марьинской волости, Мариупольского уезда, а оттуда имели пойти в село Марьинку, но за поздним временем возвратились обратно отдельными партиями по местам своего жительства; движение это было без всяких проявлений какого-либо насилия или буйства.

На другой день, 19-го июня, утром, рабочие Александровского рудника, несмотря на рабочий день, собрались толпою с красными флагами около здания шахты, дали несколько тревожных гудков, отправились к арестному помещению, грозя разбить таковое, если в нем окажется кто-либо содержащимся. Оттуда с пением и криками „ура“ толпа отправилась на шахты Карпова, Бахмутского уезда, где состоялся общий митинг; в 6 часу пополудни возвратились все обратно, но в это время в контору Александровской копи явился штейгер Иван Орловский с несколькими десятниками шахты, где он потребовал присоединения к их группе конторских служащих, что и было исполнено, там же Орловский от служащих конторы был избран депутатом в комитет рабочих; из конторы Орловский служащих вывел на улицу, где ожидала толпа рабочих; на улице на табурете выступали ораторы и говорили речи; местным уряднику и городовому толпа запретила присутствовать на их собрании, при чем оратор кричал, что если подойдет полиция, то ее надо разорвать на куски. Толпа постановила удалить урядника и городского от полицейской службы и заменить их избранными ими старшиною десятников Петром Гладкоскоком, который и должен выполнять обязанности полиции, и еще трех депутатов в комитет, которые с штейгером Орловским в 8 часов вечера отправились в комитет на Карповские шахты за получением программы. Руководителями этой толпы были штейгер Иван Орловский, десятник Петр Гладкоскок, артельщики — Андрей Денисов и Григорий Мульчин

¹⁾ „Горно - заводский Листок“ № 23 — 24, 1906 г.

²⁾ „Донецкое слово“, № 11, 1906 г.

и рабочие — Петр Чинаноев, Петр Коптев, Семен Жуков и Иван Зубан¹⁾.

На Рутченковском руднике 22-го июня состоялся большой митинг, который власти пытались разогнать. Командир сотни, есаул Концов, приказал казакам дать залп по митингу, но казаки не исполнили его приказания. Тогда „храбрый“ есаул при поддержке полиции арестовал одного из ораторов митинга и приказал взводу казаков препроводить его в Юзовку. Однако оказалось, что это не так просто. Не успели казаки вывести арестованного за пределы рудника, как громадная толпа рабочих, воинственно настроенная, окружила казаков и потребовала освобождения арестованного. Казаки без сопротивления сдались. На другой день юзовским рабочим стало известно, что казаки за отказ стрелять в рабочих арестованы.

„23-го июня есаул Концов — доносит полиция — арестовал одиннадцать казаков для отправки их в г. Бахмут; об этом казаки дали знать в завод Новороссийского Общества и просили их защиты. В тот же день, около 5-ти часов пополудни, арестованные казаки, под конвоем офицера, были отправлены на станцию Юзово, а в 6 часов пополудни рабочие завода после гудка толпой направились в казармы, где размещены казаки. К этому времени туда была приведена рота пехоты, расположенная в пос. Юзовке, и когда рабочие толпой подошли к казармам и начали требовать освободить арестованных казаков-товарищей, то по ним был открыт огонь из ружей и толпа разбежалась²⁾).

От залпов пехоты рабочие вовсе не разбежались, а только отступили. Узнав, что арестованные казаки отправлены железной дорогой в Бахмут, рабочие тысячной толпой пошли на ст. Юзово. В 9 часов вечера станция была занята рабочими, движение поездов прекращено, а телеграфный аппарат отступкивал распоряжение рабочих представителей „Всем, всем, всем...“ о возвращении в Юзово поезда с арестованными казаками. Поезд не был возвращен, но, прочтя эту телеграмму, рабочие Краматорского завода, собравшись на станции, устроили перед поездом демонстрацию и пытались освободить казаков.

Этот исключительный в районе случай ареста казаков, сочувствующих рабочему движению, вызвал всеобщее возмущение рабочих. На третий день ареста, когда казаки уже сидели в Бахмутской тюрьме, около 3.000 шахтеров Рыковского рудника и 2.000 „Ветки“ направились в Юзовку для предъявления требований об освобождении арестованных казаков. Организованные рабочие с трудом сдержали этот стихийный поход безоружной толпы, предотвратив неминуемый расстрел.

¹⁾ Ист. рев. архив. Дело деп. пол. О.О. № 4, ч. 76, 1906 г. вх. № 17919.

²⁾ Истор. рев. архив. Дело деп. полиции О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. вх. № 18295.

Во второй половине июня по всему району происходили непрерывные митинги и стычки с войсками. В этой кампании исключительную активность проявил прибывший из Петербурга депутат Михайличенко. Дни и ночи он выступал с докладами на митингах по всем рудникам и заводам района. Именно и ночи, так как в то время только ночные собрания в степи давали полную гарантию от нападения. Драгуны, опасаясь бомб, боялись приближаться к таким митингам.

Движение приняло стихийный, массовый характер. Вот как писал об этом начальник жандармского управления: „На всех заводах, рудниках, шахтах и вообще там, где имеется рабочий элемент, последнее время открыто почти ежедневно собираются митинги, на которых произносятся речи на различные темы по поводу отношения Государственной Думы к мероприятиям правительства. Такие митинги бывают и по селениям, куда приезжают приезжие агитаторы, которых крестьяне охотно слушают. Произвол рабочих превзошел всякие границы, так, например, каждый праздничный день на станцию Константиновку является толпа в несколько тысяч человек и, по приходе на эту станцию пассажирского поезда, самовольно захватывают его в свое распоряжение, держат на станции сколько угодно, затем усаживаются в поезд и даже на крышах вагонов и поезд отправляется на станцию Дружковку. По дороге все время раздаются крики „ура“, рабочие расхаживают по всему поезду, затрагивают пассажиров, нахально заглядывают в запертые купе и вообще держат себя вызывающе. На станции Дружковке этот поезд встречает тоже тысячная толпа рабочих с криками „ура“ и „товарищи“. Тут одни из приехавших остаются, другие едут дальше.

Бывали случаи, когда от тяжести взобравшихся на крыши вагонов таковые проваливались, подобные безобразия происходят каждый праздничный день, и рабочие со всех окружающих заводов, даже Юзовки, едут толпой до самого Славянска, останавливая поезд там, где им вздумается, а бывали случаи, когда они требовали наряда для себя отдельного поезда, в противном случае грозили прекратить пассажирское движение, и требование их исполнялось; полиция бессильна что-либо сделать против подобного безобразия и необходимо для этого командировать воинские части и довольно сильными частями занять район...“¹⁾.

К концу июня политическое массовое движение достигло весьма широких размеров. Следующим шагом должно было быть вооруженное восстание. Но до этого не дошло, и движение стало переходить на рельсы экономической борьбы. Посетивший Юзовку губернатор в своем донесении по этому

¹⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. вх. № 17829.

поводу министру Столыпину писал: „Настроение рабочих весьма повышенное, выражается, пока, в многочисленных митингах и частичных забастовках, при чем замечено, что забастовку начинают небольшие цеха, имеющие в ходе работ значение главного нерва, например, электрический, кочегарный, склады леса для укрепления шахт и другие. Забастовка их останавливает почти все отделы, рабочие коих исправно являются на свои места и требуют уплаты за прогульное не по их, якобы, вине время. Забастовавшими пред'являются самые разнообразные, многочисленные требования, касающиеся экономического быта, обратного приема уволенных рабочих и удаления нелюбимых мастеров и начальников. Такие частичные забастовки, по имеющимся сведениям, готовят всеобщую забастовку, которая для горных предприятий может иметь гибельное значение, в виду возможности затопления шахт. Среди рабочих замечается полная солидарность и сплоченность. Юзовский район усилен двумя эскадронами драгун¹⁾).

Губернатор не ошибался в своем прогнозе — всеобщая стачка готовилась не только в Юзовском районе, но и во всем Донбассе. Беда была только в том, что в ее подготовке отсутствовала твердость руководства движением. Вспыхивавшие и через день - два безрезультатно прекращавшиеся частичные забастовки только ослабляли общий удар.

Первыми начали экономическую стачку шахтеры Рутченковских копей. 20-го июня прекратились работы на шести шахтах. Контторские служащие также были сняты с работы. Требования были еще не ясны, но устно через делегатов было заявлено требование о прибавке к заработной плате по 10 коп. на вагончик выработанного угля. Стихийно вспыхнувшая стачка 20-го июня прекратилась на следующий день. Эта забастовка-однодневка еще раз показала руководителям движения, что дальнейшее оттягивание всеобщей стачки грозит распылением движения. Юзовской с.-д. группой на совещании с представителями рудничных с.-д. групп в несколько дней были выработаны общерайонные экономические требования. И 24-го июня требования эти без прекращения работ были пред'явлены рабочими следующих крупнейших рудников: Карповского, Рутченковского, Трудового, Александровского, Успенского и Лидиевского. Несколько дней спустя эти же требования, тоже без прекращения работ, были пред'явлены почти на всех рудниках Юзово-Макеевского горного округа. Сорок пунктов этих требований превратились в лозунги момента, стали знаменем, под которым шахтерская рать ополчалась против горнопромышленников. Эти требования являются важнейшим документом чрезвычайно мощного, почти такого же, как в октябре-

¹⁾ Истор.-рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. вх. № 17051.

декабре 1905 г., под'ема революционного движения в Донбассе. Поэтому приводим их полностью :

„В Правление Товарищества Рутченковских Каменноугольных Копей.

Мы, рабочие товарищества Рутченковских Каменноугольных копей, решили, не приостанавливая никаких работ, пред'явить оному Правлению через наших выборных нижеследующие требования :

- 1) За забастовку никто не должен пострадать.
- 2) В случае забастовки контора уплачивает рабочим за все забастовочные дни соответствующую заработную плату полностью.
- 3) Контора обязана уплатить делегатам в размере получаемого содержания, а если делегат работает сдельно, то средний заработок в прогульные дни.
- 4) 8-мичасовой рабочий день.
- 5) Повышение заработной платы поденным, месячным и сдельным рабочим на 20⁰/₀.
- 6) Поденная заработная плата взрослых рабочих или же исполняющих обязанность таковых должна быть не менее рубля.
- 7) Организация постоянной комиссии из представителей от рабочих и администрации, которые поровну должны вести переговоры с администрацией рудника в случаях ее столкновения с рабочими.
- 8) Уничтожение подрядной системы и введение артельной. Каждая артель, как на поверхности, так и внутри шахты, выбирает артельщика, который находится под постоянным отчетом артели и обязан сообщать своей артели о количестве заработка за месяц, и заработок этот делится между всеми членами артели поровну. Артельщик получает с каждого члена артели в виде вознаграждения 50 коп. в месяц. Артель по своему усмотрению может во всякое время сменить артельщика и из своей среды избрать нового. Расценка сдельных работ должна производиться по временному соглашению администрации с представителями от рабочих.
- 9) Устроить помещение для 500 человек. При этом помещения будут находиться также библиотека и читальная зала, чем заведуют выборные от рабочих. Контора должна ассигновать для выписки книг и газет ежегодно определенную сумму 150 руб.
- 10) Устроить при руднике школу.
- 11) Устроить опрятные и благоустроенные во всех отношениях бани.
- 12) Отремонтировать заново существующие квартиры, устроить деревянные полы, потолки, сарай, погреба, летние кухни и русские печи при каждой квартире. Каждому семейному рабочему должны быть отведены самое меньшее по 2 комнаты.

Устроить отдельные квартиры для холостяков. Квартиры должны быть бесплатны.

13) Ввести санитарные улучшения на рудниках, как - то : устройство мусорных ящиков, дезинфекцию клозетов, устройство кранов в бочках и ежемесячный вывоз мусора.

14) Питьевую воду доставлять чистую и здоровую в достаточном количестве и аккуратно, а также доставлять последнюю и внутри шахт по работам в специально приспособленных для этой цели боченках. Доставка воды, дров и угля хорошего качества должна быть бесплатная и в достаточном количестве (угля не менее 100 пудов).

15) Открыть на руднике базар и дать возможность частным торговцам открыть лавки, взимая самую умеренную арендную плату.

16) Учредить на выборных началах из среды рабочих и служащих местную санитарную комиссию, на обязанности которой лежало бы следить за чистотой и доброкачественностью продуктов, привозимых для продажи на руднике.

17) Отчуждать ежегодно для пописа и огорода достаточное количество земли бесплатно.

18) Упразднить премию, получаемую штейгерами.

19) Беспрепятственный выпуск из шахты рабочих, проработавших не менее 8 часов.

20) Отменить штрафы.

21) К малолетним, работающим на поверхности рудника, обязательно применять существующие правила внутреннего распорядка, утвержденные правительством. Заработная плата должна быть увеличена на 20⁰/₁₀₀, а если таковая будет менее 40 коп., то повысить ее до означенного размера. Освободить их от тяжелой работы, как — носить глей, гонять вагончики и т. п.

22) Прогулы рабочих, по причинам, от них независимым (исключая стихийные явления), контора уплачивает им согласно поденного заработка.

23) Установить часовой отдых для всех конторских рабочих в шахте и на поверхности; перед праздниками (указ. парагр. 32 внутр. распорядка), работы прекратить в 5 час. вечера.

24) Доставка леса по разработкам в шахте и на поверхности должна производиться конторой.

25) За прогулы рабочих, в случаях частых заболеваний, по удостоверению врача, контора обязана выдавать рабочим половину получаемого содержания.

26) Отменить сверхурочные работы, а в случаях крайней необходимости в таковых и при желании рабочих они могут производиться, но с условием полуторной платы. Воскресные и праздничные работы оплачиваются в двойном размере.

27) Вежливое обращение администрации с рабочими на „вы“.

28) Обязательное и бесплатное снабжение откатчиков на поверхности непромокаемыми куртками и брюками.

29) Расширить и улучшить все существующие механические и вспомогательные мастерские в гигиеническом отношении.

30) Совершенно изъять браковку вагончиков; выходящим неполными отсчитывается недостающий вес, за который контора не уплачивает.

31) Пострадавшие за политические убеждения должны быть приняты обратно.

32) При каждой шахте должен быть ламповщик, который должен выдавать предохранительные лампы всегда в готовом виде и бесплатно.

33) Предоставить в распоряжение каждой шахты по одной карете скорой медицинской помощи. На каждой шахте устроить приемный покой для подачи первой помощи. Увеличение медицинского персонала и улучшение медицинской помощи. Врачи должны аккуратно исполнять свою обязанность.

34) Администрация не имеет права рассчитывать без соглашения комиссии, выбранной рабочими.

35) Всякий рабочий, прослуживший не менее года, пользуется отпуском на 2 недели с сохранением жалованья; прослуживший же 5 лет пользуется месячным отпуском с сохранением жалованья.

36) Установление 2-х дневного отпуска в месяц для месячных рабочих без всякого вычета.

37) Контора обязана удовлетворять рабочих, лишившихся трудоспособности по причине старости, увечий и других болезней.

38) Выдача получек рабочим должна производиться 2 раза в месяц и местными шахтными конторами после 1-го и 15-го числа в ближайшую субботу.

39) При каждой шахте должен быть куб для воды, кипятиться и охлаждаться льдом.

40) Все вышеупомянутые пункты требований требуем вписать в наши книжки¹⁾.

Администрация всех рудников, сговорившись между собой, отнеслась к этим требованиям весьма сдержанно. Единый фронт шахтеров всего района не только создавал опасность срыва добычи угля, но и угрожал при слабой военной охране шахт более решительными действиями стачечников. Поэтому администрация, вместо открытого категорического отклонения требований, пустилась на предательский маневр²⁾. Переговоры с

¹⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. „Хроника рабочего движения на горнопромышленном юге за июнь 1906 г.“

²⁾ Действительное же свое отношение к требованиям рабочих администрация определила уже на другой день после их предъявления. 25-го июня, по телеграфным сведениям, в Юзовке состоялся секретный съезд представителей заводских и рудничных предприятий, на котором решено было требованиям рабочих не уступать, а в случае забастовок объявлять расчет и закрывать предприятия.

рабочими делегатами всячески затягивались под тем предлогом, что вопрос об удовлетворении требований может быть разрешен только в Харькове Советом Съезда горнопромышленников. Рабочие ждали ответа администрации, не прекращая работ. А тем временем бешеным темпом шла телеграфная переписка между Юзовкой, Харьковом и Петербургом. В Харьков отправлялись секретные сообщения о предстоящей катастрофе горнозаводской промышленности, о необходимости безоговорочного отклонения требований рабочих, о якобы нарастающей волне насилий над администрацией со стороны рабочих. Предводитель донецких шахтовладельцев Дитмар, столь же паническими телеграммами подогревал Авдакова. А тот писал Столыпину: „Для подавления беспорядков необходимо принять какие-либо чрезвычайные меры, так как южной каменноугольной и железной промышленности угрожает полное разорение“¹⁾. Столыпин по предложению горнопромышленников собрал совещание в составе Авдакова, Дитмара и директора департамента полиции, на котором был разработан план подавления стачечного движения в Донбассе и, в частности, в Юзовском районе. Юзовский район был выделен в особое полицмейстерство, командующим карательными войсками был назначен генерал Бауфал (несколько позже он был назначен временным генерал-губернатором горнозаводского района), который проявил себя, как самый отвратительный и жестокий палач донецких рабочих.

Столыпин принимал решительные меры. Командующему военным округом он телеграфировал в Одессу: „Необходимо принятие временным генерал-губернатором самых энергичных мер в Юзовском районе, где безвластие грозит уничтожением шахт. Если там мало силы, надлежит увеличить посылкою новых частей. Во что бы то ни стало предотвратить бедствие и восстановить порядок“²⁾.

В Юзовский район начали стягивать войска. На смену ненадежных казаков прислали драгун. Начальнику Екатерининской железной дороги было дано распоряжение немедленно формировать „боевые поезда“ для карательных войск. Мобилизовались также все силы жандармерии для самой беспощадной кровавой расправы с рабочим движением.

Что происходило в это время среди рабочих? Настроение масс с каждым днем повышалось, становилось более воинственным. Вся создававшаяся обстановка указывала на необходимость немедленного подкрепления предъявленных требований всеобщей забастовкой. Но меньшевистские руководители, рассчитывавшие, повидимому, на добровольные уступки со стороны

¹⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. вх. № 21140.

²⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. Телеграмма № 2330.

шахтовладельцев, уговаривали рабочих, не прекращая работ, подождать ответа. Если бы рабочие согласились с ними, им пришлось бы ждать ответа до наводнения шахт драгунами, когда нельзя уже было бы двинуться... Первыми прорвали плотину терпения шахтеры Прохоровского рудника. Они начали забастовку второго июля. За ними последовали чулковцы. Администрация этих рудников без единой уступки отклонила требования и отказалась вести какие бы то ни было переговоры.

Известие об отклонении требований быстро облетело весь район. 5-го июля состоялись на многих рудниках решающие митинги. После этого один за другим рудники и заводы вступили в ряды бастующих. К 18-му июля, когда прекратили работу шахтеры Рутченковских, Вознесенских и Лидиевских рудников, всеобщая забастовка Юзовского района стала совершившимся фактом. Рабочие готовились к длительной и упорной борьбе. После прекращения работ они выдавали наверх лошадей, тушили котлы и останавливали камеры, угрожая шахтовладельцам затоплением шахт.

Последнее обстоятельство вызвало архипаническую телеграмму Дитмара Столыпину: „На рудниках Рутченковского района, Екатеринославской губ., по уговору рабочих под влиянием агитации произошла остановка работ на шахтах с принудительным снятием кочегаров и машинистов водоотливных машин. Все шахты залиты водой, убытки громадные. Предприятиям, созданным величайшим трудом, грозит разорение, а рабочие останутся без заработка. Настроение весьма тревожное в ожидании исполнения угроз разрушения домов, шахт, заводов. Снята вся домашняя прислуга. Семьи администрации, служащих и множества рабочих бегут в панике, не видя защиты. Причина — беспрепятственная агитация наезжими и местными агитаторами и полная потеря веры в авторитет закона, власти и суда и почти полное отсутствие войск. Легкость разрушения предприятий грозит распространением движения на весь Донецкий бассейн, что является опасностью для всего государства.

Совет С'езда горнопромышленников юга России, докладывая вышеизложенное, почтительнейше ходатайствует о безотлагательном усилении войск во всем Донеском бассейне, как мере, необходимой для предупреждения вышеуказанных печальных событий и для охраны жизни и имущества. Только опираясь на эту силу, местные власти могут действовать строго и закономерно, охраняя порядок, без которого невозможна жизнь промышленности“¹⁾.

Столыпин отдал категорическое распоряжение самыми суровыми мерами, вплоть до расстрела митингов, подавить движение. 20-го июля жандармерия и войска перешли в

¹⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г., вх. № 20764.

наступление. В этот день „по распоряжению генерал-губернатора арестовано 43 человека главарей и помещены в вагоне боевого поезда на ст. Рутченково. На другой день в 5 час. утра тысячная толпа рабочих двинулась на станцию с целью отбить арестованных, но была встречена эскадром драгун и рассеяна холодным оружием¹⁾. Конечно, рабочие не были просто „рассеяны“. Пьяные драгуны врезывались карьером в толпу и зверски рубили рабочих саблями. После кровавого побоища утром 21-го июля в степи остались сотни раненых и убитых шахтеров... И начиная с этого дня на всех рудниках многочисленные аресты руководителей движения сопровождались разгоном залпами или саблями рабочих митингов. Бастующих кочегаров, машинистов и камеронщиков насильно под арестом ставили на работу. Грандиозная трехнедельная стачка углекопов Юзовского района закончилась кровавым подавлением в июле 1906 года.

Подъем революционного движения в Юзово-Макеевском горном округе в мае-июле 1906 г. по своей массовости и организованности в некотором отношении превзошел даже движение октября 1905 г. Но громадный размах движения, находившегося на грани вооруженного восстания, не получил должного завершения как вследствие общих объективных причин, так и потому, что руководившие им меньшевики всеми мерами тушили стихийно разгоравшийся пожар восстания. В начале подъема вся думская кампания заключалась по сути дела в поддержке парламентских иллюзий. На митингах ораторы Юзовской с.-д. группы убаюкивали рабочих кадетским лозунгом — требованием ответственного думского министерства. Вместо того, чтобы использовать создавшуюся в период заседания Думы обстановку некоторой свободы для вооружения рабочих и организации боевых дружин, юзовские меньшевики все движение свели к митинговой революционной фразе и принятию петиций и наказов. Когда тяжелое экономическое положение рабочих поставило в порядок дня всеобщую забастовку, руководители движения провели на рабочих митингах решение — предъявить требования администрации, не прекращая работ. Это была не только ошибочная, но и весьма опасная тактика. В момент нарастающей с каждым днем реакции необходима была быстрота и натиск в объявлении стачки. Только такая тактика, подкрепляющая требования не только митингами, но и реальной угрозой затопления шахт, принудила бы шахтовладельцев пойти на уступки. Допущенная отсрочка прекращения работ привела, во-первых, к разнообразию в отношении времени объявления забастовки и, значит, к распылению стачечного удара и, во-вторых, дала возможность горнопромышленникам в союзе со столыпинской жандармерией подготовить военно-полицейское подавление забастовки. В результате

¹⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г., вх. № 21208.

меньшевистская тактика сплошного потока петиций и резолюций, тактика скрытой, замаскированной борьбы с нараставшим рабочим движением, поставила безоружные и неорганизованные рабочие массы под бешеные удары вооруженных до зубов карательных отрядов генерала Бауфала. В значительной мере по этим причинам всеобщая стачка потерпела поражение так быстро и с такими громадными потерями для рабочих.

Разгром забастовки шахтеров последовал вскоре за разгоном Думы, когда столыпинская реакция с новой силой перешла в атаку на революционное движение по всей стране. Рабочие митинги, на которых заслушивались доклады о разгоне Думы, попали в полосу разгула карательных отрядов и проходили далеко не с тем успехом, какого ждали руководители движения. Эту, так сказать, заключительную думскую кампанию проводил, главным образом, депутат Михайличенко.

После ликвидации июльской стачки активные участники движения ежедневно арестовывались десятками. В начале августа в Юзовке была арестована часть комитета с. д. организации и подпольная типография. Это была совершенно неизбежная дань за полулегальную широкую работу организации, в период высокого подъема революционного движения. Организации необходимо было перевооружиться, законспирироваться, создать крепкий подпольный аппарат и наново установить связи. В борьбе с жандармами за сохранение организации прошел весь август. Массовая работа за это время, разумеется, значительно ослабела. Но уже к 10-му августа организация оправилась немного после первых ударов, поставила новую типографию и выпустила 10.000 экземпляров листовки: „Опричники на работе“, в которой давала оценку текущего момента¹⁾.

Наступление реакции после разгона Думы Юзово - Петровский комитет в своей прокламации оценивал следующим образом: „Прошел месяц с того дня, когда депутаты под угрозой штыков вынуждены были покинуть Таврический дворец.

Прошел месяц... И вскрылась истинная подоплека и истинный смысл тех лисьих речей, с которыми обращался к народу нынешний премьер, вчерашний палач саратовских крестьян, Столыпин.

Прошел месяц. И из-под либеральной маски Столыпина выглянули отвратительные забрызганные кровью лица палачей Треповых, Победоносцевых, Горемыкиных, Плеве... Там, в центре, со скрипом и грохотом продолжает двигаться по старому пути самодержавная машина: здесь, на местах, в провинции винтики и колесики ненавистного механизма,— генерал - губернаторы,

¹⁾ Это первая листовка, выпущенная за подписью Юзово - Петровского комитета РСДРП. На июльской партийной конференции произошло объединение двух районов (Юзовского и Петровского с оставлением в новом районе Макеевского горного округа) и существовавшие прежде (с конца 1903 г.) „группы“ были реорганизованы в „комитеты“.

губернаторы, становые, мелкая полицейская и жандармская саранча,— неустанно борются с „крамолой“.

Реакция подняла голову и в своем диком бешеном разгуле готовится снова превратить всю нашу многострадальную родину в одну громадную тюрьму.

Новый курс нового кабинета не миновал и нас. Сначала разогнан был митинг в Юзовке, митинг, на котором тов. Михайличенко хотел дать отчет своим избирателям, хотел сказать народу правдивое слово, хотел без утайки подробно сообщить о думе, об ее борьбе, об ее врагах, затем драгунами рассеяны митинги на Карповских рудниках и на „Ветке“.

На - днях заключены в местную „тюрьму“ несколько десятков человек, местные власти решили уничтожить крамолу...

Товарищи, нашей уверенности в скорой победе полицейские набегі не поколеблют.

Помните, движение созданное самой жизнью, движение, рожденное потребностями огромных масс населения, нельзя задавить никакими репрессиями, ни ссылками, ни тюрьмами, ни виселицами... И если на время оно уйдет с поверхности, уйдет в подполье, то не за тем, чтобы исчезнуть, замереть, нет — только для того, чтобы, собравшись с новыми силами, выйти наружу и опять мощным, широким потоком разлиться повсюду. Свобода в опасности. Будьте же готовы, скажем мы. Пусть, как набатный колокол, прозвучит наш призыв в наших сердцах, пусть встретит он живой отклик.

Предстоят еще великие события, предстоят новые, решительные схватки народа с вековыми угнетателями¹⁾.

VII

Осенью Юзово - Петровский комитет приступил к проведению ряда очередных кампаний — подготовка избирательной кампании во вторую Думу, организация профессиональных союзов и борьба с реакционными настроениями в рабочих массах, выразившимися, с одной стороны, в переходе наиболее отсталых элементов к черносотенцам и, с другой, — в увлечении индивидуальным террором и эксами. Но, чтобы по всем этим вопросам выработать единые решения и мобилизовать все силы организации на их проведение, необходимо было созвать районную партконференцию. После полуторамесячной подготовки во второй половине октября состоялась седьмая Юзово - Петровская конференция, на которой были представлены организации — Юзовского завода, гор. Юзовки, Карповского рудника, Макеевки, Петровского и Харцызского заводов.

Конференция обсудила все вышеуказанные вопросы, а также вопрос о рабочем съезде. Наиболее продолжительные

¹⁾ Ист. - рев. архив, Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 3, 1906 г.

приятия вызвало обсуждение вопроса об участии в выборах в Думу. Появившиеся в организации и рабочих массах после разгона первой Думы бойкотистские настроения создавали опасность срыва избирательной кампании. Поэтому конференция постановила провести предварительную широкую проработку вопроса на массовках на основе следующей резолюции:

„Принимая во внимание:

1) что ближайшей целью социал-демократии в настоящий исторический период является созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования;

2) что в интересах ускорения осуществления этого лозунга соц.-дем. должна использовать предстоящую избирательную кампанию для пробуждения к политической жизни и организации широких рабочих масс;

3) что участие пролетариата в избирательной кампании даст ему на деле возможность убедиться в подвохах нынешних законов (11 дек. 1905 г. и разъяснен. сената 9 окт. 1906 г.), которые не дают ему возможности свободно выразить свою волю;

4) что самостоятельное выступление пролетариата в избирательной кампании будет способствовать самоопределению его, как класса, и отмежеванию его как от буржуазии, так и от псевдо-соц. партий;

5) что постоянные собрания рабочих уполномоченных и выборщиков от рабочей курии свяжут нашу партию с широкими рабочими массами и обеспечат ей руководство ими;

6) что избирательная кампания даст нашей организации живую политическую работу и что в ходе развития кампании наша партия сможет легализоваться, —

конференция высказывается за активное участие в избирательной кампании и рекомендует товарищам немедленно основать на заводах, шахтах и в городах партийные комитеты для постановки широкой устной и письменной агитации, внесения рабочих квартирнанимателей в избирательные списки, для точного исследования маневров других партий и т. д. Конференция рекомендует также намечать партийных кандидатов и подготовить пролетарские массы к избранию их в уполномоченные и выборщики и вступать во временные соглашения с другими демократически-оппозиционными партиями лишь на последних стадиях выборов, убедившись в невозможности провести своих кандидатов¹⁾.

Вопрос об организации профсоюзов настолько назрел, что было принято без прений предложение мобилизовать побольше сил на союзную работу, руководствуясь в проведении ее следующей резолюцией: „Стоя на точке зрения резолюции объединительного съезда о профессиональных союзах, конференция предлагает организациям приложить все усилия к созданию

1) „Отклики“, вып. I, 17 дек. 1906 г., стр. 96 — 97,

легальных профсоюзов, приспособляясь к правилам 4-го марта об обществах и союзах. Вместе с тем конференция полагает, что профсоюзы в настоящий переходный момент могут сыграть важную роль в смысле легализирования части нашей партийной работы, как, напр., пропаганды посредством легальных лекций, централизации нашего партийного аппарата, привлечения к работе оставших по тем или другим причинам от работы рабочих¹⁾.

В этой резолюции уже совершенно прозрачно делается ликвидаторский намек на возможность и необходимость легализации „части партийной работы“ через профсоюзы. Этот намек не был случайным, так как он еще в большей степени проявился в решении конференции по вопросу о рабочем съезде. Как известно, лозунг созыва рабочего съезда впоследствии стал основным орудием борьбы ликвидаторов против партии и вот по этому архидискуссионному вопросу конференция приняла постановление, последний пункт которого гласил: „Рабочий съезд может создать общественное мнение, которое косвенно будет влиять на положение дел в партии,— конференция высказывается за рабочий съезд и предлагает организациям открыть кампанию для подготовки рабочих к этому съезду“.

Вопрос о борьбе с черной сотней рассматривался конференцией с двух сторон: 1) черная сотня, как общественный фактор в отношении к освободительному движению, и 2) борьба с черной сотней в рабочей среде. В принятых резолюциях рекомендовался активный отпор террору черной сотни и привлечение сворачиваемых черносотенцами отсталых рабочих элементов к „живой и открытой работе в профсоюзах, рабочих клубах и избирательной кампании“.

По вопросу об „эксах“ конференция признала недопустимым для социал-демократических организаций не только участие в такого рода актах, но и какое бы то ни было использование сумм, добытых частными лицами путем экспроприации.

Конференция рассматривала также поставленный тогда в партийной печати вопрос о созыве экстренного партсъезда и высказалась против созыва, присоединившись к мотивам ЦК. И по этому вопросу большинство конференции стояло на меньшевистских позициях.

Кроме этих вопросов, конференция заслушала доклады о положении на местах, в которых отмечались общие для того времени недочеты: недостаток сил, главным образом, отсутствие опытных организаторов профессионалов, помехи в работе, вызываемые полицейскими репрессиями, и террористические настроения рабочих, как результат общего политического положения. Регулярнее и шире, чем в других местах района, была поставлена партийная работа на Вознесенском

¹⁾ „Отклики“, стр. 97.

руднике, где существование боевой дружины обеспечивало созыв открытых многолюдных собраний. На этом руднике исключительное положение занимала шахта № 21, на которой полулегально имел свою резиденцию комитет организации. Эта шахта до конца 1906 г. оставалась неприступной крепостью не только для полиции, но и для драгун. Шахта № 21 внушала панический страх потому, что там были наиболее революционные рабочие и самая крупная в районе с.-д. организация. Там на каждом перекрестке можно было столкнуться с бомбометчиками. А эти ребята, как известно, вызывали страх и „уважение“ к себе даже у пьяных драгун.

Все эти отрывочные сведения, взятые из краткого отчета об октябрьской конференции, не дают сколько-нибудь полного представления о состоянии Юзово-Петровской организации. Из них, например, не видно насколько оправилась организация после репрессий июльской реакции, какими силами и средствами она располагала для дальнейшего руководства рабочим движением и участия в думской избирательной кампании. Освещение этих вопросов, хотя тоже не вполне достаточное, дает отчетный доклад юзово-петровского делегата на ноябрьской конференции Донецкого союза.

В начале ноября в Юзово-Петровскую районную организацию входило свыше 1000 организованных рабочих из 60000 всех рабочих района. Организация состояла из 12 подрайонов. Первичной ячейкой организации являлось заводское или рудничное собрание организованных рабочих. Ячейки избирали своих представителей в подрайонный комитет. Деятельность всей организации об'единялась районными конференциями, на которые посылались представители (один от пятидесяти) всех организованных рабочих. Конференция избирала комитет из пяти членов, пополнявшийся, кроме того, представителями от подрайонных комитетов, по одному от каждого. Членские взносы состояли из вступительных 50 коп. и 2⁰/₁₀ отчислений от заработка. Это давало ежемесячно 150 рублей, а весь месячный бюджет районной организации составлял около 400 руб. Районная техника, в виде хорошо оборудованной нелегальной типографии, существовала до ареста ее 9 ноября. После этого были приняты меры к восстановлению типографии или гектографа, так как арест типографий срывал намечавшееся широкое распространение нелегальной литературы. Легальной литературы за осенние месяцы было распространено на 175 руб. Кроме того, ощущался острый недостаток в пропагандистских и агитаторских силах активных работников. Из большого кадра профессионалов к этому времени в районе осталось только 5 человек ¹⁾).

¹⁾ Истор.-рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 15, 1906 г., вх. № 1774, „Отчет о VII Донецком с'езде РСДРП“.

Работа комитета Юзово-Петровской организации в это время заключалась в проведении разъяснительной кампании по решениям октябрьской районной конференции и в дальнейшем развертывании агитационной и организационной деятельности по созданию профсоюзов и проведению думской избирательной кампании.

Особенно много внимания и сил заводские и рудничные с.-д. организации уделяли профсоюзной работе, так как только с осени 1906 г. впервые рабочие Донбасса приступили к созданию союзов. Идея создания профессиональных организаций начала широко овладевать рабочей массой только после тяжелого поражения июльской забастовки. В это время промышленники единым фронтом повели наступление на революционные завоевания рабочих — рабочий день удлинялся до 12 час., расценки понижались, всякие другие льготы ликвидировались и положение рабочих с каждым днем реакции становилось все тяжелее. Рабочие на практике поняли, что горнопромышленникам, объединенным в синдикаты и совет съездов и опирающимся на войска и полицию, необходимо противопоставить крепкую, спаянную профессиональной дисциплиной рабочую организацию. Но на пути к практическому осуществлению идеи профессиональной организации, даже при условии массовой тяги в нее рабочих, оказалось чрезвычайно много трудностей. Прежде всего полиция в блоке с предпринимателями создавала убийственную волокиту с утверждением уставов союзов, не стесняясь нарушать самым грубым образом и без того куцый закон о профессиональных обществах (так называемые правила 4-го марта). Так же полиция, чаще всего по указке шахтовладельцев, неустанно охотилась за инициаторами и учредителями союза. Эти постоянные репрессии, с одной стороны, отпугивали малосознательную часть рабочих от участия в союзе, а с другой — толкали революционные элементы, считавшие безнадежным в таких условиях строить профсоюзы, к террористическим настроям.

Несмотря на столь сложную, необычайно тяжелую обстановку, профессиональное движение все же пробивало себе дорогу. Уже в октябре добились регистрации и открыли записи членов союзы металлостов Юзовского и Петровского заводов и союз горняков Лидиевского рудника. Вот как писали лидиевцы в своем профессиональном журнале о первых шагах работы союза: „Трудно сначала приходилось товарищам работать над этим важным и нужным делом. Но энергия и труд взяли свое, — и союз открыт. Состоялось первое общее собрание, выбрано правление, и теперь в союзе насчитывается около 200 членов. Правление собирается часто. Первым его делом была правильная постановка союзных дел. С этой целью правление обратилось к управляющему рудниками с требованием отвести здание под помещение союза с отоплением

и освещением, а также устроить библиотеку на конторский счет и читальню; при этом заведывать ими должно правление союза“¹⁾.

Кроме этого, была проведена агитационная кампания, выработаны и посланы на регистрацию уставы союзов на следующих рудниках: Карповском, Софиевском, Пастуховском, Рыковском, Алчевском и на некоторых рудниках Макеевского горного округа. Учредители союза на Карповском руднике первым делом „потребовали, — как сообщал корреспондент „Вестника Труда“, — от директора, чтобы устроили для рабочих бесплатную библиотеку - читальню и отвели специально для библиотеки помещение. Это требование было удовлетворено: контора ассигновала 500 руб. на выдачу книг и обещает ежегодную поддержку в 300 руб. Библиотечная комиссия выбрана на половину от рабочих и от конторы, а библиотекарь назначается по усмотрению рабочих“²⁾.

Наряду с организацией союза на заводах и рудниках ставился вопрос о создании районного, а затем и общедонского объединения профсоюзов. В этих целях на ноябрьском съезде Донецкого союза РСДРП было выделено бюро, получившее потом название справочной комиссии. Этой комиссии была поручена работа по организации профсоюзного объединения. В декабре справочная комиссия созвала первое совещание наиболее крупных союзов, на котором был разрешен ряд важнейших организационных вопросов и избрано центральное бюро профсоюзов Донбасса. Но не успели еще укрепить ни союзы на местах, ни их объединения, как они начали разрушаться один за другим под ударами нараставшей реакции.

В период с ноября 1906 г. по февраль 1907 г. Юзово - Петровский комитет и его местные организации считали наиболее ударной задачей проведения избирательной кампании по выборам во 2-ую Гос. Думу. Для этой работы были мобилизованы все лучшие силы организации. Агитационная и организационная деятельность комитета развивалась одновременно как по линии рабочей курии, так и городской. Первой, само собой разумеется, уделялось больше внимания. Успешно проводилась запись избирателей, намечались и обсуждались кандидатуры уполномоченных и выборщиков. В течение трех предвыборных месяцев неоднократно созывались на всех предприятиях митинги и массовки (в зависимости от того, что было удобнее по полицейским условиям), на которых социал - демократы излагали свою избирательную платформу и призывали голосовать только за с.-д., так как только они, оказавшись в большинстве, могут повести Думу по пути решительной и непримиримой борьбы с правительственной реакцией и тем самым превратить Думу в руководящий центр революционной борьбы широких народ-

1) „Вестник Труда“, № 9, 1906 г., Екатеринослав.

2) „Вестник Труда“, № 5, 1906 г.

ных масс против самодержавия. Кроме устной агитации, в большом количестве распространялась нелегальная листовочная и легальная брошюрная литература (последняя, по преимуществу, в издании „Донской Речи“). Из нелегальной литературы, кроме местных гектографированных изданий Юзово-Петровского комитета и Донецкого союза, распространялась „Избирательная Платформа РСДРП“ — издание ЦК партии — и ряд прокламаций Екатеринославского комитета: „Ко всем рабочим“, „Наши политические требования“, „Выбирайте социал-демократов“, „Чем должна быть вторая Дума“, „Рабочий Листок № 2“ и др. Кроме того, распространялись в небольшом количестве листки Бахмутского и Мариупольского комитетов и орган ЦК партии „Социал-демократ“. Выпускали листки и местные рудничные организации. Особенно большую активность в этом отношении проявила организация Вознесенского (Карповского) рудника.

Какую же тактическую линию проводил Юзово-Петровский комитет в избирательной кампании? Для того момента вопрос о тактике соглашений был коренным вопросом внутрипартийных разногласий. В то время, как большевики считали возможным соглашение с революционной частью крестьянства через партию эсеров, поскольку последняя тогда еще выражала его интересы, против правой и кадетской опасности, меньшевики, признававшие гегемонию буржуазии в революции 1905—06 г.г., призывали партию и рабочий класс ориентироваться на соглашение с буржуазной партией кадетов, уже переходивших на сторону реакции. Юзово-Петровский комитет занимал меньшевистскую позицию, которая получила свое недвусмысленное отражение в следующем постановлении ноябрьского с'езда Донецкого союза РСДРП по вопросу о соглашениях: „1) Донецкий с'езд признает допустимым в городской курии соглашения со всеми левыми партиями до кадетов включительно (7 — за, 2 предст. Таганрога воздержались, присоединяясь лично, но не голосуя, как представители организации); в рабочей же курии никакие соглашения недопустимы (единогласно). 2) Исходя из принципиального отношения соц.-дем. партии к избирательной кампании и активного участия в ней, Донецкий с'езд предлагает организациям: а) в продолжение всего избирательного периода вести самостоятельную кампанию с выставлением самостоятельных же кандидатов, б) в соглашение вступать после учета сил и непосредственно перед выборами, в) соглашения допустимы уже на первой стадии (8 — за, 1 — против). 3) О формах соглашений: а) Блоки недопустимы, б) соглашения возможны только в форме списков со строгим размежеванием соц.-дем. кандидатов от кандидатов буржуазных партий“¹⁾.

¹⁾ Истор.-рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 15, 1906 г., вх. № 1774.

Этой тактической платформой руководствовался Юзово-Петровский комитет. Но не всегда намеченная линия выдерживалась. Под влиянием кажущейся черносотенной опасности меньшевики пытались нащупывать себе союзников даже в организациях, которые были правее кадетов. Так, уже в половине декабря Бахмутская уездная конференция социал-демократов, на которой участвовал и Юзово-Петровский комитет, приняла такое постановление о соглашениях по городской курии: „При решении вопроса о том, с какой из левых организаций вступить в соглашение, конференция признает лишь один критерий — силы организации в избирательной кампании, и с этой точки зрения считает необходимым войти в соглашение с „Непартийным избирательным комитетом прогрессистов“ при чем уполномачивает избирательный комитет выработать и заключить соответствующий договор“¹⁾).

Упомянутая в постановлении группа „прогрессистов“ имела в своих рядах самые разнообразные элементы, вплоть до октябристов. Наряду с этим постановлением, конференция приняла решение 8-ю голосами против 2-х (всего на конференции было 10 решающих голосов) не входить в соглашение с эсерами, как с организацией, не имеющей в избирательной кампании почти никаких сил.

В конце декабря, незадолго перед выборами в Думу, состоялась Юзово-Петровская районная конференция, главным образом, по вопросам избирательной кампании. По вопросу об участии в выборах конференция приняла следующее постановление: „Принимая во внимание: 1) что правительство Столыпина предполагает принять все зависящие от него меры для обуздания Гос. Думы, если она опять окажется оппозиционной, и грозит даже разгоном ее, 2) что, лишая громадное количество населения избирательных прав и разбивая его по куриям и стадиям, искусственно прерывает живую связь между населением и его депутатами, 3) что, поскольку народ не организован, а силы реакции организованы, грядущая схватка между народным представительством и правительством опять, может быть, окончится поражением первого, — конференция предлагает т.т. немедленно повести широкую агитацию среди населения, указывая ему на важность создания в процессе избирательной кампании организаций на местах, посредством периодических съездов выборщиков и уполномоченных, вырабатывающих те или другие планы, которые должны быть приняты населением для поддержки требований Гос. Думы“²⁾).

Что касается рабочей курии, то конференция указывала на возможность и необходимость немедленной организации института уполномоченных и выборщиков „для поддержания

¹⁾ „Отклики“, сборник 11, 1907 г., стр. 72 — 73.

²⁾ „Наш Мир“, № 2, 1907, г. стр. 15.

рабочей фракции думы и для обсуждения на местах тех законопроектов, вносимых в Думу, которые касаются положения рабочего класса“.

По вопросу о соглашении с другими партиями по городской курии конференция предложила избирательным бюро руководствоваться постановлениями Бахмутской уездной партконференции.

Для проведения избирательной кампании в общегубернском масштабе Юзово - Петровская конференция предложила Донецкому комитету, по соглашению с Екатеринославским комитетом, созвать губернскую конференцию в составе представителей крупных местных с. - д. организаций, уполномоченных социал - демократов по рабочей курии и выборщиков социал - демократов других курий. Конференция эта состоялась 28-го января 1907 г. и решила ряд вопросов, завершающих избирательную кампанию, в том числе наметила кандидатов от рабочих в выборщики и депутаты Думы.

Кроме того, на губернской конференции обсуждался вопрос о постановке работы в Юзово - Петровской организации. Конференция высказалась „в целях расширения и углубления работы, а также для развития самостоятельности рабочих масс, за организацию пропагандистских и агитаторских кружков высшего типа из передовых рабочих, за устройство регулярных общих собраний организованных рабочих и за ведение широкой массовой работы в форме митингов, массовок, летучек и т. п.“¹⁾.

Изменение форм массовой работы объяснялось некоторым ослаблением разгула карательных отрядов. Однако это вовсе не говорило об отступлении реакции. Она ослабила фронтовые, открытые нападения войск на рабочие собрания, чтобы ударить полицейскими мерами по рабочим организациям с тыла. Жандармская переписка второй половины 1906 г. наглядным образом доказывает, что разбитый революцией аппарат полиции по наружному и внутреннему наблюдению снова приводился в порядок. Искключительную энергию, ловкость и подлость жандармы проявляли в работе по восстановлению внутреннего наблюдения, т. - е. по вербовке провокаторов. Зубатовские приемы слежки широко практиковались и совершенствовались. Результатом налаживавшегося полицейского сыска был провал нелегальной типографии в августе. Но так как эта операция почти не задела Юзово - Петровского комитета, то новая типография была очень скоро поставлена и работа организации продолжала развертываться без перебоев. Тогда полиция, как видно из переписки, повела, особенно в октябре, еще более организованную охоту за комитетом. 9 ноября состоялась так называемая „ликвидация“, в результате которой снова была арестована типография, и несколько членов комитета, в том числе один из наиболее

¹⁾ „Наш Мир“ № 2, 1907 г.

активных профессионалов — „Макар“ (он же Калмыков), и захвачена печать комитета¹⁾. В связи с этим провалом Юзовка была настолько наводнена шпиками, что в ноябре Юзово-Петровский комитет вынужден был обосноваться в более безопасном, хотя и менее удобном для связи, месте, в Вознесенском руднике, на знаменитой шахте № 21.

Новое местопребывание Юзово-Петровского комитета не только весьма затрудняло руководство избирательной кампанией, но и не было настолько безопасным, как казалось тогда комитету. Полицейские донесения свидетельствуют, что уже с середины сентября Вознесенская организация и, особенно, шахта № 21, находилась под бдительным надзором внутренней агентуры, т. е. провокаторов. Поэтому появление Юзово-Петровского комитета на шахте № 21 было вскоре обнаружено, и 18-го декабря начальник юзовской охраны ротмистр Иванов доносил по начальству о результатах внутреннего наблюдения и плане ликвидации комитета. Осуществление его задерживалось только потому, что „местный надзиратель боится рабочих, членов организации, и даже, кажется, благоволит им, а потому поручить ему производство обыска является нежелательным и необходимо командировать чинов полиции, не причастных к руднику“²⁾. Нападение на шахту № 21, повидимому, было в то время далеко не легким делом, так как только к 12 января 1907 г. охране удалось мобилизовать достаточное количество „чинов полиции, не причастных к руднику“, для производства обысков и арестов. По указанию провокаторов подверглись обыску: Костыря Ив. Абр. (он же Костылев), Золотов М. И., Мешковский А. Н., Бродский Б. Ш. и Парчинский Н. А. Из них только Костылев и Парчинский оказались во время обыска дома, остальные скрылись. В результате арестовали только Костылева³⁾, а Парчинский был оставлен на свободе,

¹⁾ Истор. рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 4, ч. 76, 1906 г. вх. № 23028.

²⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 15, 1907 г. Донесение нач. Юзовского О. О. за № 336 от 18 декабря 1906 г.

³⁾ В делах охраны мы находим следующую характеристику Костылева: „Деятельный пропагандист - организатор, член Карповской организации и Юзово - Петровского комитета. В настоящее время состоит в должности подрядчика по очистке паровых котлов на руднике с апреля месяца 1906 г.; до этого времени служил на руднике „Ветка“ Новороссийского Общества. Все время пребывания в районе ведет деятельную агитацию среди рабочих и является убежденным социал - демократом. На всех митингах, устраиваемых рабочими на руднике и в поселке Юзовке, имел успех, как организатор; с этой целью часто, в особенности летом, разезжал по рудникам. По агентурным сведениям Костылев вместе с Золотовым заведуют имеющимися где - то на руднике складами оружия и библиотекой нелегальных изданий. Он же участвовал во взрыве бомбы во дворе урядника летом 1906 г., при чем указывается, что бомбу, полученную от Костылева, бросил Бродский. Костылев все время пребывания на свободе „Макара“ — Калмыкова — главаря Юзово - Петровской организации, вел с ним деятельные сношения по делам организации, много способствовал установке типографии, взятой 9 - го ноября 1906 г. в Юзовке“. (Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 15, 1907 г.)

якобы потому, что при обыске у него ничего не обнаружено. Полиции, вопреки заданию, удалось арестовать только одного Костылева, зато обыски дали более благоприятные для нее результаты. В квартире Золотова была взята печать Юзово-Петровского комитета, компрометирующая партийная переписка и много нелегальной литературы. В квартире Костылева был захвачен на ходу гектограф с отпечатанными листками по вопросам избирательной кампании, денежные отчеты Юзово-Петровского комитета и Карповской организации, черновики и проекты рукописей очередных листков и целый склад разной нелегальной литературы. В других квартирах тоже, хотя и в меньшем количестве, обнаружены были нелегальные листки и брошюры.

Провал, совершившийся накануне выборов в Думу, дезорганизовал на некоторое время работу комитета, лишил его „техники“, печати и запасов литературы. Но так как подготовка к выборам в основном была уже закончена, то провал этот почти ни в какой мере не отразился на результатах выборов.

В середине января 1907 г. по всему району происходили выборы по рабочей курии. От всех шахт и заводов было избрано около 50-ти уполномоченных и все они, за исключением двух беспартийных левых, оказались социал-демократами. Кандидатуры всех уполномоченных, социал-демократов задолго до выборов намечались организованными рабочими с общего согласия рабочих данного предприятия. На предвыборных собраниях кандидатуры уполномоченных социал-демократов выставлялись, как кандидатуры представителей рабочей партии. Во время выборов на некоторых предприятиях принимались наказы уполномоченным с требованиями социал-демократии¹⁾. В итоге, на выборах по рабочей курии социал-демократы одержали полную победу. Они не только провели своих кандидатов, но и значительно расширили организационные связи и влияние партии в рабочих массах. „Выборная кампания,— писал донецкий корреспондент,— открыла Донецкому союзу с.-д. доступ и в крестьянскую среду, в которой он почти не работал. Уполномоченные от рабочих встретились с уполномоченными от крестьян, и это сразу дает возможность широко поставить воздействие партии пролетариата на деревню. В этом направлении пока сделано очень мало за отсутствием сил. Съезды уполномоченных от волостей нигде не были использованы, кроме Мариуполя, в котором уполномоченные рабочие сумели сплотить уполномоченных крестьян и тем самым помогли им одолеть „правых“²⁾).

Вскоре после выборов началась организационная работа по созыву районного съезда уполномоченных. Работа эта

¹⁾ „Наш Мир“, № 2, 1907 г.

²⁾ „Русская Жизнь“, № 38, 1907 г.

неоднократно срывалась не только постоянными полицейскими репрессиями, но и вследствие индифферентного, а зачастую и трусливого поведения уполномоченных. Однако, после долгих усилий, 27 января удалось созвать первую конференцию уполномоченных. Она заседала в течение шести часов в вагоне железной дороги. На конференции были намечены кандидаты в выборщики, выработан наказ для них и избрано пять делегатов для присутствия на губернских конференциях уполномоченных Екатеринославской губ. и Донской области. По вопросу об организации постоянного института уполномоченных решено было поручить Юзово-Петровскому комитету во все время заседаний думской сессии регулярно через каждые две недели созывать с'езды уполномоченных¹⁾.

В ночь на 28-е января в Екатеринославе состоялась губернская конференция уполномоченных, на которой были намечены кандидатуры в выборщики и депутаты. Юзово-Петровский район не получил ни одного места в депутаты на том основании, что кандидат этого района должен был проходить по Донской области.

На выборах по Донской области, проводившихся в начале января, от Юзово-Петровского района прошел депутатом в Думу рабочий-инструментальщик Берестово-Богодуховского рудника, меньшевик Нестеров.

После выборов в думу Юзово-Петровский комитет решил созвать второй районный с'езд уполномоченных. На с'езд, состоявшийся 11-го февраля, явилось 35 уполномоченных, 15 представителей от местных с.-д. организаций и 3 представителя Юзово-Петровского комитета. Из трех депутатов в Думу от Донецкого бассейна (Белоусов, Нагих и Нестеров) на с'езде присутствовал только Нестеров. В порядке дня с'езда стояло 3 вопроса: отчеты выборщиков и депутатов о выборах по Донской области, организация совета уполномоченных и наказ депутатам в Думу.

В своих отчетах выборщики и депутаты кратко доложили с'езду о своих действиях и выступлениях как на губернском с'езде уполномоченных, так и на с'езде выборщиков, о соглашениях с другими партиями на последних стадиях выборов и о результатах этих соглашений.

По вопросу об организации совета уполномоченных с'ездом была принята следующая резолюция: „Голос рабочих депутатов в Гос. Думе в борьбе с отжившим правительством и при столкновении с буржуазными партиями может иметь силу и влияние только в том случае, когда весь рабочий класс своей организованной деятельностью будет поддерживать своих депутатов. Для создания такой поддержки депутатам необходима широкая организация рабочего класса, а для этого необходимо восполь-

¹⁾ „Наш Мир“, № 2, 1907 г.

зоваться создавшимися в процессе выборов коллегиями уполномоченных.

С'езд уполномоченных признал поэтому необходимым организовать коллегия уполномоченных от рабочих, которая бы способствовала организации рабочих вокруг рабочих депутатов и для этой цели 1) сносила бы с ними по всем важным вопросам политической жизни, 2) осведомляла бы рабочих о деятельности Думы, 3) передавала бы рабочим депутатам требования и наказы рабочих.

Совет уполномоченных должен иметь свои с'езды. Все с'езды устраиваются (в зависимости от политических условий) по губерниям, по областям и по районам. С'езды уполномоченных созываются по требованию одной трети уполномоченных, по инициативе Юзово - Петровского комитета или депутата Думы. С'езды уполномоченных Юзово - Петровского района созываются через посредство Юзово - Петровского комитета¹⁾.

Вопрос о наказе рабочим депутатам Думы вызвал оживленные прения, особенно по линии тактики с. - д. фракции в отношении непролетарских оппозиционных партий. В результате большинством был принят следующий текст наказа: „Обсудив совместно с членом Гос. Думы тов. Нестеровым вопрос о деятельности рабочих депутатов в Думе, с'езд уполномоченных Юзово - Петровского района пришел к следующим заключениям: 1) Рабочие депутаты Гос. Думы должны вступить в с. - д. фракцию, которая должна вести самостоятельную политику и отстаивать интересы рабочего класса. В то же время с. - д. фракция должна, в целях скорейшего свержения самодержавного правительства, поддерживать все революционные шаги непролетарских партий в Думе. 2) Рабочие депутаты должны всеми силами стремиться к тому, чтобы Дума связалась с народом и для этой цели должны добиваться: а) чтобы Дума обратилась с воззванием к народу, в котором бы изложила программу ближайших своих требований и призывала бы население к поддержке Думы; б) в целях той же связи Думы с народом рабочие должны возбудить в Думе вопрос об организации продовольственных и аграрных комитетов, советов безработных, советов рабочих депутатов. 3) Рабочие депутаты должны сами обратиться с манифестом к рабочим всей России, должны прислушиваться к требованиям городской и сельской демократии и установить более тесную связь между с. - д. фракцией в Думе и рабочим классом. 4) В ряду первых вопросов, возбужденных рабочими депутатами в Думе, должны быть: а) вопрос о земле, б) о продовольственной помощи голодающим крестьянам, в) о помощи безработным“²⁾.

1) „Русская Жизнь“, № 47, 1907 г.

2) „Дело Жизни“, № 5, г. 1907, стр. 12.

Вторым с'ездом уполномоченных закончился более чем трехмесячный период думской избирательной кампании. Подводя итоги этому периоду, следует дать оценку как агитационно - организационной деятельности Юзово - Петровского комитета, так и его политической линии. В первой области комитетом и его местными организациями была проделана громадной важности работа по закреплению и расширению влияния РСДРП в рабочих массах. Прежде всего были созданы на всех предприятиях рабочие избирательные комитеты, при помощи которых была широко развернута с. - д. агитация и от лица которых на выборах выставлялись партийные кандидаты. В выборах участвовало 60 — 70% всех рабочих и за с. - д. кандидатов было подано 90% всех голосов. Из членов Юзово - Петровской организации прошли 3 выборщика и 1 депутат в Думу. В результате избирательной кампании была создана в районе новая организация — совет уполномоченных, состоявший из уполномоченных, независимо от принадлежности к той или иной политической партии. Совет уполномоченных устраивал свои с'езды, имел свое выборное бюро для непосредственной связи с членами Гос. Думы и для проведения в жизнь директив с'езда уполномоченных. На шахтах и заводах совет уполномоченных опирался на беспартийные рабочие комитеты, в задачу которых входило руководство повседневной как политической, так и экономической борьбой рабочих масс. Рабочие комитеты организовывались по соображениям конспирации в самых разнообразных формах: в виде примирительных камер, комиссий для урегулирования цен на продукты, советов старост, комиссий для реорганизации существующих потребительских лавок, комитетов для сношений с рабочими депутатами Думы и т. п. Беспартийные комитеты обсуждали на местах деятельность Государственной Думы и вырабатывали по разным вопросам наказания и петиции. Кроме того, комитеты обследовали условия жизни и труда местных рабочих, собирали статистические сведения путем проведения соответствующей анкеты среди рабочих.

В целях объединения деятельности рабочих комитетов Юзово - Петровский комитет предполагал созвать легальный районный беспартийный рабочий с'езд из представителей рабочих комитетов, уполномоченных профсоюзов и потребительских обществ¹⁾.

Какую же тактическую линию проводил Юзово - Петровский комитет в избирательной кампании? Постановления конференций и листовки комитета свидетельствуют об ультраопportunистической тактике избирательных блоков с кадетами, что являлось результатом засилия меньшевиков, да еще правого

¹⁾ Истор. - рев. архив. Дело деп. пол. О. О. № 5, ч. 15, 1907 г. „Отчет Юзово - Петровского комитета“.

рабочес'ездовского толка, в объединенной Юзово - Петровской организации¹⁾.

Следует отметить, что в то время большевики имели сколько-нибудь значительное влияние только на весьма немногих рудниках района, в том числе на Берестово - Богодуховском и Вознесенском. Самым замечательным явлением в районе в то время следует считать организацию совета уполномоченных и беспартийных рабочих комитетов. Через них партийная организация могла оказывать большое влияние на широкие массы рабочих. Но беда была в том, что эти важнейшие рабочие организации превращались защитниками идеи рабочего с'езда в могильщиков партийной организации. Рабочес'ездовцы подменивали партию широким беспартийным рабочим с'ездом, т. е., по сути, ликвидировали партию. На этот ликвидаторский путь стал и Юзово - Петровский комитет, когда он пытался созвать районный рабочий с'езд, чтобы начать практически борьбу за донецкий рабочий с'езд, а затем и за всероссийский. Но эта попытка Юзово - Петровского комитета не была осуществлена, так как Лондонский партс'езд по предложению большевиков категорически осудил идею рабочего с'езда, как ликвидаторскую затею, подчеркнув в своей резолюции, что „идея рабочего с'езда ведет по существу своему к замене социал - демократии беспартийными рабочими организациями длительного характера, а организационная и агитационная подготовка рабочего с'езда неизбежно ведет к дезорганизации партии и содействует подчинению широких рабочих масс влиянию буржуазной демократии. . .“ Но решения партс'езда хотя и прекратили всякие попытки к созыву местных рабочих с'ездов, не помешали рабочес'ездовцам превратиться в открытых ликвидаторов. Ликвидаторы имели значительное влияние и вели разлагающую работу в Юзово - Петровской организации вплоть до перехода ее полностью на нелегальное положение с наступлением третьей июньской реакции.

(Окончание в следующем номере)

¹⁾ Руководящее влияние в организации тогда имели профессионалы - меньшевики: Тарас (он же Ф. И. Тимофеев) — секретарь Донецкого комитета, Семен (кличка не раскрыта) и Михаил Пром. Последний работал, главным образом, по организации профсоюзов. Был избран делегатом на 5 - й партс'езд от Донбасса, но по дороге за границу попался в лапы полиции и после суда отсидел шесть лет в луганской и бахмутской тюрьмах. („Правда“, № 130, 6 октября 1912 г.). Кроме того, в качестве активных пропагандистов по району работали — Роза Перевозская, Никита, Соломон, Николай и Петр (клички не раскрыты).

ЧЕРНИГОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

К моменту об'явления войны в Чернигове была небольшая, но сплоченная большевистская организация. Старых партийцев-большевиков к тому времени в Чернигове уже не было и вся организация состояла приблизительно из трех десятков рабочих-ремесленников и десятка учащейся молодежи. Когда возникла черниговская партийная организация, трудно сказать. В период от 1907 до 1910 года в Чернигове проживали отдельные большевики, но между собою они были мало связаны и работы почти никакой не вели. Не вели ее в этот период и меньшевики. Меньшевиков в этот период было больше и среди них были влиятельные и подготовленные работники: И. Дроздов, Брегин, В. Подуботок, Антоненко и др.

С 1910 года в Чернигов ежегодно на лето, а иногда и на рождественские каникулы начали приезжать молодые большевики — питерские студенты: Е. Короткий, А. Гриневич, И. Приседько и Товстуха, киевские студенты-меньшевики: Н. Гаврилов и М. Шафранович. Они имели большое влияние на черниговскую учащуюся молодежь, они же (особенно энергично трое первых) начали организовывать кружки среди рабочих.

К середине 1912 года в Чернигове работало больше подюжины рабочих кружков¹⁾. Руководителями их были товарищи из учащейся молодежи, которые, прежде чем идти в рабочие кружки, занимались по несколько лет в ученических кружках. Ученическая социалистическая организация существовала совершенно отдельно. В ней были, кроме большевиков и с.-р., и меньшевики и неоформившиеся товарищи, но только наиболее старые ее члены, наиболее подготовленные и партийно оформившиеся имели связь с рабочими кружками и допускались к работе в них.

С появлением „Правды“ работа значительно оживилась, организация оформилась и окрепла. „Правда“ выписывалась

¹⁾ Об этом см. статью Горбовца и др. в № 3 — 4 „Летописи Революции“ за 1926 г.

в большом количестве экземпляров. Членские взносы взимались не особенно аккурратно, но несколько раз в год собирались деньги на партработу и партийную литературу.

Черниговская организация имела более тесную связь с Питером, чем с Киевом. Это объясняется и тем, что в жизни черниговской организации питерские студенты-большевики играли огромную роль и тем, что нелегальной литературой мы снабжались из Питера несравненно лучше, чем из Киева, и, наконец, тем, что черниговская организация очень настороженно относилась к черниговцам-студентам Киевского университета, так как часть их была связана с меньшевистской организацией, а часть занимала неопределенную позицию между большевиками и меньшевиками. Другой же связи у черниговской организации с киевской организацией до 1913 года не было, а после 1913 г. киевская организация сама была настолько слаба, что не могла оказать сильного влияния на нашу организацию.

В конце 1913 года и первой половине 1914 года в Чернигове было выпущено 4 листовки (первомайская, о Ленском расстреле, о IV Государственной Думе и о событиях в Питере).

Когда вспыхнула война, черниговская организация решила выпустить листовку против войны. Война не внесла в организацию смятения и не дезорганизовала ее. Это объясняется между прочим и тем, что и черниговская группа с-р. (19 человек), и очень расплывчатая и неоформленная организация Поалей-Цион, и даже наиболее активный и деятельный меньшевик Ваховский (Арнольд Риш), живший в Чернигове на нелегальном положении—все с первых же дней войны были настроены интернационалистски. Хотя задачи, стоявшие перед рабочим классом в связи с войной, не все расценивали одинаково, большинство было настроено просто против войны, за мир во что бы то ни стало.

Через несколько дней после объявления войны из Питера от И. Приседько было получено большое письмо с изложением содержания листовок о войне, выпущенных в Питере большевистским комитетом. Это письмо было зачитано по кружкам и на основе его была написана листовка. Расклеивать листовку было поручено: С. Туровскому, Эюке Нехамкину и М. Бунину. Числа 3—4 августа, ночью, после расклейки листовок все трое были задержаны. Листовок у них уже не нашли, улики прямых против них не было, но все же всех трех выслали (очевидно на основании агентурных данных) административным распоряжением в Вологодскую губернию.

Осенью 1914 года после высылки трех провалившихся товарищей и отъезда из Чернигова в Питер и Киев нескольких активных членов местной организации пришлось переконструировать комитет и пополнить его новыми работниками. Для руководства рабочими кружками была создана так называемая рабочая коллегия из руководителей рабочих кружков,

которая и выполняла роль комитета. В нее вошли: Р. Гордон, А. Шильман, В. Шафранович, А. Залкинд, М. Муринсон, Б. Васильевская, Ю. Коцюбинский.

Число рабочих кружков осенью 1914 года выросло до 11, из них 9 было крепко сколоченных, хорошо работающих. Для работы кружков использовывались как квартиры членов кружка, так и две специально нанимаемые для этой цели квартиры. Весной, летом и осенью значительная часть собраний проходила под открытым небом в окрестностях г. Чернигова, главным образом, за Десной.

В рабочих кружках изучалась программа партии, история рабочего движения в России и политэкономия, разбирались отдельные статьи из „Правды“ и „Просвещения“. Кружки следили за работой с.-д. фракций в Государственной Думе и за рабочим движением в крупных рабочих центрах России — сведения об этом черпали, главным образом, из газет. Доклады о жизни и работе других партийных организаций, даже соседних (киевская, гомельская), никогда не делались.

В менее подготовленных кружках доклады делал руководитель кружка, в более подготовленных — сами члены кружка, а руководитель только подводил итог приемам.

Приезжие товарищи очень редко заглядывали в рабочие кружки. В кружках преобладали рабочие мелких портняжных, заготовочных и сапожных предприятий и строительные рабочие; последних было всего несколько человек.

По национальности подавляющее большинство было еврейских рабочих, по возрасту — преимущественно молодежь в возрасте от 18 до 26 лет.

С.-р. имели среди рабочих один большой кружок. Среди членов его преобладали украинцы, были отдельные очень хорошие товарищи, но в целом их кружок работал очень слабо, хотя возрастной состав в нем был выше, чем в наших кружках.

У „Поалей-Цион“ было несколько рабочих кружков, но они были расплывчаты и мало оформлены, как и вся их организация. По своему составу они были такие же, как и наши.

Меньшевики¹⁾ и бундовцы (последних в Чернигове было всего 2—3 человека) рабочих кружков не имели, но в рабочей среде у отдельных меньшевиков были некоторые связи, в частности, в типографии Черниговской губернской земской управы, где мы не имели никакого влияния, хотя и пытались неоднократно завязать с ней связь.

¹⁾ Нужно отметить, что с черниговскими меньшевиками, кроме Ваховского и М. Шафрановича, наша организация никаких отношений и дел не имела, это объясняется полной пассивностью их и тем, что они даже не пытались вести с нами борьбу за влияние в наших кружках.

С с.-р. у нас была борьба, но, главным образом, за влияние на учащуюся молодежь, среди которой у с.-р. было значительное количество сторонников. — Ю. К.

Осенью 1914 года у нас в организации разбирался вопрос, нужно ли идти в армию или же нужно уклоняться от военной службы. Дебаты были очень горячие, обсуждение тянулось долго, и под конец выработалось единодушное мнение организации — идти в армию, но только по мобилизации, чтобы вести среди солдат антивоенную работу. Добровольное зачисление в армию было отвергнуто, так как при добровольном поступлении в армию вести антивоенную работу было почти невозможно.

В армию одним из первых ушли: Л. Хитрин и В. Шафранович. Последний скоро был заподозрен в большевистской пропаганде, переведен в штрафную роту, послан на опасный участок фронта и там убит. Это была большая потеря для нашей организации. В. Шафранович был, безусловно, выдающимся работником, стойким революционером с ясной головой и твердой волей.

В ноябре 1914 года в Чернигов был переведен запасный полк из Твери. Приехало на обучение 3^{1/2} тысячи новобранцев. Режим в казармах был жестокий, за всякую провинность били шомполами. Казарменная больница была переполнена избитыми, двух человек засекли до смерти.

Черниговская организация решила выпустить листовку к солдатам. Листовка была направлена против войны и против избияния солдат. В количестве нескольких сот экземпляров она была распространена в 20-х числах декабря на казарменном участке и в городе. Результат сказался очень скоро: избияния прекратились.

Это вызвало большую симпатию среди солдат к неведомым им дотоле с.-д., заступившимся за них и избавившим их от порки, но связь с полком все же наладить не удалось.

В марте 1915 года полк был выведен из Чернигова.

В 1915 г. во время распространения листовок были задержаны: В. Примаков, Темкин, Н. Цимберг и А. Гольденберг. В связи с этим же делом были арестованы и сосланы в Енисейскую губернию: М. Муринсон, В. Примаков и М. Темкин. А. Гольденберга и Н. Цимберга судил Киевский окружной военный суд и присудил к вечному поселению ¹⁾.

* * *

Весной 1915 г. в Чернигов (из Лодзи) приехал два большевика: Лазарь Аронштам и Маша Черняк. Оба сразу же были втянуты в работу, но через несколько месяцев тов. Черняк уехала в Москву. В Москве она была арестована вместе с тов. А. Рындичем (тоже членом черниговской организации)

¹⁾ Все упомянутые товарищи впоследствии активные участники Октябрьской революции на Украине. Виталий Примаков — командир красного казачества, Н. Цимберг — чл. Киев. К-та б-ков в 1917 г., погиб при эвакуации в период немецкой оккупации, Мориц Муринсон — работал в гетманском подполье, участник II съезда КП(б)У, убит гайдамаками. Прим. ред.

и другими. Судились в 1916 г. по делу Московского Комитета РСДРП (б - ков).

А. Аронштам в 1916 году переехал в Харьков и через него мы поддерживали, правда, очень слабую, связь с харьковской организацией.

Летом 1915 года в Чернигов от киевской организации приезжал тов. Борис ¹⁾ с предложением принять участие в издании нелегальной газеты. На квартире А. Шильмана на совещании, где тов. Борис делал доклад, присутствовали: Е. Короткий, Я. Шафранович, А. Шильман, В. Шафранович, Ю. Коцюбинский, И. Бродский (последний хоть и был в то время бундовцем, но за его левые настроения мы с ним держали связь, кроме того, он был хорошим журналистом).

Тов. Борис нам сообщил, что Киевский Комитет договорился с Екатеринославским насчет совместного издания нелегальной двухнедельной газетки. Он предлагал нам присоединиться к ним и принять участие в этом издании, путем снабжения статьями и деньгами, поскольку это возможно.

Так как тов. Борис недостаточно ясно обрисовал нам направление газеты, мы, боясь, что наши взгляды могут не совпасть со взглядами редакции газеты, решили от участия в газете воздержаться и послали т. А. Шильмана в Киев выяснить подробнее направление газеты, а тов. Е. Короткому, который должен был ехать в Ленинград, было поручено переговорить по этому вопросу с Питерским Комитетом и прислать нам их мнение. Вскоре из Киева нам сообщили о провале типографии, и все разговоры об издании газеты прекратились.

В июне месяце в Киеве состоялась конференция, правда, очень малочисленная, по вопросу об отношении к войне. На ней присутствовал от Чернигова А. Шильман.

В первой половине 1916 года черниговской организацией была выпущена всего одна листовка. Кружки работали, число их оставалось, кажется, тем же, что и осенью 1914 года. Надо отметить, что за время существования в Чернигове рабочих кружков ни один из них не провалился. Проваливались отдельные товарищи из руководящего центра. Но сеть кружков все время оставалась нетронутой.

К концу лета 1916 года нам удалось получить кое-какие связи с запасными частями, стоящими в Чернигове. Особенно крепкая связь была с командой выздоравливающих, отправлявшей маршевые роты на фронт. У нас возникла мысль заняться снабжением антивоенной литературой маршевых рот, уходящих на фронт. Возможности печатать листовки у нас были слабые, мы связались с с.-р., у которых было больше технических возможностей, и создали единый комитет, целью которого было снабжать солдат антивоенной литературой.

¹⁾ Фамилии не помню, — не то Каган, не то Каплан. — Ю. К.

Капанович

В комитет вошли от большевиков: С. Соколовская, Р. Гордон, С. Туровский, Ю. Коцюбинский¹⁾ от с.-р. — Н. Дмитриева, Г. Гужовская.

Комитет решил в Чернигове издаваемой им литературы, не распространять и широкой военной организации в Чернигове не строить, чтобы сразу не провалиться. Решено было через связанных с нами солдат, уходящих с маршевыми ротами, направлять литературу на фронт. Всю работу по распространению литературы и по налаживанию связи в армии брали на себя те несколько товарищей солдат, с которыми мы были связаны (двое из них были тульскими рабочими). Комитет же только занимался изданием литературы, которую Туровский и Коцюбинский передавали этим солдатам, при чем соответствующим образом инструктировали их.

Связанная с нами группа солдат скоро наладила в свою очередь связь с командами выздоравливающих в Черкассах, Киеве и Кременчуге и начала посылать листовки в армию также через них. Всего было выпущено пять листовок по двести экземпляров каждая.

Долго мы думали над тем, от чьего имени выпускать листовки: чтобы они шли от имени б-ков — не соглашались эсеры, без подписи — считали что будет не веско, — решили подписываться „Южная военная организация“.

В конце декабря 1916 года в Чернигов приехала т. Землячка. Она подняла кампанию за исключение из комитета с.-р., заявляя, что мы без разрешения ЦК не имели права создавать объединенной организации. Мы долго сопротивлялись, считая пребывание с.-р. безвредным и боясь с их уходом остаться без технических средств для печатания листовок. Наконец, т. Землячка добилась большинства голосов за свое предложение. С.-р. были исключены из комитета, но работа скоро развалилась, так как не было технических средств для печатания и, кроме того, 2 члена комитета должны были выехать в армию.

Так кончилась просуществовавшая 4 месяца „Южная военная организация“. Кружки в Чернигове продолжали работать, поддерживали они в это время связь не только с Питером, но и с Москвой, куда переехала довольно большая группа членов партии из Чернигова.

После февральской резолюции в Чернигове из подполья вышла большевистская организация в составе 50—60 человек. И в других городах в ряды б-стких организаций вошли тоже несколько десятков членов партии, получивших свое политическое воспитание в с.-д. кружках в Чернигове в период с 1911 по 1917 год.

¹⁾ Туровский и Коцюбинский были в это время в продолжительном отпуску из армии. Первый был взят в армию в 1915 г. во время отбывания ссылки в Вологодской губернии, а второй — в Чернигове в 1916 г. — Ю. К.

ОТДЕЛ III

ИСТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ РАБОЧИХ В ДОНБАССЕ МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ

I

Падение царизма, этого оплота мировой реакции, развязало скованные силы рабочих масс, которые после февраля широкой волной хлынули в едва развернувшиеся профессиональные организации. Последние, само собой разумеется, стали опорными пунктами в их экономической борьбе, которая сейчас же после февраля бурно развернулась, захватывая почти все отрасли труда и все профессии.

Не останавливаясь пока на других районах Украины, отметим в настоящем очерке, как проявилась эта экономическая борьба и профессиональное строительство в Донбассе, где по преимуществу сосредоточена тяжелая индустрия Украины.

Первое, что бросается в глаза, — это то, что темп экономической борьбы и профессионального строительства в Донбассе был гораздо более медленным, чем в остальных районах Украины.

Само собой разумеется, не в природе донецкого пролетариата и не в притуплении его классового сознания нужно искать причины этого явления. Последнее — было продуктом, с одной стороны, неблагоприятной обстановки созданной войною, особенно в нашей тяжелой индустрии, а с другой стороны — здесь, несомненно, имела влияние оборонческая идеология меньшевиков и эсеров, которые, как мы это увидим ниже, парализовали активность рабочих масс, всячески удерживая их от массовых выступлений для отстаивания своих экономических требований.

Если февральская революция развязала дремлющие силы даже наиболее отсталых слоев и создала благоприятную политическую обстановку борьбы за давно уже назревшие классовые требования, то экономическая обстановка, в которой пришлось рабочему классу Донбасса начать эту борьбу, была крайне неблагоприятна для торжества его требований.

С момента зарождения южной металлургии, явившейся предпосылкой для процветания каменноугольной промышленности, Донецкий бассейн постепенно растет и становится в начале XX ст. сердцем всей горной промышленности, центром нашей металлургии. Здесь сосредоточиваются гиганты — металлургические заводы, наиболее мощные по оборудованию, по количеству рабочих и по размерам выпускаемой продукции, создающие широкую базу для интенсивного развития горной промышленности.

В 1870 г. в Донбассе было добыто 15 мил. пудов угля, в 1880 г. мы имеем — 85 миллионов, в 1892 г. — 218 мил., в 1900 г. — 672 мил., в 1907 г. — 1.060 мил., а накануне войны в 1913 г. — 1 миллиард 544 мил. пудов угля. Во время войны этот рост еще продолжался, достигнув в 1916 году 1.736 мил. пуд.

С такой же приблизительно интенсивностью развивалась и южная металлургия, достигнув в 1913 г. 189,75 мил. добычи чугуна, что составляло $67\frac{1}{6}$ всей продукции в России. В 1913 г. работали 47 доменных печей.

Но война, сильно подтачивавшая все народное хозяйство, сильно пошатнула и Донецкий бассейн — этот главный источник угля и металла.

Если 1916 год является кульминационным годом роста каменноугольной промышленности, то 1917 г. является исходным моментом падения этого роста, которое продолжалось во все время гражданской войны. В 1917 г. этот рост уменьшился на 238 миллион., в 1918 году добыча составляла всего 546 мил. пудов, в 1918 г. — 338 мил. пудов, в 1920 г. всего 273 мил. пудов. То же самое в отношении развития южной металлургии: 1917 год дал половину производительности 1913 года; а к началу 1920 г. под влиянием гражданской войны южная металлургия пришла в состояние полного развала: ни одна печь не работала.

Понижение годовой продукции нашей тяжелой индустрии началось, следовательно, уже с 1916 года. В „Торгово-промышленной газете“ от ноября 1917 г. — „Гибель каменноугольной промышленности“ — приводится таблица, рисующая уменьшение производительности рабочих в этой отрасли промышленности. Количество добычи, деленное на среднее число рабочих, дает следующие цифры:

В 1912 г.	— 9 264
„ 1913 г.	— 9.116
„ 1914 г.	— 9.066
„ 1915 г.	— 9.002
„ 1916 г.	— 7.339
„ 1917 г.	— 5.439

Таким образом, понижение производительности рабочего начинается уже с 1915-го года.

Враги революции относили за ее счет это резкое падение производительности труда, совершенно игнорируя то обстоятельство, что, оно как мы видели выше, началось еще накануне февральской революции. Последняя снесла легко старую прогнившую политическую надстройку но оставила нетронутым весь старый, сильно потрясенный войною экономический фундамент.

Враги революционного пролетариата пытались возложить ответственность за тяжелый кризис тяжелой индустрии на рабочих Донбасса.

Эти обвинения вызывались тем, что рабочие осмелились заикнуться об улучшении своего положения, которое под влиянием войны значительно ухудшилось.

Все предприятия тяжелой индустрии работали на оборону, этим капиталисты и пользовались для усиления нажима на рабочих. Находясь под постоянною угрозою отправки на фронт в случае прекращения работы, рабочие вынуждены были мириться со всеми условиями, которые им диктовали капиталисты, загребавшие, кстати сказать, большие барыши.

Рост заработной платы сильно отставал от роста цен на предметы первой необходимости, что и было отмечено представителями рабочих на созванной в Харькове в марте конференции рабочих Донецкого бассейна.

На этой конференции докладчик Горбаненко по вопросу о фабрично - заводской инспекции дал яркую картину состояния здоровья и жизни рабочих на горнозаводских предприятиях: „Нет ни одного предприятия, говорит докладчик, в котором вопрос о безопасности стоял бы на первом месте. Наоборот, на первом плане стоит экономия, нажива, возможно больший процент прибыли, а для этого жертвуется и жизнь и здоровье рабочих. Администрация шахт и заводские инженеры часто доходят до виртуозности; они нередко откровенно признают, что средств, которые необходимо затратить, чтобы установить средства безопасности, несравненно превосходят то, что должно быть уплачено в виде пенсий, если рабочий будет на работе убит¹⁾).

Характерна корреспонденция в газете „Труд и Воля“ от 2 июля 1917 года о жизни шахтера на Ново - Михайловском руднике, шахта № 12.

„Хозяином этой шахты является десятник М. А. Медведев. Никто так не умеет прижать рабочего, как этот хабарник. Он прямо говорит рабочему: принеси 10 или 20 руб., тогда и получишь, что просишь. И если рабочий пожалеет, не даст, то так пусть и знает, что на руднике ему больше не работать. К штейгеру с жалобой хоть и не ходи, он всегда сторону Медведева держит. Затем есть у нас еще старший штейгер, А. П. Москаленко. Этот штейгер первый хабарник, главарь

¹⁾ Известия Совета Рабочих Депутатов, № 38, от 9/V 1917 г.

целой шайки хабарников - десятников. И потому они все хабарники на Ново-Михайловском руднике, что очень широко живут, по два лакея, по два дворника держат. Мало ли им нужно. Вот они и дерут с рабочего: у кого два вагона забракуют, а если ты поденный рабочий и тебе приходится 26 упряжек, то десятник тебе запишет только 9. Станет рабочий с десятником объясняться, а тот в ответ: принеси 10 рублей, тогда и остальные упряжки запишу. Горько рабочему и обидно до слез. Работает он от 6 ч. утра до 7 ч. вечера в темных сырых шахтах, а придет время полочки, так что ему достанется? За девять упряжек ему дадут 13 р. 50 к. Что на них сделаешь? Дети босые, жена почти голая ходит, да еще из этих денег 10 руб. десятнику отдай. Если пожалеешь, не дашь десятнику, то тот на другой день и к работе не пустит или даст такую работу, что на ней и сам чорт ничего не заработает. Идти к Москаленке жаловаться? Напрасно, только себя унизишь. Он же тебя и мошенником обругает. А время к зиме идет. Дома нужда. Один пиджак на всю семью приходится, а сапог и не спрашивай. Походит, погорюет рабочий, да и поневоле понесет десятнику требуемую хабару. Ничего у нас без хабары не делается. Кругом так опутан бедный шахтер, что как ни работает, как ни бьется, а из нужды ему никак не выбиться, очень уж много у него на руднике благодетелей“.

Нужно ли удивляться тому, что экономическое движение в Донбассе в первые месяцы после февраля, носившее большей частью неорганизованный характер, нередко выливалось в эксцессы против старых административных сатрапов, наиболее ненавистных рабочей массе.

На руднике бр. Яковенко во время пожара возбужденная толпа рабочих арестовала управляющего рудником инженера Когана. Аналогичному аресту подвергся и управляющий на руднике Первозвановского товарищества.

В начале апреля был арестован и удален инженер Стецкий, управляющий весьма серьезным и опасным в газовом отношении Рыковским-рудником; был удален также инженер Куликовский, заведующий капитальной шахтой Русского Горного и Металлургического Униона.

На Прохоровском руднике подвергся удалению инженер Зверев, заведующий шахтой № 9, и старший штейгер Лагунов, заведующий несколькими шахтами.

На Берестово-Богодуховском руднике удален управляющий инженер Шадлун; удален также управляющий рудником Франко-Русского О-ва инженер Ялицкий. Такой же участи подверглись административные лица на многих других рудниках. В одном Макеевско-Мушкатовском районе удалены 3 управляющих рудниками и свыше 10 заведующих.

Такого рода требования об удалении лиц административного персонала имели место на рудниках в районах Екатери-

нинской станции первого Донецкого округа, на руднике бр. Паромоновых, на руднике Ткачова, на руднике Краснобородкина. Характерны поводы, давшие основания для некоторых эксцессов со стороны рабочих.

На общем собрании рабочих Хрустальского рудника И. П. Яковенко 28 мая состоялось постановление — признать невозможным дальнейшее нахождение на посту в качестве управляющего рудником И. П. Боряшинова и просить Исполнительный Общественный Комитет об устранении его от должности. Собрание рабочих ставит ему в вину следующее:

1) Невнимательное отношение к исполнению обязанностей после 1-го марта 1917 г.

2) Невыплату сумм, принадлежащих рабочим за 1915 и 1917 г.г.

3) Неправильное удержание с рабочих за материалы.

4) Непринятие мер к снабжению рудника достаточным количеством материалов.

5) Скидки с заработной платы подрядчиков.

6) Недодачу порожняка шахтных вагончиков.

7) Пропаганду между рабочими о бесполезности для рабочих отчислений 2% для раб. депутатов.

8) Некорректное отношение к партии социалистов - революционеров (!).

19-го мая на шахте „Иван“ был удален по настоянию рабочих А. Ю. Прибышевский; на его место был приглашен инженер Какаловский, также уволенный по настоянию рабочих с шахты Капитальная, но рабочие отказались его принять, пока не получат на это согласия рабочих шахты Капитальная.

Было немало случаев, когда Исполн. Комитет Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов требовал удаления того или иного административного лица с целью предупреждения конфликта с рабочими. Так, напр. Совет рабочих депутатов на рудниках Франко - Русского Общества прислал управляющему рудниками инженеру Ялицкому следующий ультиматум: „Совет Рабочих Депутатов на основании сведений о злоупотреблениях ваших, считает ваше пребывание во Франко - Русском Обществе вредным и потому считает срок вашей службы по 5-е июня сего года“.

Совет рабочих депутатов Несвотайского района сообщил Правлению Несвотайского рудника Т-ва Паромонова, что, узнав о прежней деятельности штейгера Федосова, которая выражалась в грубом обращении с рабочими и чрезмерных штрафах, и предвидя дальнейшее осложнение на почве нетерпимости рабочих к штейгеру Федосову, которые могут отразиться на добыче угля, постановил: потребовать от администрации р-ка удаления Федосова с занимаемой им должности.

Администрация р-ка Алтшуллера 26 июня сообщает Совету съездов, что рабочими предъявлено требование новых

прибавок в размере 50⁰/₀, а также непосредственного участия в руководстве работами, и вообще полного подчинения их представителям администрации копей, включительно до назначения жалования. Вследствие отказа управления копей исполнить изложенные требования, работы прекращены уже в течение 2 дней.

Администрация Никополь - Мариупольского металлургического завода 26 июня сообщила Совету с'ездов, что мастер, назначенный заводууправлением временно на место уехавшего в отпуск, не допускается рабочими на работу и это выступление поддерживает Совет рабочих депутатов, предлагающий заводууправлению представить нового кандидата при условии одобрения его Советом.

Все вышеприведенные факты показывают, что требования рабочих об удалении того или иного мастера были вполне обоснованы; удалялись именно те из служащих, которые в той или иной форме выявились как враги рабочего класса; эти требования поддерживались Советами рабочих депутатов, которые вследствие отсутствия профессиональных союзов заменяли их в разрешении этих конфликтов. Свое вмешательство в эти мелкие конфликты Советы рабочих депутатов мотивируют желанием предупредить более крупные недоразумения на почве недовольства рабочих тем или иным из административных лиц.

Такое движение против отдельных лиц административного персонала было, очевидно, довольно частым и массовым, если мог возникнуть проект положения о страховании служащих горных предприятий Юга России, пострадавших от эксцессов со стороны рабочих.

Проект мы извлекли из официального органа горнозаводчиков, „Вестник Екатеринославского Общества Заводчиков и Фабрикантов“, ноябрь 1917 г., № 23. Он озаглавлен: „Положение о страховании служащих горных предприятий Юга России, пострадавших от эксцессов со стороны рабочих“.

Приведем наиболее характерные пункты этого проекта:

§ 1

Страхованию подлежат все служащие, как высшие, исполняющие административно - распорядительные функции, так и низшие, исполняющие распоряжения высших (конторщики, десятники и т. д.) применительно к служащим 1-й и 2-й категории, согласно постановлению Донецкой конференции.

Примечание: Страхование, как мера временная, устанавливается в связи с переживаемыми событиями и подлежит отмене по постановлению соответствующей организации с наступлением успокоения.

§ 2

Застрахованными на основании настоящего положения считаются служащие, получающие до 12 тыс. руб. в год, включая в означенную сумму довольствие натурой, премии и др. виды вознаграждения :

Примечание: 1. Довольствие натурой исчисляется в размере 20⁰/₀ денежного оклада.

Примечание: 2. Служащие, получающие свыше 12 тыс. руб. в год, считаются застрахованными в сумме 12 тыс. руб.

§ 3

Страховое вознаграждение уплачивается при наступлении следующих обстоятельств: а) в случае насильственной смерти, б) в случае потери трудоспособности, вследствие насилий со стороны рабочих, в) в случае вынужденного ухода из предприятий, вследствие эксцессов или постановления рабочих об удалении служащих.

Пункты — 4-й, 5-й и 6-й — говорят о размерах и формах вознаграждения. Приведем еще 7-ой — последний пункт, говорящий о финансовой базе этого вида страхования.

§ 7

Советам соответствующих союзов предоставляется право входить в расследование вопроса о наличии обстоятельств, являющихся основанием для уплаты вознаграждения; постановления Совета по сему вопросу окончательны и обжалованию не подлежат. Для уплаты вознаграждения учреждается страховой фонд, собираемый путем обложения горнопромышленных предприятий, входящих в состав союза в следующих размерах :

а) уголь, антрацит, руда, брикеты, соль	$\frac{1}{10}$	к.	с пуда.
б) кокс, побочные продукты коксования	$\frac{1}{6}$	„	„
в) чугун	$\frac{3}{5}$	„	„
г) железо	$\frac{2}{4}$	„	„
д) ртуть	$\frac{2}{4}$	„	„

* * *

У нас, к сожалению, нет достаточных сведений об истории возникновения этого проекта, который, несомненно, является творением горнозаводчиков с целью удержать наиболее преданных им, и в особенности высших, служащих на предприятиях.

II

Репрессии со стороны рабочих против отдельных ненавистных им служащих были только одним из эпизодов массового экономического движения рабочих; основным содержанием этого движения являлись многочисленные назревшие требования в целях улучшения своего материального положения. Уже в марте месяце начались многочисленные конфликты на предприятиях на почве таких требований, сводившихся к повышению заработной платы, к проведению 8-мичасового рабочего дня и улучшению общих условий труда.

В своих записках в высшие государственные инстанции горнозаводчики жалуются на эти „чрезмерные“ требования рабочих, частичное или полное удовлетворение которых, плачут они, должно повлечь за собою значительное повышение себестоимости, а следовательно и продажной цены, что неизбежно ляжет тяжелым налогом на всю Россию¹⁾.

Само собою разумеется, что не судьба родины, а интересы кармана беспокоили этих „преданных“ патриотов.

Таковыми же „патриотическими“ соображениями, очевидно, проникнута жалоба союза представителей металлургической промышленности.

В жалобе на имя министра, приведенной в „Горнозаводском Деле“ от 24 июля 1917 г., эти brave патриоты жаловались на образование специальных комиссий в составе советов старост, при участии союза служащих, исполнительных комитетов и т. д., которым „предоставлено право обследования, право наблюдения, право требования объяснений как заведующих предприятий, так и отдельных отраслей последних, право приглашения сведущих лиц и право направления дел к судебной ответственности“.

Во всем этом они усматривают вмешательство рабочих организаций во внутреннюю жизнь предприятий, и это их особенно возмущает.

Тут же они протестуют против рабочих требований о „передаче в их руки управления продовольственным делом“, а также против „предоставления им права распоряжения заводскими капиталами, ассигнованными продовольственным комитетом“, и говорят „о гибели родины в результате этих чрезмерных требований“.

Можно было бы привести множество других примеров, характеризующих обостренные взаимоотношения между рабочими и заводской администрацией, которая никак не может примириться с новым, созданным революцией положением, дающим рабочему возможность не только свободно отстаивать свои требования, но и участвовать в руководстве самим

¹⁾ „Горнозаводское Дело“ 1917 г. от 24 июня, № 24 — 25.

предприятием. Записки промышленников, конечно, ни слова не говорят об условиях труда, которые, как мы видели выше, были очень тяжелые.

Таким образом, уже в первые недели после февральской революции во всех отраслях промышленности, по всем районам Донбасса имели место многочисленные мелкие конфликты на предприятиях. В легкой индустрии и мелкой кустарной промышленности эти конфликты улаживались на местах (в маштабе данного завода или цеха), при чем средством их разрешения являлась забастовка или переговоры. В тяжелой индустрии положение было иное. Как выше было уже указано, еще до революции дал себя сильно почувствовать кризис нашей тяжелой индустрии. Уже и тогда чувствовался недостаток топлива и металлов, в то время, когда потребности в них, в связи с войной, все более и более возрастали. Революцией этот кризис не был изжит, а забастовочное движение в более или менее широких размерах могло бы его еще более углубить, что с точки зрения всех мастей оборонцев, стоявших за продолжение войны до победного конца — было недопустимо. И можно было бы заранее сказать, что верхи соглашательских партий будут всячески сдерживать это стихийно-развивавшееся движение.

„Нельзя, говорили меньшевики, выдвигать требования, не соответствующие развитию производительных сил в стране; переоценка пролетариатом собственных сил привела бы к анархии и в производстве и в рабочем движении“¹⁾.

Соглашателей беспокоила не столько анархия в рабочем движении, сколько анархия в производстве, которая могла бы ослабить оборону. Ради последней они и готовы были поступиться и интересами рабочих. Что это было именно так, свидетельствует характеристика забастовочного движения в Бахмутском районе, данная мне т. Глезером, работавшим тогда в Бахмуте в Правлении Союза Металлистов. „Забастовочное движение в Бахмутском районе, говорит т. Глезер, в первые месяцы февральской революции происходило, главным образом, в легкой индустрии. Что же касается тяжелой индустрии и вообще предприятий, работавших на оборону, то там хотя и были отдельные конфликты, но они не носили массового, организованного характера. Это объясняется тем, что против требований рабочих в этих предприятиях выступали не только буржуазные элементы, но и соглашательские социалистические партии, в особенности трудовики и эсеры, доказывая, что забастовочное движение недопустимо, так как это может плохо отразиться на внешнем фронте.

Промышленники хорошо учли это настроение оппортунистических лидеров рабочего движения и были мало уступчивы

¹⁾ Цитировано по материалам Киенской конференции РСДРП (м - ков).

даже там, где нельзя было прикрываться никакими соображениями обороны.

28-го и 29-го марта в Харькове происходит совещание горнопромышленников и представителей, выделенных происшедшим до того совещанием 22-х Советов рабочих депутатов Донецкого бассейна. Участвовали в этом совещании с промышленниками также 3 представителя Комитета Государственной Думы: Добровольский, Лашкевич и Туляков.

Требования, предъявленные представителями от рабочих, были выработаны Совещанием Советов рабочих депутатов. Промышленники возражали, главным образом, против повышения зарплаты в установленном Совещанием размере, но они признали необходимым немедленное введение 8-ми-часового рабочего дня, но с допущением сверхурочных работ, оплачиваемых в полуторном размере.

Промышленники согласились на исчисление с 1 апреля зарплаты из размера 8-ми часов. рабоч. дня, при чем размер зарплаты при существовании 8-ми час. рабочего дня не должен быть меньше заработной платы, существовавшей на 1 марта.

Приняли они также предложение рабочих о прибавке в размере 50% рабочим, работавшим сдельно или 8 часов. Но рабочая делегация требовала минимума зарплаты в 3 р. 50 коп. за 8-час. рабочий день для всех категорий взрослых рабочих. Промышленники же согласились гарантировать минимум заработной платы в 2 р. 50 коп. за 8-час. раб. день.

Таким образом, первая пробная встреча представителей рабочих и промышленников привела лишь к частичному соглашению.

Рабочая делегация, состоявшая вся из меньшевиков, не отказалась от своих требований, но и не призывала рабочие массы к выступлениям в защиту этих требований. Она предлагала им продолжать работу впредь до рассмотрения этого вопроса на предстоящей рабочей конференции Юга России, имевшей быть созванной в конце апреля 1917 г.

Южно-русская Конференция Советов рабочих и солдатских депутатов открылась в Харькове 27 апреля. Одновременно, с 25 апреля начала свою работу конференция горнопромышленников Юга России под председательством И. Ф. фон-Дитмара. После обсуждения всех стоявших в порядке дня вопросов, конференция рабочих приняла следующий проект требований предложенных горнопромышленникам:

1) Минимум заработной платы для мужчин и женщин старше 17 лет за 8-часовой рабочий день — 4 руб., для подростков 15—17 лет — 2 руб. 50 коп., для детей до 12—15 лет — 2 руб. за 6 час., при непрерывном условии ликвидации этого труда¹⁾ в течение 2 месяцев.

¹⁾ То - есть детского. — И. Ш.

2) Промышленники обязаны сохранить существующие продовольственные лавки и отпускать из них продовольствие по ценам июля 1916 года, а где таких лавок нет — там промышленники обязаны их устроить.

3) Отмена сдельных работ и переход на тарифную поденную систему (временно сдельные работы сохранить).

4) Для категорий особо тяжелых работ, как, напр., в шахтах, также на химических, стекольных, ртутных заводах — 6-час. рабочий день.

5) Какие работы, тяжелые или горячие, а также спорные вопросы продолжительности рабочего дня — разрешать на местах Советами рабочих депутатов, заводскими и рудничными комитетами.

6) Рабочим и служащим, занятым в Советах солдатских и рабочих депутатов, в заводских и цеховых комитетах — потеря заработка оплачивается предприятием. На счет предприятий относится содержание служащих и канцелярские расходы всех этих учреждений.

7) Прибавка всем служащим и рабочим определяется по особым таблицам в процентах к их заработку.

8) Для служащих устанавливается 6-час. рабочий день; минимум заработка для служащих — 13 — 15 лет — 50 руб. в месяц, от 15 — 17 лет — 62 руб. 50 коп. в месяц, для служителей (дворников, сторожей и т. д.) — 100 руб. в месяц. Надбавка на жалование до 1 марта по особой таблице.

9) Служащие имеют право на месячный отпуск ежегодно и на 6-месячное лечение. Промышленники должны давать им квартирное довольствие натурой или 25% жалования на квартиры.

10) Приглашать служащих промышленники могут только при посредстве профессиональных союзов служащих.

Эти требования, согласно постановления рабочей конференции, должны были лечь в основу общего соглашения по всем районам Донбасса.

Конференция промышленников выработала свои условия соглашения. Из всех выработанных различными представленными на конференции промышленными группами контр-условий приведем наиболее характерные, общие всем группам.

Как минимум заработной платы промышленники предложили 2 руб. 50 коп. за 8-час. рабочий день, включая в эту сумму существующие отдельные приплаты на дороговизну, продовольствие и др. довольствие натурой.

Для женщин и подростков, занятых на тех же работах, заработная плата устанавливается для первых от 1 руб. 50 коп. до 2 руб., а для вторых от 1 руб. до 1 руб. 50 коп., включая в эту сумму те же, указанные выше, приплаты.

Не возражая принципиально против запрещения труда детей, они считают невозможным его отменить до окончания

войны, при чем оплата их устанавливается в 75 коп. за 6-час. рабочий день.

Отказываясь от обязательного доставления рабочим продуктов первой необходимости по ценам 1916 года, они обещают лишь содействие к устройству кооперативов и других продовольственных организаций.

Что касается процентных прибавок, то максимум зарплаты в результате всякого рода начислений не должен превышать для рабочих 8 рублей в день.

Конференция также высказалась против отмены сдельщины, усматривая в этом уничтожение стимула к производительности труда.

Из других менее важных пунктов разногласий, выявившихся на этих двух конференциях, отметим следующие. Представители рабочих требовали уплаты рабочим среднего заработка во всех случаях остановки предприятия не по вине рабочего, а по предложению представителей промышленности — за время остановки предприятия, вследствие неполучения сырых материалов, поломки механизмов, взрыва котлов, время остановки до 3 дней не оплачивается рабочим; за более продолжительные остановки уплачивается рабочим половина их среднего заработка, но не более 14 дней в месяц. Они также требовали, чтобы прогул рабочих не по вине предприятия вызванный неявкою на работу или уходом какой-либо части рабочих, имеющих влияние на полный ход остальных отделов предприятия, давал основание для удержания платы остальных рабочих.

Таким образом, по основным требованиям рабочих обнаружилось резкое разногласие между представителями рабочих и промышленниками, которые в новых политических условиях продолжали смотреть на себя, как на старых хозяев и не желали пойти ни на какие уступки, мотивировали они эту твердокаменность, конечно, не интересами кармана, а высшими патриотическими соображениями, „интересами“ родины. Промышленники указывали, что повышение зарплаты в размерах, требуемых рабочею конференциею, приведет к катастрофическому повышению себестоимости минерального топлива, чугуна, железа и других продуктов фабрично-заводской промышленности. Все промышленные группы предсказывали неизбежную гибель соответствующей отрасли промышленности в случае удовлетворения этих требований.

Характерно в этом отношении рассуждение некоего А. Авдева на страницах „Вестника Екатеринославского Общества Заводчиков и Фабрикантов“ по поводу решений конференции: „Нет никаких надежд на прекращение безудержного роста напора на промышленность; нужно прямо сказать, что она, и значит вся хозяйственная экономическая база страны, в опасности“. Указывая дальше на то, что и прибыль предприни-

мателя должна быть „божеская“, он все-таки находит, что „уровень промышленной прибыли в России должен быть выше, чем в западно-европейских государствах“, иначе не только прекратится прилив в Россию необходимого для ее экономического развития иностранного капитала, но, напротив, наш промышленный капитал начнет переливаться в другие отрасли нашего народного хозяйства или отливать за границу“.

Эти рассуждения автора ярко выражают чаяния и сокровенные думы наших Тит Титычей, мечтавших о сохранении своих высоких барышей, обеспеченных им при царской таможенной политике. Ведь недаром иностранный капитал так рвался к нам. Несмотря на большой риск вследствие неизбежных революционных всплесков, которых в Европе ожидали, весьма высокие дивиденды в Донбассе привлекали немало смельчаков, строивших наши южные гиганты. Вышеприведенная цитата Авдеева — это крик души всех этих тысячей акционеров — бельгийских, французских, германских и отечественных, участие которых в производстве заключалось лишь в том, что они регулярно резали купоны своих акций.

В ответ на заключения промышленников по поводу требований рабочих конференция Советов рабочих депутатов послала промышленникам декларацию, в которой указывается, что заключения промышленников необоснованны, что рабочая конференция остается целиком на точке зрения принятых ею положений, и что ответственность перед государством за последствия отказа горнопромышленников удовлетворить справедливые требования рабочих будет всецело лежать на предпринимателях.

Таким образом, вторая конференция кончилась тем же, что и первая, мартовская. Соглашение не было достигнуто; изголодавшимся рабочим опять предложено было терпеливо ждать до разрешения конфликта в Петрограде, куда он и был перенесен по соглашению обеих сторон.

Как известно, конфликт этот не был разрешен и в Петрограде. Промышленники и там не пошли на удовлетворение всех требований рабочих, хотя представители последних представили достаточно данных для их обоснования. Промышленники категорически отказались от повышения заработной платы в требуемых рабочими представителями размерах, хотя последние были очень скромны по сравнению с ростом дороговизны, как это ярко отмечено в воззвании Областного Комитета С. Р. и С. Д. Донецкого и Криворожского бассейнов.

„Делегаты от рабочих, говорится в воззвании, дружно выяснили в комиссии стоимость всех продуктов и предметов первой необходимости, которые нужны для такой семьи (состав семьи определен в 4 человека), сокращали потребности человека до самых малых размеров и видели, что заработок при теперешних ценах продуктов, пищи и одежды, не считая

квартиры, отопления, лечения и культурных потребностей, должен быть не менее 10—12 рублей в день, а во многих случаях гораздо больше... Но рабочие понимали, что в такое тяжелое время полностью требовать уплаты в размере прожиточного минимума нельзя, и делегаты стали еще более сокращать список потребителей... И вот решено было, что для семьи в 4 человека меньше, чем 4 рубля, пока существует дороговизна, положить нельзя, что при такой сумме возможна только еле-еле сносная жизнь, что только великие ужасы кровопролитной войны заставляют рабочий класс временно примириться с таким минимумом¹⁾.

Требования рабочих, как мы видим, не только преувеличены, но еще значительно преуменьшены по сравнению с требованиями жизни, однако и эти требования остались неудовлетворенными.

Как же реагировали на это соглашатели? Верные своей тактике, они опять предложили рабочим Донбасса продолжать работу, пока этот злополучный вопрос не разрешится после обследования условий труда в Донецком и Криворожском бассейнах специальной правительственной комиссией.

В своем воззвании к рабочим Донбасса Областной Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов говорит: „В настоящее время во имя спасения страны, во имя сохранения завоеваний величайшей в мире Русской Революции необходимо сохранять могучее, напряженное спокойствие. Страна требует от вас государственного понимания серьезности положения. Страна, может быть, близка к гибели, и каждый отдельный неосторожный шаг, каждое несогласованное со всей Россией выступление может быть последним толчком, который повергнет Россию в пропасть. Русский пролетариат должен это помнить и такой ответственности перед историей принять на себя не должен. Мы заявили наши требования, удовлетворение их нам нужно, как вода, но вся страна сейчас об'ята страхом гибели, и рабочие найдут в себе силы согласовать свои действия с общим голосом. Вы должны придти на помощь правительственной и рабочей комиссии и дать ей возможность в спокойных условиях окончательно наметить разрешение рабочего вопроса“²⁾.

Картина ясна: рабочие Донбасса рвались в бой, а соглашатели (меньшевики и эсеры) этот бой отклоняли и в тщетных поисках компромиссов всячески удерживали рабочих от выступлений в защиту выработанных им требований; они сами боялись забастовок, которые могли бы помешать обороне, интересы которой в конечном счете и определяла их тактику как в политической, так и в экономической борьбе.

¹⁾ Материалы по истории профессионального движения в России, сборник 4, стр. 322.

²⁾ „Известия Харьковского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“ от 1 июня 1917 г.

Прикрываясь лозунгом „спасения родины“, представители Советов рабочих депутатов на местах призывали к спокойствию, сдерживали революционные порывы масс.

Таким образом, первые шаги донецкого пролетария в борьбе за удовлетворение его справедливых требований натолкнулись на единый фронт противника, начиная с представителей буржуазии и кончая представителями соглашательских „социалистических“ партий, претендовавших на руководство этой борьбой.

О первых шагах профессионального строительства донецкого пролетариата в следующем очерке.

ОТ ИСТПРОФА

Исптпроф ВУСПС, начавший вторично свою работу лишь в ноябре 1926 года, поставил своей ударной задачей подготовку к ознаменованию десятилетия Октябрьской революции.

Наилучшей формой ознаменования этого события является с одной стороны, освещение наиболее ярких периодов профдвижения, базируясь, на исторических материалах, а с другой стороны — подведение итогов достижений как в области профсоюзного строительства, так и в области социально-бытовых условий трудящихся.

Эта огромная задача более или менее удовлетворительно может быть выполнена только в том случае, если в работу по ее проведению будут втянуты все союзные организации, начиная с центральных объединений и кончая заводскими профессиональными ячейками.

Это освещение наиболее характерных моментов профдвижения возможно в виде отдельных исторических сборников, отдельных монографических очерков, сборников резолюций и документов. Но для этого необходимы соответствующие материалы и документы, при отсутствии которых неизбежно останутся в тени отдельные, нередко весьма характерные, моменты истории профдвижения.

Никакая издательская работа в этом направлении не будет возможна, если не принять соответствующих мер для собрания имеющихся материалов. А их, несомненно, имеется много; они разбросаны по отдельным общественным библиотекам, по архивам и у частных лиц, которые, зная цену материала, оставили их у себя на хранение, за что мы должны быть им признательны, но они обязаны сделать эти материалы общественным достоянием, чтобы ими мог пользоваться всякий исследователь, желающий внести и свою крупицу в создание истории профдвижения. Но если из архивов союзов мало что сохранилось по периоду гражданской борьбы, то сохранилась периодическая пресса того времени, в которой нашла свое отражение и профессиональная жизнь. Поэтому Истпроф и поставил своей задачей извлечение из периодической прессы материалов, относящихся к вопросам профдвижения и труда. Извлекаются и перепечатываются данные о всех видах профессионального строительства, об экономическом положении рабочих, о рабо-

чем законодательстве, о рабочей кооперации, о социальном страховании, об условиях труда и т. д. Все эти данные послужат материалами для исследования профсоюзной жизни.

Но одних этих материалов недостаточно для более или менее точного восстановления хроники событий в профессиональном движении. Необходимы еще дополнения со стороны старых товарищей — участников этих событий

Истпроф ВУСПС обращается ко всем профорганизациям с призывом взять на себя инициативу в организации кружков старых проработников для освещения отдельных моментов и эпизодов из профдвижения данной местности, применительно к тому периоду, о котором они могут дать какие-нибудь сведения.

Наиболее интересные, проработанные в кружках материалы будут печататься на страницах „Летописи Революции“ в специальном отделе по истории профессионального движения на Украине.

Открывая этот отдел, Истпроф ВУСПС надеется на поддержку как со стороны профорганизаций, так и со стороны отдельных товарищей в деле восстановления исторических материалов по вопросам профдвижения.

Истпроф ВУСПС

ОТДЕЛ IV

БИБЛИОГРАФИЯ

- *Е. И. Мартынов. „Царская армия в февральском перевороте“.* Издание Военной типографии Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927 г., тираж 3000, стр. 212.

• До сих пор мы не имели книги, посвященной выяснению роли армии в революции. О ней упоминалось в общих очерках, но последовательно процесс революционизирования царской армии не изучался. Ограничивались разговором вообще. „Армия перешла на дорогу революции“. Как перешла? Где? Когда? Вся ли армия или нет? Почему перешла? — на все эти вопросы толковых ответов нет и поныне. И вот появилась книга бывш. генерал-лейтенанта Мартынова. В ней то, судя по теме, мы и должны найти ответ на интересующие нас вопросы. Ищем, но не находим. Да, не подумает читатель, что мы хотим обругать книжку. Книга имеет много достоинств и заслуживает внимания, тем более, что она одна из первых по данной теме. Но она отличается одним коренным недостатком: в книге действуют вожди, а не массы, командующие, а не солдаты, ставка, а не фронт. Можно, конечно, ограничить тему только рассмотрением деятельности „верхов“, но тогда об этом следует прямо сказать, озаглавив книгу, примерно, так: „Верховное командование и февральский переворот“. Да и не „верхи“ нам сейчас нужны и по той простой причине, что о „верхах“ мы уже знаем все основное из целого ряда документов, опубликованных в „Красном Архиве“, Лукомским в своей книге и в „Архиве русской революции“, Блоком, Сторожевым, Шляпниковым — в приложениях к трем томам его „1917 г.“, знаем, наконец, из многочисленных мемуаров тогдашних „вершителей судеб“. Но не только поэтому, а, главным образом, потому, что мы хотим знать движение масс, революцию солдатской армии, ее развитие в годы войны, а этого-то мы как раз и не находим в книге Е. И. Мартынова.

И все-таки книга имеет много достоинств. Автор широко использовал материалы чрезвычайной следственной комиссии не только опубликованный, но и скрытый еще в архиве Октябрьской революции; использовал показания как крупных царских сановников, так и второстепенных чиновников.

и офицеров, сообщающих ряд интересных деталей. Автор использовал ряд очень мало известных документов, своих бесед с некоторыми лицами, тогда стоявшими близко к правящим верхам. Автор нарисовал картину борьбы в Питере — хронологически по дням и даже часам, довольно верно и подробно, что безусловно следует отметить, ибо даже тов. Яковлев в последнем очерке „Февральские дни 1917 года“ („Пролет. Революция“ № 2 — 3) опять ограничился сводкой общеизвестных фактов, сообщенных в книгах т. Шляпникова. Автор, наконец, не ограничился изложением чисто военной стороны революционной борьбы (может быть, и напрасно.—П С.), а попытался изглянуть на восстание, как на социальный процесс, рассмотреть его предпосылки, развитие и результаты. Тема нелегкая, и автор не всегда вполне успешно справляется с нею, но при всем этом определенной ценности книга не теряет.

А теперь несколько замечаний по существу самого содержания книги.

* * *

Книга Е. Н. Мартынова снабжена предисловием Б. Горева. Целый ряд оговорок оно вносит, некоторые ошибки автора исправляет. Мы также их коснемся.

„Царское самодержавие опиралось, главным образом, на армию...“ (17). Верно, но недостаточно, ибо сказать так — значит ограничиться характеристикой „служебной“, а не социально-классовой“. Классовая опора самодержавия — крупное, полуфеодалное землевладение, помещики-полукрепостники. Армия постольку была опорой царизма, поскольку командовал ею помещик-офицер, обладавший правом жизни и смерти крестьянина-солдата. И достаточно было вырвать солдата из-под палки офицера, как рухнула эта „главная опора“. В связи с этим следует поставить и не совсем точное утверждение автора, что будто бы с 1861 и 1874 года „офицерский корпус утратил свой прежний дворянский характер“ (29). Этот процесс относится к годам империалистической войны, но никак не к XIX веку. Ведь нельзя смешивать „дворянский характер“ офицерского корпуса с присутствием в его среде офицеров недворян. Политическое руководство и опорные пункты военного управления находились в руках дворянства, крестьянская армия воспитывалась для защиты господства дворянства.

„В 1905 году... высший командный состав, офицерство и солдатские массы остались верными царю“ (17). Опять не точно. Тот факт, что армия в своей массе не поддержала рабочего восстания, вовсе не означает ее „верности“ царю. Нужно исследовать причины относительной устойчивости тогдашней армии, а не ограничиваться голым утверждением. Разве факты, многочисленные факты военных и флотских восстаний 1905—1906 г.г.

говорят о „верности“ царю? Армия отходила от царизма — вот основное и новое для характеристики ее в 1905 г., и именно эту сторону дела отмечал тов. Ленин.

Империалистическая война окончательно расколола армию на две части: солдат, крестьян и рабочих и офицеров-помещиков и буржуазных сынков. Автор вообще выбросил анализ социально-политического значения войны. Февральская революция автором расценивается, как революция против самодержавия и почти игнорируется, как революция против войны. Употребляемое им слово „социальная“ конкретно ничего не объясняет. Отсюда и вытекает еще одно неверное утверждение автора: „В результате, как в солдатских массах, так и в офицерской среде выросла ненависть к царскому самодержавию. Обе названные группы военнослужащих в равной мере сочувствовали свержению самодержавного режима“ (стр. 42). Как это „в равной мере“? Если часть генералитета и масса офицерства, особенно кадрового, хотела замены Николая Михаилом — это совсем непохоже на требования солдатской части армии, боровшейся за демократическую республику и мир. Сказать словами автора — значит смазать классовые противоречия. Еще в 1905 году большевизм политически оценивал офицерство, как реакционную группу. По его характеристике офицерство представляло „профессионально-военную касту, интересы которой заключаются в стремлении сохранить постоянную армию и народное бесправие“. „Офицерство в целом играет реакционную роль“, говорит резолюция ноябрьской (1906 г.) конференции военно-боевых организаций РСДРП. Этому не противоречат слова Ленина о буржуазном „разжижении“ офицерства за годы войны. Они объясняют некоторую оппозиционность царского комсостава по отношению к Николаю, Распутину и „царице-немке“, но вовсе не говорят за „равное“ с солдатами „сочувствие к свержению самодержавия“. Перед нами объективный факт, отмечаемый, впрочем, и автором: солдаты вышли на улицу без офицеров. Автор, резюмируя итоги первой главы, повторяет ту же ошибку. Он говорит: „в первое время при свержении царского самодержавия солдаты и офицеры могли действовать сообща...“ (стр. 42).

Когда же солдаты и офицеры действовали „сообща“? Фактов Е. И. Мартынов не привел. А обратных сколько угодно. Пока солдаты разгоняли рабочие демонстрации — они действовали, действительно, „сообща“ с офицерами. Но как только солдаты присоединились к рабочим — так это „сообща“ кончилось: присоединение произошло помимо и против офицерства. Офицеров убивали и присоединялись через их трупы. На улицу солдатские массы вышли также сами, их никто не вел, ими никто не предводительствовал. С этой точки зрения утверждения автора о фельдфебеле Кирпичникове, поведшем за собой волинцев (94 стр.), не могут сойти за абсолютно-

достоверные. В сноске автор сам говорит, следуя за Мстиславским, о семи лицах, заявивших претензии на подвиг первого призыва к восстанию. Кто прав?

Кроме семи могли объявиться еще семьдесят, ибо это были дни, когда все шли, все звали, все были на улице, все были героями.

Большой неполнотой страдает первая глава книги: „Армия перед революцией“. По замыслу она должна трактовать о материальных и социально-политических предпосылках разложения армии. Но трактовка получилась беглая и односторонняя. Характеристика командного состава армии и правящей верхушки дана недурно. Бездарность, невежество, интригантство, устройство личных дел, забота о наградах и наживе, кутежи, низкопоклончество, трусость — такими словами характеризует автор высшее командование. Здесь он прав и беспощаден.

Но картина материального положения армии далеко не полна. А ведь кому бы, как не бывшему генерал-лейтенанту Мартынову, дать картину развала в деле снабжения и преступной работы военного министерства и интендантства?

Не лучше о боевом снабжении. Необходимо учесть значение снарядного и ружейного голода, явившегося основной причиной многих крупных поражений и, в частности, в 1915 году. Ведь и неспециалиста поражает масса невооруженных солдат даже на фронте. На 18 января 1916 г. в 13 армиях фронта числилось 1.693.000 человек, из них с оружием 1.343.000 человек, а 350.000 человек — т.-е. $\frac{1}{5}$ всех бойцов „безоружные в ближайших маршевых батальонах“ (Письмо Алек — Жилинскому д. 450).

А людской некомплект, при неисчерпаемых резервах „пушечного мяса“! А нерационально-преступное использование людского материала!

Процесс предфевральского революционизирования армии или, выражаясь общим языком, разложения ее, автор совершенно исключил из сферы своего внимания, ограничившись несколькими строками о жажде мира и документировав свои слова одним письмом офицера. Это упущение существенно, ибо оно приводит потом автора и к неверной оценке приказа № 1. Солдатские настроения можно великолепно проследить по сводкам военной цензуры и солдатским письмам. Этого автор не сделал и поэтому неглубоко представил значение вопроса о мире. Вокруг мира развернулась классовая борьба в самой армии. В нем, как фокусе, концентрировалось решение всех иных проблем — в том числе и взаимоотношений солдат с офицерами.

Мы не станем приводить документов — их много теперь опубликовано и публикуется. Скажем только, что борьба за мир началась задолго до революции. О мире солдаты говорят уже в 1915 году. Борьба выливалась во всевозможные формы

протеста: массовая сдача в плен (много фактов приведено у Ленина), дезертирство, отказ ходить в разведку, саморанение, отказ от окопных работ, братанье, отказ наступать, вечно прорывающаяся ненависть к офицерству и, наконец, бунт.

Процесс подготовки армии к революции автор не рассмотрел.

Очевидно, поэтому автор и полагает, что только после приказа № 1 началось разложение армии.

„На другой день 2 марта, он уже появился в газете „Известия С. Р. и С. Д.“, при чем произвел как в России, так и в армии впечатление неожиданно разорвавшейся бомбы. Значение приказа № 1 в революционном отношении было огромно. Лишив офицеров всякого начального контроля и поставив их под контроль солдат, он был весьма полезен с „пораженческой“ точки зрения, потому что подрывал боеспособность армии и ускорял ее разложение“ (138). В конце книги автор опять возвращается к приказу и говорит: „Известный приказ № 1 был как бы клином, вбитым в тело армии, после чего она раскололась на две части и стала быстро разлагаться“ (212 — курс. автора). Е. И. Мартынов не оригинален, ибо так оценивал значение приказа № 1 почти весь русский генералитет и верховное командование. Последнему, казалось, что приказ № 1 плюс „декларация прав“ разложили армию. Наивно - неверное понимание сути дела.

Армия „раскололась на две части“ еще задолго до революции, и в этом расколе самую меньшую роль сыграл выше-названный приказ. Последний по замыслу его авторов должен был завоевать армию на сторону меньшевистско-эсеровских Советов с тем, чтобы потом они могли двинуть солдат в наступление. „Перед нами была неорганизованная толпа и ее нужно было организовать. Поэтому мы издали приказ № 1“ — так объяснял его возникновение Церетелли на совещании ставки и Вр. Пр - ва — 4 мая. Стеклов 4 апреля аргументировал в защиту приказа от „предотвращения резни“: „У нас была скрытая тревога, но не было другого пути“ — оправдывался на том совещании Скобелев. И они правы: приказ № 1 своевременно предотвратил резню, спас офицерство, на несколько месяцев покорил армию соглашательскому большинству Советов. Но меньшевики и эсеры использовали доверие солдатской массы для продолжения войны, а „демократизацию“ для подготовки империалистского наступления. Тогда армия пошла за большевиками. Приказ № 1 не потому разложил армию, что он был „пораженческим“ (он им не был), а потому, что он был половинчатым, непоследовательным, не до конца проводимым. Е. И. Мартынов, очевидно, полагает, что не будь приказа № 1 — не было бы и развала армии.

Неверно — тогда развал бы начался еще раньше: в марте - апреле.

Ген. Новицкий лучше понял приказ № 1. Вот что писал он еще в 1918 году. „Не приказ № 1 явился причиной разложения нашей армии, а, наоборот, уже разлагавшийся тыл фронта вызвал к жизни этот исторический документ, который, конечно, был задуман, составлен и опубликован не без участия революционных деятелей армии“. („Новый вечерний час“ № 84).

Другой вопрос, неверно освещаемый автором, — о „нерешительности правительства“ и „параличе ставки“.

„... В борьбе с революцией царское правительство проявило столь же мало решительности и умения, как и в войне с внешним врагом“, пишет Е. И. Мартынов (208), и автор предисловия, т. Б. Горев, в виде упрека Мартынову говорит в том же духе: „Автор не отмечает поразительный паралич воли, который проявила ставка, не сделав почти ни одной попытки для спасения монархии и позволив царскому поезду мориться словно в мышеловке“. (13).

Можно подумать, что правительство, царь и ставка действительно сидели сложа руки и ждали исхода кровавой драмы. Эту старую легенду надо оставить. Нельзя смешивать две вещи: бездействие и беспомощность. Что правительство оказалось бессильным „усмирить“ революцию — об этом говорит сама революция. Но что правительство принимало все меры к усмирению — это надо показать, а не замазывать.

Так как этот вопрос достаточно освещен в статье т. Покровского („Пролет. Рев.“, № 2—3, 1927 г.), то здесь на нем можно не останавливаться.

„... Источники в корне разрушают легенду о якобы пассивности Николая перед надвинувшейся революцией. Непредусмотрителен он был до последней степени, — это верно, но пассивен он не был“, пишет Покровский.

А теперь пару слов о гвардии.

Е. И. Мартынов полагает, что „царское правительство сделало все возможное для того, чтобы облегчить революции ее задачу“ (206). Вот если бы оставить в Питере 10 гвардейских пехотных полков и 2 гвардейских кавалерийских полка в кадровом составе — тогда „цитадель монархии“ была бы обеспечена солидно (206).

С точки зрения максимальной сопротивляемости царизма революции — это было верно, но рассуждение автора можно понять и так: „Если бы гвардия осталась в Питере, царизм был бы защищен“. В такой форме рассуждение неверно. Его, как известно, настойчиво проповедует Шульгин („Дни“).

Наш ответ на этот вопрос иной. Судьба царизма была решена историей и никакая гвардия спасти его не могла. Борьба могла затянуться, стать более кровавой и жестокой, но кончилась бы она все равно победой революции, ибо и гвардейские полки все таки состояли из крестьянских сыновей и повсеместная победа восстания двинула бы и эти полки против царизма.

* * *

Кроме этих основных ошибок следовало бы еще отметить много мелких неправильностей и оговорок. Мы скажем только о трех.

Говоря о положении в Петрограде перед революцией, автор ограничивается такой фразой: „... В Петрограде шла борьба царского правительства с „прогрессивным блоком“ Государственной Думы, коего программа была опубликована 21 августа 1915 года „...“ (43). О том, что 1915—1916 годы для царизма прошли в борьбе с рабочим движением, охватывавшим периодически все крупные центры России, — автор совсем не говорит. Можно не исследовать рабочего движения, но нельзя сводить политическую борьбу в стране к тяжбе царизма и Думы, ибо не здесь решалась проблема революции.

Говоря о возникновении войны, Е. И. Мартынов пишет так: „Как известно, при возникновении конфликта с Австро-Венгрией и Германией, государств, в которых еще были живы тяжелые переживания манджурских поражений, царь боялся войны и был вовлечен в нее только кучкой шовинистов, во главе коей стоял великий князь Николай Николаевич, мечтавший о славе полководца“ (44). Это утверждение, по меньшей мере странно после всего опубликованного материала о возникновении войны. Неужели автор думает, что русский генеральный штаб провоцировал войну без ведома и согласия царя. Николай не переживал тяжело поражений 1904—05 г. г., ибо был всегда уверен, как это передает Витте („Воспоминания“, т. II), что „мы здорово япошкам всыпали“. Еще в 1908 году Николай не прочь был поддержать военный пыл Извольского и только грозный окрик Столыпина задержал авантюру. Политическое умирание Столыпина незадолго до смерти объясняется, между прочим, и его несогласием с военно-авантюристическими кругами во главе с царем Николаем. К войне царь упрямо шел.

Наконец, описывая события, последовавшие после приказа военной комиссии Временного Комитета о приведении войск в порядок, о возвращении офицеров в части и отобрании у солдат оружия, — Е. И. Мартынов чрезвычайно мягко говорит об этом факте так: „Офицеры полагали, что это самовольно взятое казенное оружие должно быть сдано по принадлежности. Возможно, что при этом у некоторых офицеров были и другие скрытые намерения“ (136).

Явно „служебный“ подход к оценке прямой попытки разоружить солдатские массы. Буржуазия, как это было во всех революциях, пыталась обезоружить народные массы, а потом покорить их силой оружия. Такую попытку сделало „пришедшее“ к революции офицерство. Об этом прямо и нужно сказать, а не оправдывать офицерство его служебным рвением

любовью к казенному имуществу и предположением об иных целях. Солдатская масса тогда же расценила офицерские действия по существу и дала им жестокий отпор: приказ № 1 был принят в тот же вечер.

Итог таков: книжка стоящая. Каждый прочтет ее с интересом. Книга вводит в широкое пользование сведенный едино большой архивный материал. Но вместе с тем книга не лишена и многих погрешностей. Некоторые из них отмечены в предисловии т. Горева, некоторые отмечаем и мы, рекомендуя читателям „Летописи“ книгу Е. И. Мартынова.

Ю. К.

Проф. С. Шелухин. Варшавський договір між поляками и С. Петлюрою 21 квітня 1920 року. Прага, В-во „Нова Україна“, 40 ст.

Текст самого договора между Польшей и С. Петлюрой от 21/IV 1920 года и текст военной конвенции от 23/IV 1920 г. публикуется впервые. Договор интересен и по содержанию и по форме, и является самым ярким и наглядным доказательством предательства Петлюры не только по отношению к трудящимся массам Украины, но даже по отношению к своим сторонникам. Поэтому брошюрка Шелухина приобретает немалый интерес. К сожалению, автор ставит перед собой задачу произвести юридический анализ договора и „показать унижительность его для украинского народа“ и очень мало останавливается на тех материальных и социальных бедствиях, которые этот договор нес населению Украины, и не подчеркивает контр-революционность этого договора. От автора брошюрки этого, правда, нельзя и требовать, так как по своим политическим взглядам он значительно правее самого Петлюры, но как раз эта сторона договора особенно интересна.

Договор, по мнению Шелухина, не имеет никакой юридической силы, так как 1) Директория по конституции У. Н. Р. от 28 января 1919 г. могла принимать решения только коллективно, а договора — самого его текста — до 26 года не знали ни Андриевский, ни Петрушевич, ни Макаренко, ни Швець, т. е. никто из членов Директории за исключением Петлюры; 2) по конституции все основные решения и договоры, заключенные Директорией, должны быть утверждены сессией трудового конгресса; 3) Петлюра договором выдвигался в руководители Директории, что шло в разрез с конституцией. Обоснованию этих положений посвящено немало наименее интересных страниц в брошюре Шелухина. Важно отметить, что этот договор был скрыт не только от населения Украины, от имени которого Петлюра заключал договор, но и от ближайших его

сторонників і помічників: от Ради Київського Громадського Комітета, давшої своїх представителів в склад міністерства Петлюри, от більшинства міністрів петлюровського правительства, от послов Директорії за границей. Польські дипломати неоднократно демонстрували цей договір на засіданнях Лиги націй і в міністерствах іноземних справ різних країн Європи, коли польському правительству потрібно було показати, що українське населення Волині і Галиції окупованих Польщею, добровільно, в силу договору, підписаного от його імені Петлюрою пошло під владу Речі Посполитої

Договір складений так, що, по мненню Шелухина, „ни один ворог української нації не міг зробити більше того, що зробили ті люди, які виступали по цьому договору от імені українського народу“. Так як договір цей ще не був опублікований — приводимо його текст:

ПОЛІТИЧНА КОНВЕНЦІЯ МІЖ ПОЛЬЩЕЮ ТА УКРАЇНОЮ

Уряд У. Н. Р., з одного боку, і уряд Р. П. П., з другого боку, в глибокому пересвідченню, що кожний нарід посідає природжене право на самоопреділення та окреслення своїх стосунків з сусідами, і однаково виходячи з бажання уґрунтувати підстави для згодного і приязного співжиття на добро і розвиток обох народів, погодилися на слідуючі постанови:

§ 1. Визнаючи право України на незалежне державне існування на території в межах на північ, схід і південь, як ці межі будуть определені договором У. Н. Р. з її пограничними з тих сторін сусідами, Річ П. П. визнає Директорію Незалежної Української Народньої Республіки, на чолі з Головним отаманом п. Симоном Петлюрою, за Верховну Владу У. Н. Р.

§ 2. Кордон між У. Н. Р. і Р. П. П. устанавлюється слідуючий: на південь від Дністра, вздовж р. Збруча, а далі вздовж бувшого кордону між Австро-Угорщиною та Росією до Вишегородка, а од Вишегородка на північ через взгірря Кременецькі, далі по лінії на схід від Здолбуново, потім вздовж східнього адміністраційного кордону Рівенського повіту, далі на північ вздовж адміністраційного кордону буешої губернії Мінської до схрещення його р. Припятью, а потім Припятью до її устя.

Що до повітів Рівенського, Дубенського і частини Кременецького, які зараз відходять до Р. П. П., то пізніше має наступити стисліше порозуміння.

Докладне окреслення кордонної лінії повинно бути переведене спеціальною українсько-польською комісією, складеною з відповідних фахівців.

§ 3. Уряд Польський признає Україні територію на схід від кордону, зазначеного в артикулі 2-ім цієї умови, до кордонів Польщі 1772 року (передрозборових), які Польща вже посідає, або набуде від Росії шляхом збройним чи дипломатичним.

§ 4. Польський уряд зобов'язується не заключати жодних міжнародних умов, направлених супроти України; до того ж самого зобов'язується Уряд Української Народньої Республіки супроти Річи Польської Посполитої.

§ 5. Права національно-культурні, які уряд У. Н. Р. забезпечить громадянам Польської національності на території У. Н. Р. будуть в найменшій мірі забезпечені громадянам національності Української в межах Р. П. П. і навідворот. (NB. Чи не треба розуміти: „в не меншій мірі“?).

§ 6. Заключається спеціальні економічно-торговельні умови між У. Н. Р. і Р. П. П.

Аграрна справа на Україні буде розвязана Конституантою. До часу скликання Конституанти юридичне становище землевласників польської національності на Україні определяється згодою між Р. П. П. і У. Н. Р.

§ 7. Заклучається військову конвенцію, що становить інтегральну частину умови.

§ 8. Умова ця зостається таємною. Вона не може бути передана третій стороні, чи бути опублікована нею в цілості, чи почасті, инакше, як тільки за взаємною згодою обох контрактуючих сторон, за винятком артикула першого, який буде оголошено по підписанню її контрактуючими сторонами.

Підписано в Варшаві. квітня, 21 дня, 1920 року, в двох примірниках, уложених: один в мові українській і один в мові польський, з застереженням, що в разі сумніву текст польський буде вважатися за міжнародній.

Оригінал підписали:

Керовник Мініст. Закордон.
Справ Укр. Народн. Республіки

Керовник Мін. Заграничних
Справ Річи Посполитої Польської

Андрій Лівуцький.

Ян Домбський.

Таким образом, первым же параграфом договора польская сторона поставила вопрос об отношении между обеими республиками в такую плоскость, что Польша в признании не нуждается, Украинской Республики она не признает, а признает лишь „право Украины (какой?) на самостоятельное государственное существование“ а также признает Директорию во главе с Петлюрой.

Вторым параграфом Петлюра отдал Польше территорию Галиции, Холмщины, Подолии, Волыни с преобладающим украинским населением, территория эта равна 162.000 кв. километров, имеет население в 11.000.000 человек, из которых 9.000 000 украинцев.

Третьим параграфом польская сторона признает Украину только в границах между Днестром и намеченной во втором параграфе польско-украинской границей.

В четвертом параграфе У. Н. Р. совсем выпадает и заменяется словом: „Украина“ без отношения к системе правления, и поэтому все взятые в этом параграфе обязательства со стороны Польши перед Петлюрой тут же этой подменной аннулируются.

Пятый параграф говорит, что культурные интересы украинского населения в Польше будут обеспечиваться в такой же мере, как польского на Украине. Неясная формулировка этого пункта толковалась поляками так, что одному польскому университету на Украине должен соответствовать один украинский университет в Польше. Это при двухстах тысячах поляков на Украине и 9 миллионах украинцев в Польше!

Шестой параграф упразднял все завоевания революции на селе, он возвращал помещикам их земли, имущество, заводы, восстанавливал старые дореволюционные отношения на селе. Этот параграф идет в разрез с постановлениями Центральной Рады, Директории, Трудового конгресса. Этот же параграф устанавливает особые права для украинских граждан польской национальности и дает право польскому правительству вмешиваться во внутренние украинские дела.

Прав Шелухин, когда называет этот договор безграмотнейшим, унижительным и кабальным договором для украинского населения как на землях, оккупированных поляками, так и неоккупированных ими. Даже текст договора считается действительным только на польском языке — и на это унижение Петлюра идет так же, как на предыдущие. Шелухин в своей книжке не раз вспоминает Рижский договор и указывает, насколько у советских представителей в Риге было больше чувства ответственности за население, ими представленное, и желания отстоять культурно-национальное развитие украинского населения на территории оккупированной Польши, чем у Петлюры. Шелухин находит, что Рижский договор для украинского населения значительно выгоднее, чем договор между Польшей и Петлюрой и что, не будь последнего договора, Рижский договор был бы заключен еще выгоднее для украинского населения, и это несмотря на то, что война с Польшей окончилась неудачно для советских республик.

Это признание со стороны Шелухина — ярого противника Советской власти, особенно подчеркивает отрицательное отношение украинской националистически-настроенной интеллигенции к договору между Польшей и Петлюрой.

За договором следует военная конвенция от 23/IV 1920 г. Конвенция является продолжением договора, но еще с большими ущемлениями Петлюры и его правительства.

В конвенции устанавливается, что существует единый польско-советский фронт, а войска Петлюры — только часть польской армии. Поляки ведут операции только на правобережной Украине, Петлюра, как командир украинских частей, подчиняется

польскому командованию, и таким образом подчиняется польскому командованию и все украинское правительство. Этот пункт военной конвенции ухудшает и в значительной мере аннулирует и без того невыгодную для Петлюры политическую конвенцию. В конвенции предусмотрено, что вся наиболее ценная военная добыча, которую захватывают украинские части, должна быть передана польскому командованию. Польское командование считает нужным оккупировать правобережную Украину своими войсками. Поэтому, снаряжение для украинских частей выдается с расчетом только на 3 дивизии. Все продовольствие для польской армии доставляется правительством Петлюры в благодарность за помощь против большевиков со стороны поляков. Петлюра берется снабжать польскую армию лошадьми, фуражом, повозками и рабочей силой в количестве, потребном для польской армии. За все реквизированное польской армией Петлюра берется уплатить по запискам, выдаваемым населению польской армией. Уплата по этим запискам населению производится в украинской валюте, но если за продовольствие для польской армии поляки заплатят сами, то Петлюра обязан вернуть им стоимость в размере указанной польским командованием в польской валюте. Наконец, в военной конвенции установлено, что польская марка будет считаться на Украине равной 10 гривнам (в действительности гривна стояла выше марки), что сразу же убивало украинскую валюту и поднимало польскую.

Действительно, более невыгодный договор трудно придумать. Шелухин говорит, что „это не договор между Украиной и Польшей, как его выставляют, а заговор против украинского народа, против всех его интересов на пользу Польше“.

Книжка Шелухина и приводимые в ней документы дают весьма важный материал для разоблачения беспринципности и продажности мелкобуржуазного украинского шовинизма.

С. РОЗЕН

Г. Клунний. В боротьбі за селянство. Земельне законодавство контр-революційних урядів за час революції на Україні. Всеукраїнське сільсько-господарське видавництво „Радянський Селянин“. Харків, 1926 р., 180 стор. Ціна 1 карб. 70 коп.

Рецензируемая книга ставит перед собой определенное и точное задание: „Моя задача проста, — говорит автор в предисловии, — дать возможно полнее законодательный или официальный материал для будущего историка“. В своем стремлении к протокольной полноте и „объективности“ автор, тов. Клунний, отказывается связывать собранные материалы „с ди-

намикой революционного движения... или делать те или другие выводы". Издательство в своем предисловии подчеркивает ту же мысль: „Еще не пришло время писать историю земельных отношений на Украине за годы гражданской войны". Основная же ценность работы в том, что „автору посчастливилось собрать весь тот законодательный материал, который сохранился в наших исторических анналах". А посему, делает издательство свой окончательный вывод, „работа т. Клуного станет одним из необходимых пособий для каждого, кто работает над аграрным вопросом или изучает его". В нашей рецензии мы постараемся выяснить, в какой мере книга тов. Клуного отвечает тем требованиям полноты и научности, которые он сам себе поставил в предисловии.

Работа тов. Клуного состоит из двух частей: из довольно большой вступительной статьи, комментирующей весь последующий материал, и из самого собрания документов, разбитого автором на 7 отделов. Отделы эти следующие: земельное законодательство Временного Правительства, Центральной Рады (Генерального Секретариата и Народного Министерства), Гетмана, Директории, Деникина и Врангеля.

Уже из вводной статьи выясняется, что автор недостаточно знаком с тем вопросом, о котором он пишет. Вот как тов. Клуный характеризует ситуацию летом и осенью 1917 г.: „Крестьянство, простодушное благодаря своему невежеству, терпеливо ожидало Учредительного Собрания и верило, что их постановления будут приняты"¹⁾ (стр. 14. Курсив здесь и дальше наш — С. Р.). „Крестьянство добродушно (!) верило „своей" власти и благодаря своей неорганизованности и темноте, не могло решительно настоять на революционном решении земельного вопроса и только выносило резолюции по эсеровской программе" (стр. 11). „Мы видим, — пишет автор двумя страницами раньше, что крестьянство начало борьбу значительно позднее, когда корниловский приказ показал, что паны еще существуют и что они — сила, когда немцы посадили гетмана и тысячи крестьян очутились в тюрьмах... А до того (т. е. до гетмана — С. Р.) по всей Украине происходили митинги, собрания, съезды и выборы, выборы, выборы..." (стр. 9). Нам кажется, что приведенные цитаты, число которых без труда можно было бы удвоить, приводят к одному несомненному и бесспорному выводу: автор книги, т. Клуный, имеет совершенно неверное представление о том, что происходило летом, осенью и зимой 1917 г. в украинской деревне.

Конечно, крестьянство верило в Учредительное Собрание, конечно, эсеры, и в особенности, украинские эсеры, руководили

¹⁾ В подлиннике сказано дословно так: „Селянство, добродушне через свою невідомість, терпляче чекало Установчих Зборів і вірило, що їхні постанови буде прийнято". — С. Р.

крестьянством, но это вовсе не означало того, что крестьянство „благодушно“ сидело сложа руки в ожидании манны небесной свыше. Совсем наоборот. Уже с весны, с конца апреля, поднимается огромнейшая волна захватов помещичьих и кулацких земель, проводимых по постановлениям волостных и уездных земельных комитетов. Захваты эти происходили под видом принудительной аренды земли, под тем неизменным предлогом, что владелец будет не в состоянии своими силами обработать землю, а это последнее обстоятельство, на основании постановления Временного Правительства, давало право на принудительную аренду. Крестьянство с огромной силой нажимает на земельные комитеты, заставляя их идти на бесконечные конфликты с землевладельцами. Крестьянство снимает у помещиков с работы батраков и военнопленных, не допускает поденщины, препятствует обработке земли и сбору урожая. Приказ Корнилова, который, по мнению тов. Клунного, был направлен против бедноты и батрачества, требовавших повышения оплаты труда, в действительности имел в виду противодействовать упомянутым стремлениям крестьян дезорганизовать и сделать невозможным ведение помещичьего хозяйства. Но он так же, как и приказ Керенского, принес мало пользы землевладельцам. Возникают десятки тысяч конфликтов и столкновений, в которых в большинстве случаев одерживает верх крестьянство, принудительно, против воли хозяев, арендуя по низким ценам землю. Но если в июне-июле крестьянство еще пытается придерживаться „законности“, то к августу оно уже переходит на путь самочинных захватов земель, а затем инвентаря и строений.

Можно с определенностью утверждать, что уже накануне Октябрьского переворота, значительнейшие части земель перешли фактически в руки крестьянства, а к январю, ко времени созыва Учредительного Собрания, вся основная масса крупных, средних и значительная часть мелких земельных владений вместе с живым и мертвым инвентарем уже была захвачена крестьянством.

В качестве небольшой иллюстрации к выдвинутым выше утверждениям мы приведем первые несколько строк циркуляра министра внутренних дел Церетедди от 20 июля: „Из многих мест поступают сведения, что населением допускаются захваты запашки и засева чужих полей, святие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяев экономических требований. Племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается, культурные хозяйства погибают, чужие леса вырубаются“. А в начале сентября Керенский в своем приказе писал: „Ко мне с мест все время поступают сведения о непрекращающихся действиях и самоуправстве, направленных к разрешению самочинным путем различных сель.-хоз. вопросов“... в виду этого „представляются воинские команды для охраны полей

и лесных угодий". Нужно отметить, что цитированные циркуляры писались на основании донесений с мест, главным образом, губернских комиссаров Временного Правительства, и отдельных жалоб, поступавших от землевладельцев в правительство. Масса мелких и средних конфликтов вовсе не доходила до центральных властей, и поэтому упомянутые циркуляры скорее переуменьшают, чем преувеличивают размах событий. (Это вполне отчетливо выясняется при непосредственном ознакомлении с архивными материалами того периода).

Мы не имеем возможности более подробно останавливаться на этом интересном и важном моменте революции 1917 года. В рамках настоящей рецензии это было бы излишним, так как, во-первых, искажение исторических фактов, допущенное тов. Клуным, достаточно очевидно, во-вторых, центр рецензируемой книги, по заверению автора, не во вступительной статье, а в собрании материалов.

В первом отделе автор приводит постановление Времен. Пр-ства об образовании зем. комитетов, воззвание, сопровождавшее это постановление, затем постановление командующего войсками юго-западного фронта Корнилова и два постановления Временного Правительства о запрещении сделок на землю. И это все, чем освещается деятельность Временного Правительства по земельному вопросу.

В действительности перечисленные документы составляют не более десятой доли того, что было опубликовано Временным Правительством по этому вопросу. Целый ряд важнейших документов ускользнул от внимания т. Клуного, хотя для отыскания их достаточно было просмотреть комплекты „Вестника Временного Правительства“ или какой-либо большой газеты 1917 г. („Русское Слово“, „Русские Ведомости“, „Киевская Мысль“ и т. п.). Так, наприм., тов. Клуный приводит обязательное постановление Корнилова от 8 июля 1917 г. по прифронтовой полосе Юго-Зап. фронта, но не дает второго, более общего и более категорического приказа от 31 июля, изданного Корниловым после вступления в должность верховного главнокомандующего. Отсутствует исключительно интересный и характерный приказ верховного главнокомандующего Керенского от 8 сентября, в котором эсеровский герой, как верный ученик, в точности следует шагам Корнилова. Нет очень важных для понимания политики Временного Правительства приказов министра продовольствия Пешехонова, нет циркуляров министра внутренних дел Церетелли.

Таким образом, в собрание тов. Клуного не вошло подавляющее большинство важнейших официальных документов, характеризующих практическую земельную политику Временного Правительства и его центральных органов, — политику, которую можно охарактеризовать, как желание во что бы то ни стало, какой угодно ценой, против воли огромного большинства

страны, задержать разрешение земельного вопроса до победного окончания войны.

Прежде чем перейти к следующим главам, мы считаем нужным выразить недоумение по поводу подбора тов. Клунным документов для первой главы. Кроме материалов, перечисленных нами выше и являющихся изданиями Временного Правительства, автор поместил в первую главу также постановление о земле первого Украинского войскового с'езда, постановления первого Всеукраинского селянского с'езда, постановления Всеукраинского рабочего с'езда, наконец, закон о земле Всероссийского Учредительного Собрания. Все это очень полезные и ценные материалы, но разве им место под вполне определенным заголовком „Земельное законодательство Временного Правительства“? Как известно, названные выше с'езды стояли в оппозиции Временному Правительству, а Учредительное Собрание провело свое единственное заседание, как никак, больше чем через два месяца после свержения Временного Правительства.

Интересно также отметить, что подобные добавочные материалы вошли почему-то только в первую главу, хотя, например, в главе о Директории постановления соответствующих с'ездов того периода были бы уместнее.

Значительно полнее и тщательнее составлены следующие главы: о деятельности Центр. Рады, гетмана и Директории. При этом полнее всего подобраны материалы по земельному законодательству гетмана. Интересны также комментарии во вступительной статье к гетманшине. Менее полон материал о Ц. Р. и Раде Нар. Министров. Наконец, хуже всего в этой группе обстоит дело с Директорией. П. Клунный и во вступительной статье и в материалах заканчивает период Директории февралем 1919 г., т. е. вторым приходом Соввласти на Украину, в то время, как фактически на Правобережьи, на Волыни и Подолии — Директория существовала еще по меньшей мере год, ведя все время ожесточеннейшую борьбу за селянство. Документы этого периода также должны были найти место в рецензируемом издании.

Ни в коем случае нельзя признать удачным объяснительный текст к периоду Центральной Рады. Тов. Клунный утверждает, что „вообще Генеральный Секретариат не проявил себя каким-либо значительным актом в земельном вопросе...“, а заботился только „о строительстве национального государства и плелся в хвосте событий“ (стр. 18). Утверждение это голословно и неверно. Оно находится в явном противоречии хотя бы даже с теми материалами, которые приведены в книге т. Клунного, в первую очередь с III Универсалом, передавшим землю всему трудовому народу без выкупа. Вообще, как известно, земельное законодательство Центральной Рады, особенно в тот период, когда она находилась в оппозиции к Времен-

ному Правительству, отличалось на словах чрезвычайной левизной¹⁾.

Публикуя земельные законы и распоряжения Генерального Секретариата, автор, по нашему мнению, обязан был снабдить их достаточно убедительными комментариями, показывающими огромную дистанцию между написанными в документах словами и фактическими делами Ц. Р. Тов. Клуный этого не сделал и это является, по нашему мнению, также весьма крупным недостатком рецензируемой книги, тем более, что она предназначена, между прочим, и для употребления в школах²⁾.

Две последние главы книги посвящены земельному законодательству Деникина и Врангеля. Среди деникинских материалов мы не нашли известной руководящей декларации Деникина — его письма от 5 апреля 1919 года председателю „Особого совещания“. В этом письме намечены все дальнейшие пути земельной политики: „Создание и укрепление прочных мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель...“ Сохранение за собственниками их прав на землю. Переходы земли из рук в руки возможны „путем добровольных соглашений или путем принудительного отчуждения, но обязательно за плату“.

Тов. Клуный не привел также важнейший земельный документ деникинской эпохи, наиболее ясно отражающий все чаяния и земельные планы руководящих групп белогвардейщины. Документ этот — земельный законопроект, выработанный специальной подкомиссией деникинского „Особого совещания“ и опубликованный в середине ноября 1919 г. с целью выяснения „общественного мнения“.

Эти пропуски тов. Клуного тем более удивляют, что в таком известном журнале, как „Пролетарская Революция“, еще года за два до выхода в свет рецензируемой книги была помещена статья тов. Мальта „Деникинщина и крестьянство“, в которой упоминается и цитируется довольно значительное количество образцов деникинского земельного законодательного творчества.

В заключение мы остановимся в нескольких словах на технической стороне издания. При научном опубликовании исторических материалов прежде всего встает вопрос о языке. Вопрос этот в разных случаях разрешают по-разному. Иногда документы воспроизводят по оригиналам, с сохранением языка и прилагают, в случае необходимости, перевод в качестве

¹⁾ Автор рецензии забывает об известном законе Ц. Р. о неприкосновенности земельной собственности в пределах 40 дес., изданном в январе 1918 г. который определенно разоблачал кулацкое существо ее аграрной политики. — Р е д.

²⁾ На книге имеется виза Методкома Наркомпроса УССР, разрешающая ее к употреблению в сель.-хоз. ВУЗах и профшколах, совпартшколах и проч. — С. Р.

приложения. В других случаях все издания выпускают на одном каком-нибудь языке, в точных и выверенных переводах, причем в приложениях дают подлинный текст важнейших документов. Тов. Клуный избрал третий путь. Он без всяких колебаний приводит в своей книге документы по тому тексту, который первым попадался ему под руку. В результате оказалось, что Деникин и Врангель твердо держались русского языка, а Временное Правительство, напротив, почти всегда публиковало свои законы по-украински, лишь в редких случаях переходя на русский. Такое случайное и произвольное смешение языков, конечно, совершенно недопустимо в издании, претендующем на научность, тем более, что переводы не выверены автором, а взяты из газет.

Наконец, в научном издании должны быть указаны даты документов, в рецензируемой же книге ряд документов не датирован. (Так наприм., в приказе Корнилова, вышедшем 8 июля, указано только, что он был опубликован „Київськ. Зем. Газ.“ 22 июля).

Из всей нашей рецензии можно сделать только один вывод: рецензируемая книга ни в коей мере не удовлетворяет требованиям, предъявляемым научным изданиям, ни в смысле полноты, ни в отношении качества. Жаль, так как в опубликовании собраний документов революционной эпохи, несомненно, имеется большая потребность.

ОТДЕЛ V

ХРОНИКА

РАБОТА КОМИССИИ ПО ПОДГОТОВКЕ ПРАЗДНОВАНИЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПРИ ВУЦИК'е

Постановление об организации комиссии было вынесено президиумом ВУЦИК'а 2 марта прошлого года. Состав ее, согласованный с ЦК КП(б)У, был назначен следующий :

1. Петровский (председатель) — ВУЦИК. 2. Хвыля — Отдел Печати ЦК КП(б)У. 3. Озерский — Главполитпросвет. 4. Войцеховский — ДВУ. 5. Рабичев — ВУСПС. 6. Затонский (персонально). 7. Скрипник (персонально). 8. Попов Н. Н. — Агитпроп ЦК КП(б)У. 9. Ганенко — О - во политкаторжан. 10. Кучмин — ПУУВО. 11. Марченко — Харьк. Окрпарком. 12. Лымарь — ЦК АКСМУ. 13. Иванов — Истпарт ЦК. 14. Власенко — ВУЦИК. 15. Шумский — Наркомпрос. 16. Шлихтер — О - во старых большевиков. Секретарем комиссии назначена т. Шрейбер.

Первое заседание комиссии состоялось 30 августа 1926 г., и с тех пор началась систематическая работа комиссии. Работа комиссии идет в двух направлениях : по выработке и осуществлению мероприятий по проведению десятилетия во всеукраинском масштабе и по руководству работой окружных комиссий. Для текущей работы выделено Бюро комиссии в составе т. т. Власенко, Озерского, Шрейбер и две подкомиссии: литературно - издательская, под председательством зав. отделом печати ЦК т. Хвыли и агитационно - зрелищная, под председательством зав. Главполитпросветом т. Озерского.

РАБОТА АГИТАЦИОННО - ЗРЕЛИЩНОЙ П КОМИССИИ

План празднования, выработанный агитационно - зрелищной подкомиссией, основан на следующих положениях : празднование должно иметь массовый характер и давать полный простор инициативе мест и самих коллективных участников празднования — рабочих, крестьян и всех трудящихся УССР, празднование должно в яркой и наглядной форме показать трудящимся тягости борьбы за Сов. власть на Украине, достижения, принесенные рабоче - крестьянской Украине победой Соввласти, итоги ее работы по строительству народного хозяйства и народной культуры. В частности, будут выявлены наши завоевания

в области национальной политики, а также международное значение Октябрьской борьбы и победы. Одновременно с освящением завоеваний праздник десятой годовщины должен выдвинуть перед трудящимися Украины задачи, стоящие перед ними в дальнейшем.

Формы предполагаемого празднования намечены самые разнообразные. Начиная от манифестации и митингов, кончая массовыми спортивными упражнениями и уличными театральными постановками.

Необходимость соблюдения максимальной экономии заставила Октябрьскую комиссию урезать в зрелищно-выставленном плане те из мероприятий, которые требовали больших расходов и в то же время давали лишь кратковременный эффект (так, был снят проект всеукраинской хоровой олимпиады, требовавший для своего осуществления до 40.000 руб., проект инсценировки на площадях Харькова Октябрьских боев и т. д.).

Основные работы, к которым сейчас приступила агитационно-зрелищная подкомиссия, сводятся к следующему: 1) подготовка конкурсов на драматические пьесы, оперы, симфонию, хоровые и сольные песни, романы, повести, поэмы, которые должны дать художественное и музыкальное отражение борьбы украинского пролетариата и крестьянства и смысла ее достижений, 2) подготовка выставок а) революционного украинского искусства, б) фактической истории Октябрьской революции (при Музее Революции), в) производственных возможностей Украины, 3) ознаменование ликвидации неграмотности по Украине. Последнее поставлено таким образом, чтобы втянуть в подведение итогов по ликвидации неграмотности все трудящееся население Украины.

По конкурсу ликбеза предполагаются премии, отмечающие успех не отдельного лица, а коллектива, так, например, кинофикация и вестеренизация сел, наиболее успешно ликвидировавших безграмотность, выдача тракторов, похвальных грамот, библиотек и т. д. Намечены также премии для учительства.

По проведению всех упомянутых мероприятий работают под руководством агитационно-зрелищной комиссии особые комиссии при Наркомпросе Украины.

Конкретно этой комиссией проделано следующее:

1) Проработан план и смета театральных представлений ко дню десятилетия в гостеатрах Харькова, Киева, Одессы (драма и опера) и в пяти меньших театрах.

2) Проведена подготовительная работа и объявлен конкурс на литературные произведения: роман, повесть, рассказы, поэма, стихотворения.

3) Проведена подготовительная работа и объявлен музыкальный конкурс на хоровые выступления, сольные выступления, симфонию, оперу.

4) Проведена подготовительная работа и объявлен конкурс на пьесы: для большого театра, для клубных и сельских театров.

5) Проработан план, составлена смета и проведена другая подготовительная работа для выставки картин украинской живописи, графики, карикатуры и т. д.

6) Проведена подготовительная работа по организации всеукраинской рабочей капеллы (составлена смета, проработано положение о капелле, намечен руководитель и т. д.).

7) Разрабатывается образцовая схема окружной выставки к празднованию: богатства округа, достижения за 10 лет и т. д.

8) Проведена подготовительная работа по организации всеукраинской выставки производственных возможностей (проработан план, смета, собрано множество материалов).

9) Проведена подготовительная работа и объявлен конкурс на наилучший медпункт, вознаграждение за ликвидацию неграмотности.

10) Разрабатывается план использования во время праздника всех волшебных фонарей, какие имеются на Украине.

11) Проработаны и заказаны для изготовления несколько серий диапозитивов для Октябрьских торжеств.

12) Прорабатывается вопрос о возможности обеспечения во время празднования соответствующими советскими фильмами всех кино-установок на селе.

13) Прорабатывается порядок празднования Октября в городах: в клубах, красных уголках и т. д.

14) Разработан план изданий ряда агит. сборников для села и города, агитационных плакатов, библиографических указателей и т. д.

15) Проработан план использования радио: передача инструктивного материала, речей, трансляция из Москвы и Ленинграда.

Срок празднования устанавливается трехдневный: 6-го, 7-го и 8-го октября. 6-го вечером по всем заводам, фабрикам, учреждениям, войсковым частям и по селам Украины будут проведены общие собрания с докладами и воспоминаниями об Октябрьской революции, будут ставиться революционные спектакли. 7-го проводятся парады войсковых частей, демонстрации рабочих и крестьянских организаций, митинги на лодках, карнавалы, физкультурные состязания и т. п. Ко дню празднования как в городах, так и в селах по возможности будут установлены радио-приемники, громкоговорители. Все три дня празднования будут устроены бесплатные спектакли и кино-сеансы во всех государственных театрах и кино.

Ко дню празднования юбилея все шествующие организации посылают в свои подшефные села представителей для участия и проведения празднования на селе. Целый ряд

организаций и учреждений подготавливает своим подшефным селам подарки к юбилею (тракторы, разные сельскохозяйственные орудия, кино-аппараты, радио-приемники, библиотеки и т. п.).

В села, особенно отличившиеся в революционной борьбе, будут командированы артисты для постановки пьес, проведения хоровых и инструментальных концертов.

Популяризацию юбилея Октября и проработку его истории и завоеваний предполагается проводить в особенности среди молодежи и учащихся в течение полугода, с 7-го ноября по 1 мая 1928 г.

РАБОТА ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ П/КОМИССИИ

Работа литературно-издательской п/комиссии протекала в непосредственном контакте с Истпартом ЦК КП(б)У. В основу издательского плана, выработанного комиссией, был положен план изданий Истпарта в связи с десятилетием Октябрьской революции, утвержденный Оргбюро ЦК КП(б)У (10 февраля 1926 г.). Но в этом предварительном плане Истпарта были произведены некоторые сокращения. При этом Октябрьская комиссия, учитывая необходимость большой сдержанности в выпуске юбилейной литературы, оставила в своем плане только те издания, которые являются совершенно необходимыми для выяснения особенностей Октябрьской борьбы на Украине и для популяризации основных событий нашей революционной истории и главных достижений советского строительства на Украине в широких трудовых массах. Поэтому из плана были сняты такие работы, которые доступны лишь узкому кругу читателей, как, напр., сборники документов, сборники по отдельным отраслям советской политики и т. д. План, в окончательном его виде утвержденный пленумом Октябрьской комиссии, включает следующие основные работы: сборники, освещающие основные вопросы борьбы за Октябрь, истории КП(б)У и аграрной революции на Украине, хронику событий на Украине в период 1917—1921 г. г., общий очерк по истории Октябрьской революции, монографии по отдельным наиболее интересным темам (национальная политика, молодежь в Октябре, ЧК в украинской революции) и, наконец, популярные издания, рассчитанные на широкие рабочие и крестьянские круги, дающие в доступной форме изложение главнейших этапов украинской революции и достижений Соввласти на Украине. Весь план предполагает 197 печ. листов. Издания будут выпускаться преимущественно на украинском, частично на русском языках, а некоторые популярные работы и на языках нацмен (еврейском, польском, немецком и т. д.).

Так как вследствие специфических особенностей украинской экономики, классовых и национальных отношений на Укра-

ине в общих работах, подготовляемых Всесоюзной комиссией проблемы украинского Октября достаточно полно охвачены быть не могут, Всеукр. Октябрьская комиссия считает совершенно необходимым выпуск всех работ, указанных в ее плане, так как без осуществления этих изданий наша рев. история останется неизвестной широким массам населения и наиболее сложные проблемы украинской революции не будут разрабатаны. А за это уже пора приниматься.

Нужно еще отметить намеченное литературно-издательской п/комиссией к выпуску издание справочно-библиографического характера: указатель литературы по вопросам классовой борьбы и революции, вышедшей на территории Украины за 10 лет. В этот справочник предполагается включить не только книги, но и журнальные и газетные статьи.

В целях осуществления издательского плана литературно-издательская п/комиссия предприняла ряд мероприятий: все работы распределены между издательствами, определен размер дотации на эти издания, намечены авторы работ и редактора для сборников и популярных изданий. При выделении авторов для основных работ, вошедших в план, Октябрьская комиссия наткнулась на серьезные затруднения: вследствие скверного состояния архивов эпохи революции и гражданской войны, выполнение исторических работ на основании одних лишь документальных данных невозможно. Для освещения весьма сложных и запутанных проблем украинского Октября необходимо сотрудничество самих участников революционных событий, активных деятелей украинской революции и советского строительства. Так как значительная часть старых украинских работников находится вне Украины, а товарищи, работающие на Украине, загружены текущей работой, то привлечение авторов для октябрьских изданий оказалось делом чрезвычайно трудным. Литературно-издательская комиссия рассчитывает на содействие в этом деле ЦК КП(б)У, для воздействия на товарищей в партийном порядке и для того, чтобы предоставлением отпусков обеспечить им реальную возможность выполнения возложенных на них заданий.

РАБОТА ПЛЕНУМА И БЮРО ОКТЯБРЬСКОЙ КОМИССИИ

По настоящее время, т. е. за 7 месяцев работы, пленум комиссии заседал 4 раза. (Нужно отметить, что в текущем, 1927, году еще ни разу не удалось созвать пленума вследствие частных раз'ездов председ. комиссии и ее членов, так что фактически 4 заседания были проведены за 4 месяца).

Важнейшие вопросы, стоявшие на пленуме, были: формирование комиссии и п/комиссии, утверждение планов агитационно-зрелищного и издательского, утверждение положения

и инструкций по работе окр. комиссий, разработка и утверждение сметы комиссии

Смета в размере 140.000 р. была поставлена на обсуждение президиума ВУЦИК'а, признавшим необходимым ее в основном утвердить. Смета составлена из следующих основных статей: дотации театрам на проведение спектаклей в дни праздника — 12.000 руб., организация художествен. выставки — 12.900 руб., организация юбилейной выставки при Музее Революции — 12.000 р., субсидия на подготовку изданий по худож. литературе — 9.000 р., дотация издательствам на выпуск научной и популярной литературы — 71.966 рублей, субсидия Истпарту на подготовку изданий в центре и в округах — 17.439 р., на премирование ликвидаторов неграмотности — 3.000 руб., на содержание канцелярии — 1.500. руб.

Бюро Октябрьской комиссии, выделенное на последнем ее пленуме 2 декабря 1926 г., заседало 7 раз.

Вопросы, рассмотренные им, распадутся на следующие основные типы: 1) просьба организаций и учреждений о выдаче авансов в счет субсидии и дотация, согласно сметам; 2) планы отдельных наркоматов и др. учреждений по ознаменованию десятилетия революции; 3) планы местных окружных комиссий; 4) различные предложения по плану празднования (постановка памятников, выпуск жетонов и т. д.). Всего рассмотрено 30 вопросов.

В виде авансов различным организациям, проходящим по смете Октябрьской комиссии, выдано 28700 руб.

Рассмотрены планы празднования Наркомсобеза, Наркомзема и Уполнаркомпочтеля и двух местных комиссий: Днепропетровской и Зиновьевской. При рассмотрении планов комиссия придерживалась общей линии: проводить празднование с минимальной затратой средств, преследовать цели улучшения быта трудящихся, приобщения их к культурным достижениям (радио, кино, агротехника и т. д.), избегать персональной помощи отдельным лицам и выдвижения за личные заслуги отдельных участников, а отмечать заслуги в революции коллективных борцов (предприятие, село).

РАБОТА НА МЕСТАХ

Для подготовки и проведения десятилетнего юбилея Октября на местах дана директива ВУЦИК'ом об организации Октябрьских комиссий при каждом Окрисполкоме, которые должны проводить работу на протяжении целого года. Большинство из округов организовало такие комиссии еще до 9 й годовщины Октября, а часть — после. В данное время насчитывается 34 окружных Октябрьских комиссий. Приняты меры для организации их и в остальных округах. Из большинства окркомиссий во всеукраинскую комиссию поступили планы

ознаменования десятилетия. В ряде округов к десятилетию намечены работы по постройке рабочих домов, клубов, сельбудов, домов отдыха, детдомов и музеев революции, большинство которых будет названо именем Октябрьской революции для ее ознаменования. Проводится также работа по постройке электростанций в селах, постройка новых мостов, упорядочение парков, посадка новых, проведение трамвайных линий в рабочие районы и т. п., мероприятия по улучшению культурно-бытовых условий крестьянских районов и рабочих окраин.

Многие окркомиссии намечают к десятилетию издания по истории революции и сов. строительству в своем округе. Исходя из чрезвычайного разнообразия обстановки и самого характера событий, протекавших на Украине, литературно-издательская подкомиссия, на основании предложения Истпарта, разрешила важнейшим округам выпуск местных изданий в следующем размере (за счет местного бюджета):

1. Волинскому Истпарту	10	печ. лист.
2. Запорожскому „	10	„ „
3. Кременчугскому „	10	„ „
4. Николаевскому „	10	„ „
5. Прилукскому „	5	„ „
6. Днепропетровскому Истпарту	35	„ „
7. Черниговскому „	12	„ „
8. Мариупольскому „	10	„ „
9. Зиновьевскому „	10	„ „
10. Харьковскому „	25	„ „
11. Одесскому „	30	„ „

Приложение к докладу Октябрьской комиссии

ПЛАН ВИДАНЬ ДО ДЕСЯТИРІЧЧЯ ЖОВТНЕВОЇ РЕВОЛЮЦІЇ

1. Збірник „Жовтень на Україні“	40 д. арк.	5000 прим.	ред. т. Затонський
2. Загальний нарис з історії Жовтневої революції :			авт. т. Рубач
а) українською мовою	15 д. арк.	2000 прим.	
б) російською мовою	15 „ „	5000 „	
3. Нарис „Молодь Жовтневої революції“ :			авт. т. Ножницький
а) українською мовою	5 „ „	5000 „	
б) російською мовою	5 „ „	5000 „	
4. Нарис „Ч. К. і Жовтнева революція“ :			ред. Кручинин
а) українською мовою	10 „ „	3000 „	авт. ред. комісія ДПУ
б) російською мовою	10 „ „	3000 „	авт. т. Скрипник
5. Збірник по націпантню та націполітиці на Україні :			
а) українською мовою	8 „ „	5000 „	
б) російською мовою	8 „ „	5000 „	
в) польською	8 „ „	2000 „	
г) єврейською	8 „ „	2000 „	
д) німецькою мовою	8 „ „	1500 „	

- 6) Нарис з історії культурного будівництва на Україні 5 д. арк. 1000 „ авт. т. Ряппо
7. Хроніка важливіших подій Жовтневої революції на Україні . . 25 „ „ 2000 „ ред. т. Мебель
8. Нарис по історії партії в роки громадянської війни на Україні :
 а) українською мовою 15 „ „ 5000 „
 б) російською мовою 15 „ „ 5000 „ ред. т. П. Попів
9. Альбом ілюстрацій з історії Жовт. револ. на Україні 148 „ „ 5000 прим. (підготов. Му-зеєм Революц.)
10. Діаграми 10 шт.
11. Плакати в фарбах 15 „
12. Нарис з історії робітничого та профес. руху на Україні — 1917—1921 р.р. авт. Колесников
 а) українською мовою 10 д. арк. 3000 прим.
 б) російською мовою 10 „ „ 3000 „
13. Популярні нариси з істор. укр. Жовтня та громад. війни:
 а) українською мовою 22 нариси по 2 арк. по 5000 прим.
 б) російською мовою 6 „ „ 2 „ „ 5000 „
 в) польською мовою 1 „ „ 2 „ „ 2000 „
14. Збірник з історії аграрної революції та зем. політ. на Україні . . 20 др. ар. 3000 прим. ред. т. Клименко

ПЕРЕЛІК ПОПУЛЯРНИХ НАРИСІВ З ІСТОРІЇ ЖОВТНЕВОЇ РЕВОЛЮЦІЇ

1. Червона гвардія на Україні автор Шельгін.
2. Центральна Рада „ Рубач.
3. 1-й Радянський Уряд — Народний Секретаріат „ Люксембург.
4. Німецька окупація та гетьманщина „ Карпенко.
5. Червона партизанщина „ Анулов.
6. Денікинщина „ Кин.
7. Боротьба з польським панством „ Лазоверт.
8. Махновщина „ Тенпер.
9. Бандитизм на Україні „ Казельський.
10. Організація Червоної армії „ Шельгін.
11. Союзна інтервенція на Україні „ Анулов.
12. Партія в Жовтневій революції „ Шрейбер.
13. Жінка в Жовтневій революції „ Шинкарь.
14. Селянство в роботі за Радвладу „ Попов П.
15. Земельна політика Радвлади „ Качинський.
16. Що дав Жовтень селянину „ Фурер.
17. „ „ робітнику „ Шульман.
18. Радянське будівництво на Україні „ Конотоп.
19. Кооперація та Жовтнева революція „ Агуф.

А. Г.

ИСТПАРТРАБОТА НА МЕСТАХ

ОДЕССКИЙ ИСТПАРТ

(По двухмесячной сводке и протоколам коллегии)

Работа Одесского Окристпартотдела за отчетное время, как видно из сводки и присылаемых протоколов, развернулась правильно и вполне успешно. Сейчас внимание Истпарта сосредоточено исключительно на истпартовской работе, и уже ощущаются значительные результаты.

В области организационной за отчетный период Одесским Истпартом проделана следующая работа: организована группа участников ревдвижения на Днепропетровщине и один нацменовский кружок содействия. Организован институт уполномоченных сельских районов. Проведено совещание городских райуполномоченных и руководителей кружков содействия. На этом совещании принято решение о необходимости популяризации работы Истпарта и организации с этой целью „недели Истпарта“.

В области научно - исследовательской работы и собирания воспоминаний Окристпартом проделано следующее: удалось наладить регулярную работу бюро кружков, которая проводится под руководством и в помещении Истпарта. Кружок подпольщиков проверил и обработал 2 статьи по 1917 году в Одессе и одну о работе Приморского района в период 1918—19 г.г., написанные членами кружка.

Двум членам кружка подпольщиков Истпартом поручено написать статьи о партработе в Одессе за 1918—19 г. г. для юбилейного сборника.

Кружок красногвардейцев за отчетное время проверил и проработал 8 воспоминаний членов кружка, посвященных деятельности Красной гвардии в Одессе в период 1917—18 г. г. Кружок красногвардейцев проверяет все воспоминания, устанавливает точные даты, выявляет места событий, имеющих историческое значение, для фотографирования. Кружком партизан закончена проработка всех воспоминаний о партизанском движении в б. Одесском округе за период с 1917 по 1920 г. г. В данное время кружок приступил к разработке материалов

по партизанскому движению на Приднестровщине. Кружки КСМ, Нацмен и Днепропетровская группа закончили организационную работу и приступили к проработке материала.

Хроника революционных событий на Одещине периода 1917 — 1921 г.г. Окристпартом целиком закончена и прислана в Истпарт ЦК КП(б)У.

За отчетное время собрано 17 различных воспоминаний и материалы исторического характера, как-то: стенограмма с'езда „Румчерода“, протоколы заседаний Исполнительного Комитета Совета Солдатских и Офицерских Депутатов и т. д.

В области издательской работы Одесским Истпартом проводится подготовка к изданию юбилейного сборника к десятилетию Октября. Распространение истпартовских изданий и, в частности, журнала „Летопись Революции“ идет несколько слабо. В ближайшем будущем Окристпартотдел предполагает предпринять ряд конкретных мер к большей популяризации истпартовских изданий.

Как новое в работе Одесского Истпарта необходимо отметить принятое на совещании райуполномоченных проведение по всему округу кампании „недели Истпарта“. Такого рода популяризация истпартовской работы несомненно явится большим толчком к непосредственному участию массы партийцев в работе Истпарта. Это особенно нужно в связи с тем, что для проведения плана работ к десятой годовщине Октября осталось не много времени. Умело и стройно организованная кампания может дать в смысле собирания воспоминаний и исторических материалов большие результаты.

ЛУБЕНСКИЙ ИСТПАРТ

(По двухмесячной сводке)

Лубенский Окристпартотдел за отчетный период реорганизовал свою работу и выработал новый план. К сожалению, выполнение этого плана совпало с избирательной кампанией. Большинство товарищей, которые так или иначе должны были участвовать в истпартовской работе, раз'ехали на перевыборы Советов. Истпартовская работа, таким образом, отошла на второй план. Коллегия Истпарта тоже не работала. Всю работу в течение последних двух месяцев проводил почти исключительно секретарь Истпарта. Ему же ОПК поручило написать очерк о революционных событиях на Лубенщине, Миргородщине и Хорольщине за период с 1917 по 1920 г.г.

К десятилетию Октября Лубенским Окристпартотделом предполагается издать сборник по истории парторганизации. Средства будут отпущены местной Октябрьской комиссией. За отчетное время собрано пять воспоминаний, охватывающих период Соввласти на Лубенщине 1918 и 1919 г.г. 1919 год

освещен полнее, чем 1918 год. Некоторые воспоминания подкреплены документами. На основании материалов партархива составлены списки участников Октябрьской революции и гражданской войны на Лубенщине. Составлена карта-маршрут восстания. Составлена также хроника революционных событий. Проработаны 131 газета, архив Лубенской парторганизации за 1920 и 1921 г.г. и Миргородской — за 1920 г.

Отношение ОПК к истпартовской работе внимательное. Одной из основных задач в будущей работе Окристпартотдел считает усиление живой связи с районами, организацию института райуполномоченных, с целью усиления темпа сбора мемуарных и других материалов.

ИЗЮМСКИЙ ИСТПАРТ

(По двухмесячной сводке)

Очень затруднительно положение тех Истпартотделов, которым приходится работать, не имея архивно-документальной базы. Они вынуждены ограничить свою работу почти исключительно собиранием и обработкой материалов мемуарного характера. К числу таких Истпартов относится и Изюмский.

За отчетное время Изюмским Окристпартотделом при предприятиях организованы группы содействия истпартовской работе. Кроме того, приступлено к организации института райуполномоченных. О результатах работы существующих групп содействия нам судить трудно, ибо в присланной Окристпартом сводке ничего об этом не сказано, а других сведений не имеется.

Изюмскому Окристпартотделу удалось наладить правильные взаимоотношения с Истпрофом и Истомолом. Представители последних входят в коллегию Окристпартотдела.

Окрпарком к испартовской работе относится серьезно и внимательно. Были заслушаны доклады и даны соответствующие директивы.

Благодаря отсутствию архивных и печатных партийных материалов, относящихся к периоду 1917—20 г.г. (архив уничтожен при налете банд Махно), Окристпартотдел никакой издательской работы в свой план не включил и концентрирует внимание на собирании и проработке воспоминаний.

К сожалению, осветить более подробно работу Изюмского Истпартотдела не представляется возможным, так как в присланной двухмесячной отчетной сводке он ограничился лаконическими ответами на поставленные вопросы.

В будущем как Изюмский, так и другие Истпарты, отчетность которых страдает теми же недостатками, должны составлять сводки так, чтобы по ним можно было судить о проделанной работе.

**ВІДКРИТО ПЕРЕДПЛАТУ
НА ЩОМІСЯЧНИЙ ЖУРНАЛ**

ГАРТ

Журнал „ГАРТ“ має на меті
об'єднати всіх українських
пролетарських письменників
та критиків

Журнал „ГАРТ“ міститиме
художні твори, критичні, пуб-
ліцистичні та наукові статті з
різних питань мистецтва, ва-
гали та літератури зокрема

УМОВИ ПЕРЕДПЛАТИ:

на 12 міс.	—	4	крб.	50	коп.,
„ 6 „	—	2	„	50	„
„ 3 „	—	1	„	35	„
„ 1 „	—	—	45	„	„

**ПЕРЕДПЛАТУ ПРИЙМАЄ
СЕКТОР ПЕРІОДИКАЛЬНИХ ВИДАНЬ Д. В. У.**

Харків, Сергіївська площа,
Московські ряди, № 15,
а також скрізь по Україні
уповноважен. Періодсектору

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

**В. Коряк, І. Микитенко,
М. Доленго, П. Усенко,
В. Сосюра, В. Юринець**

АНТИРЕЛІГІЙНА ВИСТАВКА

„РЕЛІГІЯ ЧИ НАУКА“

Серія літографованих плакатів (всіх 52 прим.) до протирелігійної пропаганди з додатком провідника по протирелігійній виставці. У кольорових плакатах, які мають великий успіх, порівнюється релігійні й наукові погляди про всесвіт, дуже багато матеріалу на викриття поганського характеру християнства.

Протирелігійна виставка „РЕЛІГІЯ ЧИ НАУКА“
поділяється на 4 відділи:

1) Релігійне й наукове тлумачення всесвіту: релігія, агрономія та медицина, 2) Походження релігії та релігійний культ, 3) Догмати, тайни, чудеса, 4) Церква й держава.

Ціна цієї виставки 22 крб. 50 коп.

Для передплатників журналів „Безвірник“ та „Селянський будинок“ встановлюється ціна замість 22 крб. 50 коп. — 15 крб.

ЩО СКАЗАЛА ПРЕСА:

„Хотілось - би бачити таку виставку на кожній фабриці й у кожному селі. Ціна виставки дуже дешева.“
(Безбожник № 38)

„Скрізь по селах виставка викликала велике зацікавлення. Часто приходили селяни за декілька верстов.“
(Шлях до Комуни № 5, стор. 61—62)

Гроші можна надсилати: Харків, Сергіївська пл.,
Московські ряди, № 15, Сектору Періодичних Видань ДВУ
Не гайте часу, бо перше видання швидко розійшлося.

